

история / география / этнография

Никита Кривцов

С

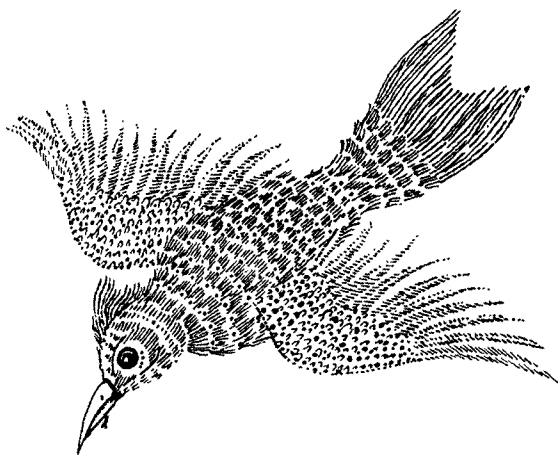
ейшелы —
осколки трех
КОНТИНЕНТОВ

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Никита Кривцов

Сейшелы — осколки
трех континентов

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2011

УДК 914/919

ББК 26.89 (6сей)

К82

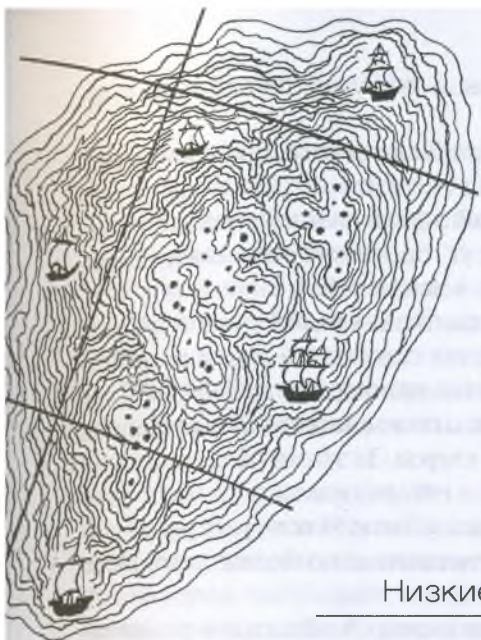
Иллюстрации И. Тибиловой

ISBN 978-5-91678-081-9

© Н. Кривцов, 2011

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2011

Низкие облака

... Да, это были облака! Клочочками белоснежной ваты висевшие над бескрайней лазурью и над уже появившимися зелеными неровными кружочками в тонкой белой обводке прибой и песка — островами.

Облака были редкими, но густыми и — главное — какими-то очень низкими.

Это было первое, что я увидел в иллюминатор, когда проснулся.

Очень яркая и приветливая была эта картина, и — радостная, после долгой темной ночи полета...

Но почему-то именно эти низкие облачка заставляли смотреть в иллюминатор — не зеленые клочки тропической суши среди океана, а эти клубочки, висящие низко над ними...

Самолет уже заходил на посадку, но все равно казалось, что облака букваль-

но стелятся над водой и выглядящими совсем крошечными сверху зелеными островами.

Океанские острова — я давно заметил — притягивают к себе облака. Они лепятся вокруг гор, часто проливаясь дождеми, даже когда над океаном — ясное небо.

Я уже не раз видел, как шапкой — белой пушистой легкой или темно-серой, тяжелой грозовой — среди голубого ясного неба облака покрывали или вообще скрывали Азорские острова, Мадейру... Будто они действительно старались спрятать их от посторонних взоров. За этими облаками была какая-то загадка, они словно отгораживали острова от прямого взгляда сверху, старались утаить. И если раскрыть — то делали это не сразу, лишь постепенно позволяя снять пелену тайны и загадки.

Но здесь гор пока не было видно. А облака все равно парили, летели, двигались — а их движение выдавали темные тени — буквально над землей, точнее, над океаном и землей.

Может, такое впечатление возникает везде. Но только здесь я поразился этим низким облакам..

Первое, что я увидел?

Все яркое — небо, цветы, улыбки. Все беззаботное — люди, цвета, сама атмосфера. Все как должно было быть. Как я себе представлял... Или как это бывает в кинофильмах, где герой прилетает в какой-то тропический рай... ну, да... Не хватало только такой, как в этих фильмах, весело-беззаботной музыки за кадром. Ну, там, рэгги или — здесь бы это больше подходило, как я потом узнал, — сеги, которую я потом слушал и по местному радио, и в барах, и... в наушниках почти всю обратную дорогу, девять часов, в самолете до Парижа.

А может, она и играла? Не помню... Но вряд ли... Хотя — была бы к месту, в самый раз...

Когда мы выехали из аэропорта в сторону города, слева появились горы, не особенно высокие, но крутые, все утопающие в зелени, а их вершины скрывали густые дымчато-серые облака. День, точнее, еще утро было солнечным,

приветливым, ясным, но облака над горами темнели, казались суровыми грозowymi тучами. Это в них сбивались веселые и беззаботные легкие белые пушинки-кочочки ваты, что я видел над океаном...

Я смотрел из окна машины с априорной приязнью. Мне все нравилось. Такая вот почти любовь, почти с первого взгляда. Жаль, я тогда еще не знал подходящих слов, которые мог бы сказать, сразу сойдя с трапа. Они должны были бы вертеться у меня на языке, если бы я их знал...

Но...

Любовь, точнее, интерес были, правда, еще заочными. Ну, как, наверное, бывает знакомство по переписке. Или, что более верно, как бывает, когда ты увлекаешься каким-то человеком — писателем, художником, музыкантом, да мало ли кем. Знаешь наизусть его работы, его поступки, биографию, читаешь о нем все, что можно... И вдруг — встреча! Что тут главное? Чтобы не было разочарования!

Этим объектом моего увлечения и были когда-то Сейшелы.

Я был готов к встрече. Я знал все, что можно было узнать заранее.

И смотрел на все, конечно, другими глазами, чем подавляющее большинство туристов и вообще приезжих.

И, естественно, сравнивал — то, что знал заочно, с тем, что видел, что узнавал из первых рук. Оттого — не было очень большого удивления, оттого был страх разочарования...

Я всегда во все свои поездки — будь то командировка или путешествие, организованное мной самим, — еду подготовленным. То есть изучаю все, что можно, о тех местах, куда собираюсь, читаю, смотрю интернет, прикидываю, планирую. Одним словом, готовлюсь заранее. И призываю к этому своих студентов, которым читаю мастер-классы по тревел-журналистике.

Но тут был особый случай.

К этой поездке я — за исключением частных — специально почти не готовился. Или — совсем наоборот. Я к ней готовился несколько лет. Но не специально.

Но как ни скажи — я был уже готов!

Еще когда был студентом, в 1970-е годы, меня на карте мира привлекли названия — Сейшельские острова, Маэ, Виктория. Красивые имена... Способные ласкать слух еще до наступления эры легкого межконтинентального туризма. И все это — посреди Индийского океана. И — тогда еще — с аббревиатурой «Брит» в скобочках под названием островов, что означало: это британское владение.

Маэ звучало особенно экзотично. И явно не по-английски. Кто так назвал остров?

Вот тогда-то еще я и полюбил заочно этот далекий архипелаг.

А потом стал заниматься серьезно. Наверное, не было книги о Сейшелах, доступной в Москве, которую бы я не прочел. Все-таки диплом МГУ, часть диссертации на степень кандидата исторических наук.

В выборе темы был не только интерес. Была еще какая-то — пусть и на расстоянии — причастность к экзотике. Исследовать и писать было, с одной стороны, сложно — по-русски о Сейшелах литературы практически не существовало, а отечественных специалистов — и подавно. Но с другой стороны, это был плюс: никто не знал эту тему, не было ревности, не было тех, кто мог разнести в пух и прах...

Теперь я думаю, это был отчасти и некий «кукиш в кармане». Вообще-то многие, если не большинство будущих африканистов (по крайней мере в 1970-е годы) любили Африку колониальную, Африку белых колонизаторов, и поэтому с особым трепетом относились к ЮАР, в то время стране победившего апартеида... Но занятие любой темой по Южной Африке требовало идеологического обоснования, политической подоплеки, что в общем-то омрачало все дело.

Сейшелы и Маврикий были колониальной и в значительной степени «белой» Африкой, но здесь можно было без подведения всякого идеологического зубодробительного обоснования заниматься увлекательной историей французов и англичан — к тому же на таком прекрасном экзотическом и романтическом фоне.

Хотя, конечно, витал, возможно, у некоторых вопрос: «А кому это вообще нужно?»

Я и сам не очень знал, нужно ли это кому-то, кроме меня.

Но востоковедение даже в советские годы позволяло себе всякие не очень понятные с рациональной точки зрения темы. Хотя какой Сейшелы Восток?

А потом там начали строить социализм. И Сейшелы оказались очень даже нужны.

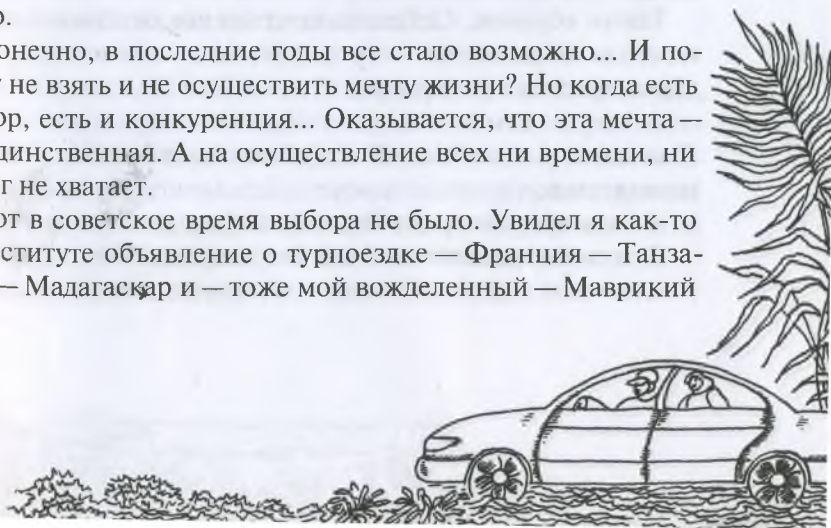
Но ими уже занимались совсем другие люди. Ну, как всегда...

Конечно, «социалистическая ориентация» бросала, как мне казалось, тень на предмет моего интереса и заочного обожания. Ну, даже как-то обидно было — зачем замахиваться на святое?.. И в то же время что-то мне подсказывало, шепотом, очень тихо и невнятно: социализм там, ну, такой, не настоящий, не тот, что у нас... И острова вряд ли могут сильно измениться по сравнению с той картиной, которую я себе представлял уже не один год...

Одним словом, в глубине души я, конечно, лелеял мечту когда-то оказаться на Сейшелах, но — не очень верил в это.

Конечно, в последние годы все стало возможно... И почему не взять и не осуществить мечту жизни? Но когда есть выбор, есть и конкуренция... Оказывается, что эта мечта — не единственная. А на осуществление всех ни времени, ни денег не хватает.

Вот в советское время выбора не было. Увидел я как-то в институте объявление о турпоездке — Франция — Танзания — Мадагаскар и — тоже мой вожделенный — Маврикий

и сразу же побежал записываться, соображая, что деньги (по тем временам немыслимую сумму) наскребу как-то, потом буду отдавать, на пару недель как-то смогу исчезнуть, прикроют... То есть я не думал: сейчас — не сейчас, Маврикий или не Маврикий, дорого — дешевле. Но меня, конечно, послали (с внутренним гневом и смехом одновременно): поездка была только для преподавателей. Страны «третьего мира», не говоря о Франции, считались капиталистическими, а студентам можно было только в страны социализма. О чем мне и сказали прямым текстом. Некоторые мои сокурсники записались тогда на поездку в «социалистическую» Венгрию, объявление о которой висело рядом с «Маврикием». И некоторые потом съездили туда с большим удовольствием и вернулись с большим числом шмоток и воспоминаний.

Мне же тогда сама эта альтернатива показалась оскорбительной... Ну, примерно как на субботнюю «Утреннюю почту» на ТВ приходили письма с просьбой показать «Битлз», а вместо них ставили «Веселых ребят».

Возможно, поэтому меня как-то не тянет в Венгрию до сих пор. Это — как ассоциация с какой-то обидой и несправедливостью.

Но, возвращаясь к мечте попасть на Сейшелы, был и еще один момент.

Я очень хорошо знаю и чувствую разницу: ты едешь туристом, отдыхающим, или ты едешь работать, журналистом, едешь ты в группе или один.

Таким образом, Сейшелы продолжали оставаться от меня столь же далекими — географически, — как и десять, двадцать, тридцать лет назад...

Я заметил: мне либо не везет (обычно), либо везет — редко, но до конца.

Но здесь не обошлось без доброй феи.

Фея, знакомая мне до этого уже несколько лет, вдруг возникла после перерыва на моем горизонте, и оказалось, что

она имеет в данный момент прямое отношение к Национальному туристическому офису (или министерству — как хотите) по туризму Сейшельских островов.

Мы долго не виделись, хотелось встретиться, к тому же я был готов сколько угодно говорить о Сейшелах, а она — слушать...

Наверное (да что уж наверное — наверняка!!!), никто из моих коллег-журналистов в Москве так не знал эти острова, как я, потому что спустя пару месяцев добрая фея познакомила меня с приехавшим в Россию главой Национального офиса по туризму Морисом Лусто-Лаланом.

Встреча была недолгой, но приятной.

— Когда бы вам было удобнее приехать к нам? — спросил меня господин Лусто-Лалан.

Мне не очень верилось в то, что я слышу.

Но поверить пришлось: на прощание, когда мы жали друг другу руки, он сказал:

— До встречи на Сейшелах!

А еще был краткий диалог с одной из молодых сейшелок из его офиса, прилетевших вместе с ним в Москву.

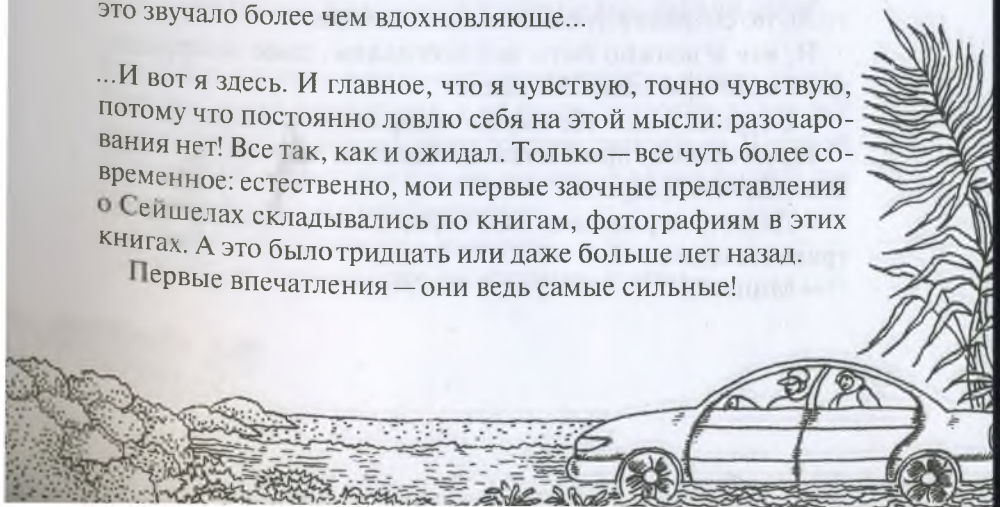
— А что это за имя, Никита?

— Ну, это русское имя греческого происхождения. Означает «победитель», — ответил я.

— Значит, вы будете победителем сердец всех сейшельских красавиц! — Из уст чернокожей девушки с точеной фигуркой, точеными чертами лица и вообще внешностью модели это звучало более чем вдохновляюще...

...И вот я здесь. И главное, что я чувствую, точно чувствую, потому что постоянно ловлю себя на этой мысли: разочарования нет! Все так, как и ожидал. Только — все чуть более современное: естественно, мои первые заочные представления о Сейшелах складывались по книгам, фотографиям в этих книгах. А это было тридцать или даже больше лет назад.

Первые впечатления — они ведь самые сильные!

Мы едем. Совсем не видно мусора, грязи, лачуг и нищеты.

Явная бедность — даже тропическая, южная, которая может смотреться весьма живописно, — отпугивает меня. Поэтому избегаю курорты типа египетских, где за оградой отличного отеля — свалка или, как на Кубе, нищета. Где, бывает, ловишь вороватые подозрительные взгляды и постоянно похлопываешь себя по заднему карману брюк, чтобы убедиться, что кошелек на месте. Где гостиницы — островки благополучия, откуда выходишь и попадаешь в другой мир, такие «гетто наоборот». Таких мест на земле — полно.

А здесь все опрятно и аккуратно одеты, приветливы, открыты и раскрепощены.

Обращаю внимание: множество детей в форме — синие шорты или юбочки и белые рубашки. Было утро — шли в школу. Хотя, конечно, поначалу казалось странным — лето, а у детей занятия. Но так как лето на Сейшелах постоянно, то и каникулы разбросаны по всему году.

Вообще здесь довольно много людей в форме. Но не военной, конечно: служащие некоторых госучреждений, работники туркомпаний, ну и полиция тоже — темно-синий низ, белый верх и фуражки с околышем в шашечку, как у их английских коллег. Нарядно, чисто и аккуратно.

Обилие форм — наследие колониализма или, может, наоборот, полутора десятилетий строительства социализма. Оно, это строительство, не закончилось крахом или переворотом, а просто плавно сошло на нет, похоронив догматизм, но сохранив лучшие его достижения.

И, как и должно быть, все небольшое, даже маленькое... дома в два-три этажа. Не выше.

— Впервые у нас? Не жарко? — спрашивает водитель.

Когда самолет приземлился, объявили температуру — двадцать девять градусов.

— Да нет, нормально. Тем более у нас в Москве сейчас тридцать один.

— Минус?!!

Мы у гостиницы.

— Минеральной воды? Или шампанского? — спросил меня на стойке ресепшн служащий отеля.

— Ой, нет. Минералку, пожалуйста.

Я только отходил от нескольких часов в алкоголе, что я провел в аэропорту Руасси — Шарль де Голль. И даже мысль о шампанском меня пугала.

Голубой залив. Белый песок. Серые скалы. Все как на картинках.

Полчаса в огромной ванне-джакузи, и от усталости почти суточной дороги не осталось и следа. На ланч в ресторане на веранде, нависающей над берегом залива, ждал заместитель управляющего отелем индиец господин Аджай.

— На Мальдивах — пляжи, миниатюрность, на Маврикии есть горы, возможность экскурсий, городская жизнь. А на Сейшелах — и то, и другое, — заговорил он.

А я смотрел на ослепительно-голубой океан. Вдруг прямо напротив меня из воды возник острый плавник, а перед ним взмыло целое маленькое облачко летучих рыбок.

Неужели акула? Но, судя по спокойному лицу Аджая, смотревшего в ту же сторону, да и по безмятежному поведению плавающих в воде и катающихся на яхте, понял — дельфин...

Он еще покружил по бухточке, провожаемый моим взглядом, который наблюдал не столько за ним, сколько за взлетающими перед ним рыбками, а потом — либо он исчез, либо я переключился на холодное пиво и креольский салат.

Первый раз в город меня вывезли на не очень новом джипе. Причем джипе настоящем, а не таком, которые являются мечтой доброй половины моих соотечественников. Пишу об этом только потому, что все последующие автомобили были новенькими, с кондиционерами.

— Кири, — представился водитель.

— Как? — я переспросил, не «поймав» имени.

— Кири, — повторил он.

Так его звали, или я снова не расслышал, но переспрашивать уже было неудобно. Пусть будет Кири — так, как я услышал.

Кири показался мне типичным креолом. Светлая рубашка, длинные брюки, туфли, белые носки. Черты лица почти европейские, кожа светлая. Типаж, знакомый нам по фильмам про Кубу. Только вот усы и бородка совсем не такие, как у «барбудос», — небольшие, редкие, кучерявые. И — очень предупредительный. Хотя за этой предупредительностью совсем не чувствовалось подобострастия, наоборот — достоинство.

Я запомнил Кири очень хорошо — это был первый сейшелец, с которым мы довольно долго общались. И это же был первый день на Сейшелах. Все, до мелочей, отчетливо врезалось в память...

С таким же теплом вспоминаю Жан-Марка, очень дружелюбного, но не пересекающего грань панибратства. Помню, как-то он заезжал в ресторан забрать меня после ужина. Вошел, сел у двери, никак не выдавая своего присутствия, не говоря уже о спешке или нетерпении.

А я уж думал — какая-то накладка вышла: водителя все нет и нет.

Тогда Жан-Марк был в ярко-зеленых бермудах и футболке.

На следующий день я даже не узнал его — брюки, белая рубашка, начищенные туфли. Все-таки к министру на обед собирались.

Кстати, Жан-Марк был моим последним водителем на Сейшелах.

Да, мы запоминаем лучше всего что-то первое и последнее. Такие впечатления — самые сильные...

Водители, что были у меня на Сейшелах, — это вообще отдельная история...

Таксисты — наверное, всюду — особый класс людей. Будь-то в Париже, Нью-Йорке, Москве. В Москве таксисты все знали, и новости у них были пусть и не всегда проверенные, но не менее свежие, чем у западных радиоголозов. Они были знакомы со знаменитостями и вообще знали массу историй. У них были довольно резкие и жесткие суждения — спорить с ними было сложно. Сейчас такие водители ушли. У одних на уме — только дело. У других — только деньги. Хотя и то, и другое, по сути, одно и то же. Только у первых — завуалированно, у вторых — по-хамски...

Сейшельские водители похожи на старых шоферов таксистов в Москве. Только более дружелюбные и менее навязчивые, а точнее, совсем не навязчивые и лишённые фамильярности.

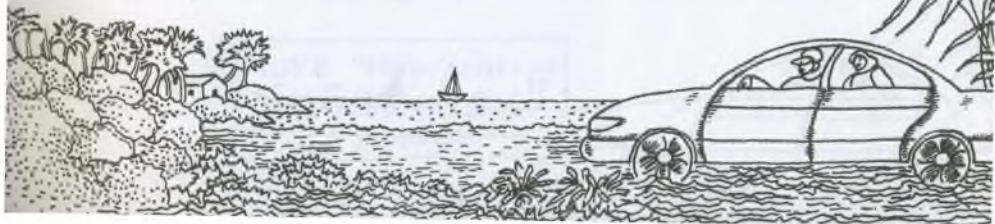
Со сколькими водителями на Сейшелах я ни ездил — почти от всех осталось только приятное впечатление, все были отличными собеседниками.

Часто журналисты придумывают в своих статьях и очерках героев-таксистов, чтобы вложить в их уста какие-то слова, мысль. Так, чтобы она звучала достовернее или смачнее. Хотя на такси не ездили — либо не было необходимости, либо было жалко денег.

У меня все таксисты и водители, о которых я расскажу или упомяну, — реальные персоны. И их слова и истории — только их слова и истории.

Спустя пару дней после приезда таксист спросил меня — ну естественно, что он мог еще спросить, начиная разговор, а водители на Сейшелах все разговорчивые и приветливые: «Нравится вам у нас?» — «Конечно, нравится», — обычно отвечаю я, совершенно не кривя душой. Но тут я решил поделиться еще и своими первыми впечатлениями.

Водитель был худой, то ли лысый, то ли бритый наголо и очень похожий на актера Сухорукова в фильме «Брат 2», только черный. Причем не только внешностью, но и — особенно — манерой говорить и мимикой.

Работал он одно время в спецслужбе аэропорта в Лондоне, так что бывал — как и, в чем я потом с удивлением убедился, многие встречавшиеся мне сейшельцы — за пределами своих далеких островов, был разбитной, веселый и словоохотливый.

— Меня здесь сразу поразили облака — они совсем не такие, как у нас. Очень низкие.

— Ха, да конечно! Мы ведь почти на экваторе! Земля круглая, и поэтому они здесь ближе! — И, оторвав руки от руля, для наглядности показал еще, как облака на экваторе цепляют Землю...

Осколок трех континентов

Шведский натуралист и путешественник Бенгт Шёгрэн, побывавший на Сейшелах, назвал острова «Осколками континента». Точнее, так он назвал книгу об островах западной части Индийского океана, в том числе и о Сейшелах.

Он имел в виду древний огромный континент Гондвану, который много миллионов лет назад «расползся» на части — Африку, Австралию, Южную Америку, Антарктиду и Индостан.

В Индийском океане, там, где сейчас расположены Сейшелы, помещали и другой якобы существовавший, но исчезнувший материк — Лемурию.

Названия Гондвана и Лемурия присутствуют как в научных исследованиях, так и в легендах, и в работах теософов и эзотериков. За ними есть и реальные факты — в основном из области естественных наук, но их не так много, — и обильные предположения, догадки, домыслы, красивые умозаключения.

Отошлем читателя ко всезнающей «Википедии»: «Гондвана возникла примерно 530–750 миллионов лет назад и долгое время располагалась вокруг Южного полюса. Поз-

же она постепенно смещалась на север и соединилась с североамериканско-скандинавским материком в гигантский протоконтинент Пангея.

Однако во время юрского периода, около 180 миллионов лет назад, Пангея вновь раскололась на Гондвану и северный континент Лавразию, которые разделил океан Тетис. 30 миллионов лет спустя, в том же юрском периоде, Гондвана сама начала распадаться на нынешние вышеперечисленные материки. Сначала Гондвана раскололась на две части, одна из которых включала Африку и Южную Америку, другая — Австралию, Антарктиду и полуостров Индостан. Окончательно все современные материки выделились из Гондваны «совсем недавно» — только в конце мелового периода, 70—80 миллионов лет назад».

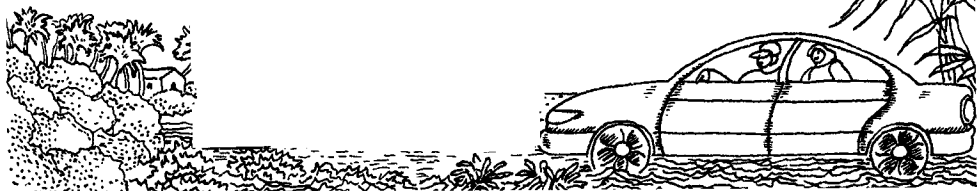
Вокруг Гондваны существует много мифической и псевдоисторической мишуры, но в пользу ее существования говорят геологические исследования и достаточно проверенные научные факты.

Этого нельзя сказать о Лемурии, якобы простиравшейся на месте Индийского океана от Мадагаскара до Шри-Ланки.

Нетрудно догадаться, что название Лемурия каким-то образом связано с лемурами — полуобезьянами, которые распространены в Африке, Южной Азии и особенно на Мадагаскаре, который считается их царством.

Гипотезу о Лемурии выдвинул в 1864 году английский натуралист Филип Склеитер, обратив внимание на удивительное сходство между флорой и фауной островов Индийского океана.

И действительно, многие животные и растения распространены лишь на южных оконечностях разделенных океанами материков Южного полушария. В XIX веке (до того, как было открыто движение тектонических плит) ученые предполагали, что эти виды проникли из одной части их современного ареала в другую по неким сухопутным мостам. Лемурия, гипотетическая суша в Индийском океане, была

придумана Склейтером, чтобы напрямую перевести с Мадагаскара в Индию лемурув. То есть название Лемурия относилось первоначально к некой древней земле, ставшей родиной лемурув...

Считалось, что Лемурия скрылась под водой... Однако потом эта теория практически ушла из научного оборота, когда было доказано перемещение тектонических плит — материка не «тонули», а «раздвигались»... То есть, речь как раз можно вести о той самой Гондване...

Сторонники существования Лемурии пытаются найти подтверждение своим предположениям в мифологии разных народов, где будто бы встречаются упоминания о земле с развитой цивилизацией в Индийском океане.

Утверждается, что отсылки к Лемурии есть в «Махабхарате» и других текстах, относящихся к глубокой древности, где говорится о населенном врагами богов демонами-асурами городе Трипуре, который «погрузился в воды океана и исчез из глаз богов».

В мифологии жителей Мадагаскара — мальгашей — можно встретить упоминания о том, что остров раньше простирался далеко на восток, а также легенды, напоминающие предания о всемирном потопе. Но, как известно, мальгашаи сами переселились на Мадагаскар — причем во вполне исторические времена — из Юго-Восточной Азии...

Правда, несмотря на близость к Африке, большинство растений и животных Мадагаскара — эндемики, а количество их столь велико, что вполне возможно считать остров частью какого-то континента.

В 1926 году полковник бенгальских улан Джеймс Черчвард заявил, что один индийский монах показал ему древние таблицы, в которых упоминался континент Му (Лемурия), уничтоженный извержением вулканов, землетрясениями и цунами примерно 12 000 лет назад.

Кстати, стоит заметить, что в существование Лемурии верила небезызвестная Елена Блаватская, которая предполо-

жила, что жители Лемурии были «коренной расой» человечества. По ее мнению, Лемурия «покрывала» огромную территорию от Гималаев до Цейлона и Суматры, а далее Мадагаскар (как она пишет, «с правой стороны») и Тасманию («с левой»), а от Австралии тянулась по всему Тихому океану, включая остров Пасхи. При этом Лемурия включала Скандинавию, Сибирь и Камчатку! То есть, получается, почти весь мир, за исключением Африки и Америки!

В Европе Лемурия в отличие от Неведомой Южной земли, изображаемой на большинстве карт с древности до второй половины XVIII века, редко воспринималась всерьез. Позднее Лемурия стала упоминаться как некое дополнение к Атлантиде. Уже в XX веке, когда стало доподлинно известно об отсутствии между Мадагаскаром и Индостаном затонувшего материка, некоторые «исследователи» поспешили «перенести» исчезнувшую землю в Тихий океан!

В общем, все смешалось: древнеиндийская мифология, теория эволюции, поиски «недостающего звена», лемуры, геология, легенды об островах-призраках, Атлантиде и погибших цивилизациях...

А какое отношение все это имеет к Сейшелам?

Если, конечно, не воспринимать всерьез то, что я прочел в одной из книг: «Предания говорят, что Сейшельские острова были последней твердыней древней и прекрасной Лемурии — материка, ставшего колыбелью человечества. Населяли Лемурию народы тихоокеанского юга. Они обожествлялись как особая духовная раса, и все предания и легенды гласят, что они однажды вернуться».

Как бы то ни было, с Сейшелами все не так просто...

Дело в том, что почти все острова Индийского океана — будь то Лаккадивские, Мальдивские, Чагос, Маврикий и Реюньон — вулканического происхождения, хотя первые три из перечисленных и являются сегодня коралловыми атоллами. Но атоллы эти — коралловые надстройки над вершина-

ми подводного хребта, протянувшегося от Индостана на юг почти на 2500 километров. Как писал поэт и ученый Альберт Шамиссо, «кругообразные купы островов суть плосковершинные горы, круто поднимающиеся из глубин моря». На вершинах этих подводных гор и растут кораллы.

И вот совершенно особняком среди таких заброшенных в Индийском океане островов вулканического происхождения стоит группа Сейшельских островов. Это единственные океанские острова, сложенные гранитами, как материки. Возраст сейшельских гранитов 650 миллионов лет.

Происхождение этих островов — загадка для геологов, так как их окружает базальтовая кора под дном океана, а до гранитов ближайшего берега Африки около полутора тысяч километров. Некоторые ученые видят в этих островах доказательство дрейфа материков. Острова оторвались от Африки и почему-то остались на месте, тогда как сам материк «уплыл» на запад. Другие считают, что часть древней суши, связывавшая острова с Африкой, погрузилась в море, а гранитный слой, присущий всем материкам, метаморфизовался, изменил свою природу.

То есть гранитные острова Сейшельского архипелага — лишь надводные вершины обширного подводного плато, также сложенного из гранитов. Несколько тысяч лет назад, когда уровень Мирового океана был ниже, на месте Сейшельской банки была обширная суша. Но Сейшельская банка, в свою очередь, — лишь северная оконечность огромного подводного Маскаренского хребта, протянувшегося более чем на две тысячи километров в виде дуги от Сейшельских островов до Маврикия. А между Сейшельскими островами и Маврикием тянутся цепочки мелководных банок и низких коралловых островков. Значит, несколько тысяч лет назад на месте не только Сейшельской банки, но и большей части Маскаренского хребта были острова, ныне исчезнувшие.

Не являются ли эти горы и хребты — или хотя бы часть из них — ушедшими на дно Индийского океана остатками ма-

терика, существовавшего здесь миллионы лет назад? А острова, и по сей день возвышающиеся над водами океана, — не обломки ли это погибшей Атлантиды Индийского океана?

Поэтому Сейшельские острова называют микроконтинентом, или, как Шёгрэн, «осколками континента».

Ну а «исчезнувшая» Лемурия? Легендарная земля присутствует в западной части Индийского океана — на Сейшелах, на острове Прален, есть роскошный курорт, носящий ее имя...

Мне лично интереснее копаться в судьбах людей и пытаться разобраться в перипетиях истории, соприкоснуться с реальной жизнью, чем углубляться в геологические эпохи, зачастую вообще лишённые жизни, а потом строить фантастические гипотезы и догадки.

Въезжая в сейшельскую столицу Викторию со стороны аэропорта, не минуешь монумент 200-летия. Поставленный в 1978 году в честь 200-летия основания Этаблисмандю-Руа, «Королевского поселения», как первоначально назывался город, он должен был знаменовать и 200-летие рождения сейшельской нации, которая лишь на несколько лет старше города. Три крыла символизируют три континента, с которыми связаны Сейшелы, — Европу, Африку и Азию.

Монумент меня не очень впечатлил. Хотя, говорят, строил какой-то итальянец. Но идея — три крыла — простая и понятная. Все вместе вроде напоминает птицу. Ну да, некоторые острова здесь — птичий рай, один даже носит название Берд — Птичий. И птица — всегда символ свободы. А при этом каждое крыло в отдельности — три составляющих нации...

Как бы ни были притягательны мифические гипотезы о древних лемурийцах, постоянное население на Сейшелах появилось менее 250 лет назад. До этого острова были необитаемыми.

Поэтому, когда около полувека назад представитель Советского Союза с трибуны ООН, гневно обличая колониализм, требовал предоставить независимость «коренным жителям» Сейшельских островов и Маврикия и уважать их права, англичане лишь посмеивались. И представитель метрополии — Великобритании — ответил в таком примерно духе: единственные коренные обитатели Маврикия — гигантские нелетающие голуби дронты, или додо, были полностью уничтожены еще в XVIII веке, исконные же жители Сейшел — гигантские черепахи — и так свободны и при этом достаточно безразличны к своим правам...

Так что все население Сейшельских островов — пришлое. Точнее — его предки. И появились они на этих островах именно в эпоху колониализма, который так обличал представитель СССР в ООН, — и в качестве его результата.

И родина у предков нынешних сейшельцев — не одна, а целых три: Европа, Африка и Азия. Сорванные со своих корней, из своих привычных мест в разные годы, разными силами и по разным причинам, они оказались здесь, среди Индийского океана. Смешались, но сохранили какие-то частички своих прародин, причем частички не только стран, но и времен и эпох.

Так что Сейшелы — это если и осколок, то не континента, а трех континентов...

«Сеселуа» звучит гордо

Открытые португальцами на рубеже XV и XVI столетий острова были необитаемыми. Лишь в середине XVIII века французы заявили на них свои права, после чего сюда с Маврикия переселились первые французские колонисты со своими рабами из Африки и Мадагаскара. Рабы, которые среди населения, естественно, преобладали, были родом из разных регионов, поэтому весьма быстро утрачивали свою

идентичность и смешивались. А так как женщин среди белых поселенцев-фермеров, особенно на первых порах колонизации, было меньше, чем мужчин, то на островах вскоре появилась и довольно быстро росла прослойка лиц смешанного происхождения.

При англичанах, которые сменили французов в качестве хозяев островов в середине XIX века, на Сейшелы был новый и весьма мощный приток африканской крови — здесь высаживали рабов, освобожденных с арабских шхун, перехваченных военными кораблями Ее Величества в Индийском океане. Несколько сотен индийцев и китайцев, осевших на Сейшелах в основном в конце XIX века и задающих тон в местной розничной торговле, внесли последний штрих в яркую палитру местного общества.

Французам острова принадлежали менее полу столетия, англичанам — более полутора веков. Но зримого наследия англичан здесь не так много — левостороннее движение и имя британской королевы у сейшельской столицы, ну и конечно, английский язык, которым владеют большинство островитян. А вот французские культура и традиции пустили здесь глубокие корни. Французский язык по-прежнему в ходу. На базе французского — правда, при почти полном отсутствии грамматики — в среде африканских рабов сложился и местный креольский язык, на котором говорят между собой сейшельцы. Кстати, местный креольский очень похож на креольский Маврикия, а вот жителей Реюньона сейшельцы понимают хуже — связи с этим французским островом у Сейшел были не такие прочные.

Пожилые темнокожие креолки носят платья с белыми воротничками и соломенные шляпки, все женщины по-французски кокетливы и благосклонно воспринимают знаки внимания. Даже сам облик Виктории сохранил черты старого французского колониального города. Несколько мест в центре — с домами, обрамленными металлическими колоннами, выкрашенными в яркие цвета, и таких же красок

массивными ставнями и дверями — напоминают, конечно, сильно уменьшенный Французский квартал в Новом Орлеане.

Зато вывески магазинов и лавок в Виктории совсем не французские. Они либо индийские, с беспорядком, мягкой любезностью, запахом сырых тканей, либо китайские — пропахшие «тигровой мазью», с рядами каких-то таинственных баночек не то с соусами, но то со снадобьями, дешевой конфекцией, коробками из Гонконга и Сингапура и лицами-масками продавцов.

За прошедшие годы все эти пришельцы из Африки, Европы и Азии благополучно перемешались, и жители страны разве что за исключением совсем недавно перебравшихся сюда европейцев, вне зависимости от их происхождения, цвета кожи, разреза глаз или вероисповедания, зовут себя просто «seselwa», или сейшельцами.

На Сейшелах цвет кожи не имеет значения. Хотя и можно увидеть местных парней с дрэдами, в ярких вязаных растаманских беретах и футболках с надписью «Хайле Селассие жив», в этом нет никакого вызова, а сами они не обкурены, как растаманы на Ямайке.

Хотя африканский элемент явно преобладает в населении страны, чисто африканских традиций и наследия здесь в повседневной жизни почти не встретишь.

Конечно, африканские корни имеют местная музыка и танцы. Например, самым распространенным видом музыкального, танцевального и песенного творчества на Сейшелах, как и на Маврикии, является сега. Раньше сега исполнялась тоже только под барабаны, но теперь аккомпанементом служат и гитара, и даже скрипка и синтезатор. Сега гораздо мелодичнее, чем мутия, а песни, исполняемые под нее, — обычно веселые и лирические, хотя обычно и не затейливые. Сегу можно послушать во многих барах и ресторанах островов. Чем-то отдаленно она напоминает рэги, только с менее жестким ритмом и более беззаботная. Но

все-таки это, скорее, уже часть самостоятельной креольской культуры.

Раньше разновидностей танцев на Сейшелах было гораздо больше. Например, совершенно исчез танец сокве, принесенный из Африки и напоминавший карнавальное шествие. Любопытно, что «сокве» на языках народов Восточной и Центральной Африки это шимпанзе!

Совсем исчезла и игра «маконн», чем-то отдаленно напоминающая шахматы или шашки. В Историческом музее в Виктории я видел специальную доску с сорока углублениями (два ряда по десять с каждой стороны) — эту игру привезли сто лет назад из Восточной Африки сейшельские солдаты, отправившиеся туда в годы Первой мировой войны.

А самый популярный персонаж местного креольского фольклора — Сунгула, чей прообраз известен в Африке как Сунгура. Это некое непонятное существо — не то заяц, не то обезьяна, всегда меняющий свое обличье, обманывающий других зверей и принимающий даже облик человека.

— Он всегда маскируется. И это, скорее, антигерой. Но для меня, как и для многих других сейшельцев, — это герой, — говорила мне работница Креольского института на Маэ. — А сейчас появился и Сунгатеке, современный Сунгула с ноутбуком и мобильником.

И он уже фигурирует в местных комиксах...

Институт расположен в большом нарядном старом доме. Внутри, правда, больше похож на сельский клуб с кружками по интересам, чем на научное заведение.

Сотрудница института, узнав, что я из России, сказала, что в этом доме в 1930-е годы жила русская семья. «Как фамилия?» — загорелся было я. Никогда не слышал о том, чтобы здесь не только бывали, но и провели какое-то длительное время земляки, и когда!? — еще в межвоенные годы. Но она не помнила ни имен, ни фамилии. Сказала только, что не так давно на Сейшелы приезжала пожилая немецкая кинопродюсер снимать фильм, заглядывала и к ним в ин-

ститут и с ностальгией вспомнила, как здесь была в гостях у русских...

У меня закрались сомнения... А потом они подтвердились — я узнал, что где-то здесь действительно семьдесят лет назад жила семья из Европы, но из... Пруссии. Ну, Россия, Пруссия — это ведь так похоже! И так же далеко...

А пару дней спустя я убедился, что здесь многие Европу представляют так же, как мы ну какие-нибудь острова в Индийском океане: что Маврикий, что Сейшелы или Мальдивы, что Мадагаскар... Какая разница!

У служащей курорта «Лемурия» на Пралене, когда она везла меня на электрокаре к моему бунгалу, я спросил, есть ли среди интернационального персонала русские. «Нет, русских нет, но по-русски немного говорит наш заместитель директора. Он с какого-то острова около Испании», — ответила она.

Так получилось, что тот пригласил меня на ужин. Он оказался португальцем, родом с Мадейры...

Я уже привык, что на Сейшелах в гостиницах и курортах крупных международных цепочек работают служащие из совершенно разных стран мира. Да и не только в отелях.

Поэтому, когда как-то на Пралене за мной заехал водитель такси — светло-русый парень с типичной центрально-европейской внешностью, я спросил его, из какой страны он родом, и на языке у меня уже висел вопрос — как его занесло на Сейшелы? «Я сейшелец», — ответил тот.

Белый, скорее всего потомок колонистов-рабовладельцев, работает таксистом... А предыдущим утром в большом загородном отеле, некогда лучшем на Маэ, меня провожала главный менеджер — экзальтированная красотка средних лет с манерами американки и с абсолютно европейскими чертами лица, но с кожей цвета молочного шоколада. То же сейшелка!

Здесь все так перемешалось, что провести четкую границу между белой и черной кожей — из-за сотен оттенков и нюан-

сов — просто невозможно. Как и увидеть социальные различия, сопутствующие этим цветам. Из-за отдаленности островов и изоляции здесь не сложилось крупное плантационное хозяйство с сотнями обезличенных рабов, все здесь было какое-то домашнее, белые, черные и желтые здесь жили рядом.

Но в старых французских семьях берегут свою идентичность. Раньше, говорят, местные белые плантаторы вообще держались особняком, считая себя элитой, и общались, да и то лишь на светских и официальных мероприятиях, только с представителями местной английской администрации и редкими английскими колонистами. А в своем кругу говорили только по-французски.

И еще недавно в ходу был широко распространенный термин — «grands blancs» («большие белые»), который относился к богатым семействам старых французских плантаторов-магнатов.

«Значит, — почти с ужасом констатировала одна моя московская знакомая, тоже бывавшая на Сейшелах, — большинство сейшельцев — это потомки либо рабов, либо — рабовладельцев?!»

Но рабство здесь не принимало жутких изощренных форм и, хотя в местном историческом музее приводится довольно жуткий рассказ о казни одного раба-африканца, было, скорее, домашним.

Рабство, вероятно, повинно в разрушении института семьи — о чем сейчас очень часто говорят даже в США, когда разговор заходит о социальных проблемах в среде афроамериканцев. Отсюда — обилие внебрачных детей. И еще большее смещение рас и этнических компонентов.

Этому способствовала не только свобода нравов, но и то, что на Сейшелах всегда бывало немало «пришлого люда» мужского пола, скучающего по женской ласке. Например, моряки, китобои и всякие другие завидные «женихи» и бойфренды. Еще совсем недавно белый цвет кожи в генетической памяти ассоциировался и с более высоким социальным

статусом. Но главное, у этих пришлых людей обычно водились деньги, а значит, и приударить за местными красотками они могли с особым шиком!

— В девятьсот шестидесятые на Сейшелах появилась американская станция слежения за спутниками. Работавшие на ней американцы были, естественно, самые богатые и крутые. И ездили на классных мотоциклах. Конечно же, все лучшие девчонки были их. Как мы, местные подростки, им завидовали, да и ненавидели их, — рассказывал мне Морис Лусто-Лалан, выходец из старого французского семейства. — И мы со сверстниками строили козни — ставили палку поперек тропы, чтобы он на своем крутом мотоцикле — бум! — перевернулся по дороге на свидание...

Да, девчонки и парни всюду одинаковые... Даже потомки рабов и потомки рабовладельцев. Чем-то мне это напомнило нашу деревню и вообще провинцию: появлявшиеся богатые чужаки у одних (парней) вызывают зависть, а у других (девчонок) — восхищение.

Одним словом, европеец попадает здесь все-таки, несмотря на смесь культур и обычаев разных континентов, принесенных сюда предками современных сейшельцев, в достаточно близкую ему среду. Пусть немного архаичную и, конечно, экзотическую.

Высокие острова министра финансов

Республика Сейшельские Острова — это не один одноименный архипелаг, а целое созвездие, а может, даже точнее «млечный путь» из островов...

К тому же, если кто-то думает, что Сейшелы — это лишь плоские атоллы, тот глубоко ошибается. Центральная группа архипелага — так называемые Внутренние острова во главе с Маэ — сложена из гранита, и вершины на Маэ поднима-

ются на высоту более 900 метров, поэтому даже в солнечную погоду на них часто висят облака. Горы покрыты лесом, а с перевалов, на которые взбираются несколько пересекающих остров дорог, открываются потрясающие виды на побережье, гавань Виктории и близлежащие острова. А вот так называемые Внешние острова — действительно обычные коралловые атоллы.

Объехать все острова, входящие в состав страны — а это, кроме собственно Сейшел, еще Амирантские, Фаркуар, Дерош, Альдабра, — просто невозможно... Всего 115 островов. Или 116... Так по-разному указывается в разных местах. Меня это различие радует и веселит. И действительно: как их точно сосчитаешь, если некоторые — совсем крохотные? Например, вытянувшаяся в заливчике напротив ресторана на террасе отеля, где мы обедали с Аджамом, плоская скала с поднимающейся над ней одинокой пальмой — это остров или нет?

В истории Сейшельских островов, какой бы она короткой ни была, есть свои тайны и загадки.

В любой энциклопедии можно прочесть, что открыты они были на рубеже XV и XVI веков, а до второй половины XVIII века были необитаемыми. И тут, как всегда, встает вопрос — кем открыты? Ведь вовсе не значит, что Америка до открытия Колумбом не имела истории, да и не факт, что Австралия была открыта именно Куком или голландцем Виллемом Янсоном. Найденные в 1916 году на западном побережье Австралии пушки XVI века говорят о том, что этот континент первыми, еще до голландцев, посещали португальцы, но либо просто не осознали того, что обнаружили новую большую землю, либо специально засекретили свою находку — такое мнение тоже высказывает ряд историков.

Поэтому под открытием мы подразумеваем факт нанесения той или иной территории на европейские карты и «закрепление» этого события в, так сказать, общественном сознании.

С точки зрения европейцев, открытие Сейшел состоялось в 1502 году. В этот год португальцы во время плавания вокруг мыса Доброй Надежды в Индию посетили Амирантские острова, лежащие к юго-западу от центральной группы Сейшел, и в честь Васко да Гамы дали им название *Ihas de Almirante* — Адмиральские острова.

Но средневековые арабские мореходы избороздили западную часть Индийского океана до появления португальских каравелл — они отлично знали и восточноафриканское побережье, и Мадагаскар. Острова, пусть и лежащие «в тысяче миль» от Индостана, Аравии и Африки, вполне могли оказываться на их пути. Альдабра, самый отдаленный из островов, входящих в состав Республики Сейшельские Острова, и лежащий ближе всего к Восточной Африке и Мадагаскару, был явно — даже судя по его названию — известен арабам...

Впрочем, уже в IX веке в арабских лоциях фигурируют некие Высокие острова. Что это за острова, конечно, можно только гадать... Но в отличие от Мальдивских островов Сейшелы — это не только коралловые атоллы. А если вспомнить, что крупнейшие острова архипелага, сложенные из гранита, — гористые, то это название арабы, открывшие ранее Мальдивы, представленные лишь плоскими атоллами, вполне могли дать Сейшелам.

Позже в лоции Сулеймана Аль-Махри в Индийском океане появляются какие-то гранитные острова — опять-таки, вероятно, Сейшелы — уже под именем Зарин, что означает «Сестры». Примечательно, что непосредственно Сейшельский архипелаг на ранних португальских картах фигурирует почти под тем же именем — Семь Сестер.

В пользу арабского открытия архипелага, возможно, свидетельствуют и остатки захоронений на острове Силуэт, которые, как считают, принадлежат арабским мореходам. Непонятно кому принадлежащие могилы — их опять-таки считают захоронениями арабских мореходов — есть и на острове Муайен рядом с Викторией на Маэ.

С момента европейского открытия островов, то есть с начала XVI века, ни одна из морских держав не предпринимала попыток закрепиться на них. Правда, это вовсе не значит, что европейские мореплаватели не посещали их. Посещали и французы, и англичане. И оставили свои описания архипелага. Но не более того.

В середине XVIII века Французская Ост-Индская компания стремилась расширить свои владения в Индийском океане, и дважды, в 1742-м и 1744 годах, по приказу наместника Франции на Маврикии Бертрана Франсуа Маэ де Лябурдоннэ на Сейшелы экспедиции под командованием Лазара Пико обследовали архипелаг. 19 ноября 1742 года первая из них высадилась на Маэ и окрестила его островом Изобилия. Но спустя два года, после второй экспедиции, главный остров был назван в честь французского губернатора Маврикия.

Здесь необходимо сделать уточнение. Имя Mahé по-французски действительно произносится как «Маэ», в соответствии со всеми правилами. Но на самих Сейшелах вы услышите «Махэ» — да-да, с легким «х» на выдохе, хотя такого звука во-французском и нет. Но именно так говорят на «Махэ» — причем не только местные англичане, креолы, но и местные жители французского происхождения.

Это объясняется исторически. В XVIII веке Франция имела довольно крупные владения в Индии и достаточно активно боролась с Англией за господство над Индостаном. Французский Маврикий (тогда Иль-де-Франс), естественно, был вовлечен в эти непростые отношения, и маврикийский губернатор участвовал в «индийских кампаниях». Он внес свой вклад в подчинение Франции прибрежного города Махи, или «Махэ» во французской транскрипции. И «Маэ» у Лябурдоннэ — не часть имени, а нечто вроде титула, ну, как, допустим Потемкин-Таврический.

Однако если в Европе и в других пусть и франкоговорящих, но «неосведомленных» странах Mahé произносят по

правилам, то на Сейшелах — скорее, под влиянием традиции, а может, и английского языка.

Но как бы то ни было, есть мнение, что, если бы Лябурдоннэ скоропостижно не умер в 1746 году, то, конечно же, весь архипелаг, обследованный по его инициативе, а не только крупнейший остров, получил бы имя.

Лишь спустя десятилетие после смерти Лябурдоннэ французы с Маврикия решили заявить о своих правах на архипелаг, и в 1756 году капитан Корней Николя Морфе установил на Маэ «камень на владение» с гербом Франции — в знак того, что острова объявлены ее колонией. Тогда же появилось и современное название архипелага — он был назван в честь тогдашнего министра финансов Франции Моро де Сешеля. Впоследствии, уже в XIX веке, название было англизировано, и в нем появилась буква «у», в русском произношении — «й».

«She sells sea shells on the shore of Seychelles», — кто не запоминал, уча английский, эту скороговорку?! Некоторые так и думают, что название островов произошло от «sea shells» — морских ракушек. А вот нет!

Ну а «камень на владение» теперь является важнейшим экспонатом Исторического музея в Виктории. Любопытно, что французский королевский герб на нем сильно поврежден. Мысль, что это могли сделать англичане, сменившие французов в качестве хозяев архипелага, мне даже не приходила в голову. Англичане никогда не опускались так низко, чтобы вымарывать память о предыдущих владельцах территории и даже бывших противниках, тем более таким способом.

Оказывается, никто не занимался этим вопросом и специально не изучал его. Но мне удалось все же найти довольно любопытную версию на этот счет. Вероятно, это сделали ссыльные якобинцы в начале XIX века. На Сейшелы их сослал Наполеон, но, похоже, некоторые из них были действительно фанатиками и даже в далекой колонии не могли спокойно смотреть на герб свергнутых ими королей.

Репрессированные в 1930-е годы большевики тоже со сладострастием уничтожали следы свергнутого ими режима в превращенных в тюрьмы и концлагеря монастырях...

Но вернемся на сейшельскую землю. Слово «грешная» язык не поворачивается сказать, потому что — какой бы она ни была — она по «грешности» ни в какое сравнение не идет с нашей родной, российской...

Вопрос происхождения названия остров архипелага изучен весьма досконально. Один местный историк даже написал работу, которая так и называется «Названия островов». Из нее явствует, что, несмотря на смену колониальных хозяев, обретение независимости, один удавшийся и пару неудавшихся переворотов и даже попытку строить социализм, Сейшелы практически избежали переименований.

В центральной группе островов практически все названия французские. Происхождение некоторых из них довольно любопытно — в том смысле, что, на первый взгляд, весьма прозаично и понятно с точки зрения этимологии, что на проверку оказывается совершенно не так.

Например, остров Силуэт — один из четырех крупнейших островов центральной группы, чей крупный темный силуэт отлично смотрится на закате с Маэ, будто оправдывая свое имя, на самом деле был назван в честь Этьена де Силуэта, министра финансов при Людовике XV. Видимо, министров, ведавших финансами королевства, особенно ценили во Франции. Правда, одному «достался» целый архипелаг, а второму — только остров!

А вот Прален, который Пико первоначально назвал Пальмовым островом, в итоге получил имя дипломата — Сезара Габриэля де Шаузель, герцога Пралена. Остров, известный ныне под звучащим на английский манер именем Дэнис, был назван в честь Дени де Тробриана — французского путешественника, который обозревал этот остров с борта своего корабля «Звезда» в 1773 году... А Ля-Диг получил имя одно-

го из кораблей экспедиции Дюффрена, еще одного французского путешественника.

Очень многие острова западной части Индийского океана получили названия либо в честь каких-то конкретных людей — путешественников или политических деятелей, либо — судов.

Но среди в основном французских имен встречаются и исключения. Например, остров Норт. Дословно его название с английского переводится как «Северный», и его расположение (в 6 км к северу от Силуэта и в 27 км к северо-западу от Маэ) в принципе оправдывает это имя. Но я слышал и такое мнение, что назвали его в честь художницы и ботаника Марианны Норт — английской путешественницы, дважды объехавшей вокруг света; в 1883 году она побывала на Сейшелах.

Настоящим украшением Музея естественной истории в Виктории служат репродукции (едва ли подлинники) ее работ с видами Сейшел, а также с изображением местных растений. Жаль, в этом музее запрещено фотографировать...

Правда, если остров Норт назвали в память о пребывании здесь этой, безусловно, выдающейся женщины, то тогда возникает вопрос — а как же остров назывался раньше?

Скорее всего тоже «Северный», только во французском написании и произношении...

Но об острове Норт я, возможно бы, и не вспомнил, если бы в разговорах со мной о его названии не стал рассуждать не один сейшелец. Думается, что такая осведомленность об этом острове — одном из самых отдаленных в центральной группе — у многих сейшельцев, редко покидающих родной Маэ, связана с тем, что Норт обладает очень плодородными почвами и поэтому всегда славился отличными продуктами. С 1826 года до 1970-х, то есть полтора века, он принадлежал семье с Реюньона, которая и занималась там ведением сельского хозяйства.

Кстати, Норт был исследован одним из первых в архипелаге — еще в 1609 году. А в 1784 году у его берегов разбилось

португальское судно: его команде потом удалось добраться на плоту до Маэ, и от них французам и попали подробные сведения об острове. Правда, таких историй можно немало рассказать почти про каждый из островов архипелага.

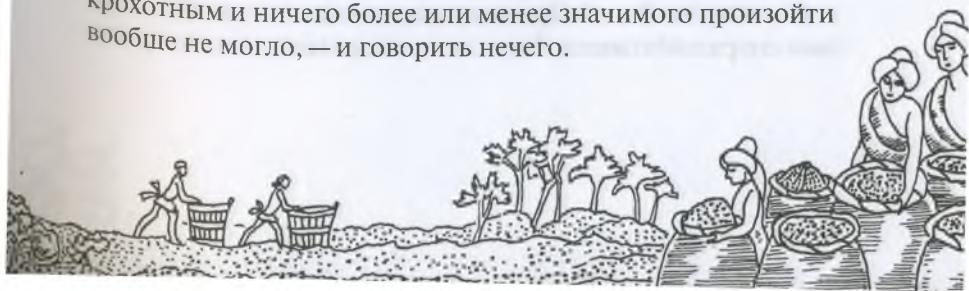
Но возвращаясь к названиям островов: кто дает имя новым землям, с тем обычно и связывают их открытие или первое исследование. И тут у французам приоритет почти безоговорочный...

Господин Перец и отец сейшельской дипломатии

Сейшельская нация ведет свою историю с 1770 года, когда на островах появилось первое постоянное население. Именно тогда на архипелаг прибыли французские поселенцы и рабы с Маврикия. Это были пятнадцать белых колонистов, семь рабов с Маврикия и Реюньона, пять «малабаров» — рабов из Индии — и одна африканка. Последний факт был весьма немаловажен: эта чернокожая стала первой сейшельской женщиной! Ее звали Мари Лярю — имя это на Сейшелах сегодня хорошо известно: в ее честь на Маэ назвали местность — Пуэнт-Лярю, а затем, по этому месту, и международный аэропорт!

Возможно, если бы не это обстоятельство, имя Мари Лярю забылось бы и затерялось в архивной пыли. Но вот имена двух мужчин, с которыми связана ранняя история архипелага, навсегда вошли в анналы, и их имена обязательно упоминаются практически в любой работе, посвященной Сейшельским островам.

Конечно, говорят скептики: история страны коротка и не богата событиями — на таком фоне несложно выделиться. А уж о ранних годах колонизации, когда население было крохотным и ничего более или менее значимого произойти вообще не могло, — и говорить нечего.

Но я бы не согласился с таким мнением. Один человек из этих двух заложил основу экономики Сейшел, точнее, задал ей направление развития, и это сказалось на облике, традициях — в том числе и кулинарных — страны. Другой своим необычным поведением на, как бы сейчас сказали, внешнеполитическом поприще создал — на целый ряд лет — уникальное в мировой истории положение островам и благодаря этому завоевал себе статус «отца сейшельской нации» или как минимум «отца сейшельской дипломатии».

Это был Пьер Пуавр, французский интендант Маврикия. В 1767 году Ост-Индская компания была ликвидирована, и Маскаренские острова перешли под прямое управление королевской администрации. Одновременно вместе с постом губернатора появилась и должность интенданта, ведавшего финансами, юстицией и сельским хозяйством. А так как со времени присоединения Сейшел к французским владениям они управлялись с Маврикия, то деятельность интенданта распространялась и на эти только осваиваемые острова.

Именно этот интендант Маврикия, носящий более чем символическую фамилию («пуавр» по-французски означает «перец»), решил превратить архипелаг в «острова пряностей», создав там плантации и основав постоянное поселение. Для этого семена пряностей, монополию на торговлю которыми в то время держала Голландия, были тайком вывезены из ее владений в Индонезии.

Но освоение островов, несмотря на высадку там колонистов с рабами, шло, надо сказать, из рук вон плохо, точнее, совсем не так, как предполагали власти Маврикия.

Дело в том, что инициативу колонизации архипелага взял в свои руки некий Брейар дю Барре. Говорят, что его нога вообще не ступала на землю Сейшельских островов, но тем не менее он сумел распусть слухи, что на острове Сент-Анн колонисты якобы обнаружили месторождение серебра и начали его разрабатывать. Ему даже удалось найти инвесторов —

не только на Маврикии, но и во Франции, — которые пожела-
ли вложить свои капиталы в серебряную шахту на Сейшелах.

Но, как писал южноафриканский писатель Томас Бал-
пин, «его серебряная шахта своим успехом зависела толь-
ко от изоляции». В 1773 году вынужденный из-за шторма
зайти на Сейшелы французский мореплаватель Лаперуз,
тот самый, чьим именем назван пролив, отделяющий Саха-
лин от Японии, захотел посмотреть, как добывают серебро
на Сент-Анне. Тут и выяснилось, что шахты не существует
и в помине... Одним словом, это была своя «панама» — мест-
ного, сейшельского масштаба...

Правда, к тому времени еще одно поселение было осно-
вано и на Маэ, где были разбиты плантации пряностей — так
называемый Королевский сад.

Но все же Лаперуз застал новую французскую колонию
в запустении и развале. Вместо того чтобы заниматься сель-
ским хозяйством, колонисты ловили рыбу и гигантских че-
репах и захватывали друг у друга рабов. Белые поселенцы на
Сейшелах были в основном выходцами из некогда богатых
семей, которые бежали из Франции, опасаясь долговой ка-
торги после разорения, и из Индии, где позиции французов
были подорваны Англией. Как пишет один историк, «хотя
официально они считались фермерами, их главное жела-
ние было восстановить состояние. Поэтому более удобным
и прибыльным они нашли грабить природные ресурсы — ру-
бить лес и ловить черепах».

В 1778 году была предпринята уже более серьезная по-
пытка колонизации архипелага — тогда на Сейшелы с Мав-
рикия направили первого военного коменданта, лейтенанта
де Роменвиля с гарнизоном в пятнадцать человек, который
должен был навести там порядок. При нем был основан по-
селок — Этаблисман-дю-Руа, давший начало нынешней сто-
лице Сейшел — Виктории, а идеи Пуавра были наконец-то
по-настоящему материализованы. Население архипелага
и его экономика начали постепенно расти.

Однако колонию на Сейшелах преследовали неудачи.

В конце XVIII века противоречия между Англией и Францией в Индийском океане обострились. Французский гарнизон, расквартированный на Сейшелах, был не в состоянии оказать должного сопротивления английскому флоту, если бы англичане вдруг решили высадить десант. Поэтому в 1780 году, когда на горизонте показался корабль под британским флагом, был отдан приказ сжечь все плантации, чтобы самое ценное, что есть на островах, не досталось врагу. Когда корабль подошел ближе, оказалось, что это французское невольничье судно, шедшее с Мадагаскара и поднявшее английский флаг на случай, если встретит в океане противника...

Вскоре, однако, плантации возродились — острова опять начали производить ваниль, перец, корицу и мускатный орех, который, кстати, давал им основной доход в следующие два столетия.

Выращивание пряностей, наравне с производством кокосовых орехов и копры и рыболовством, было одной из ведущих отраслей местной экономики до недавних пор, когда все это потеснил туризм. Но и сегодня корица, ваниль, мускатный орех, ямайский перец и множество других пряностей, специй, их смесей доминируют на рынке в Виктории. А коричное дерево и ваниль стали настолько обыденными, что листья первого можно сорвать порой, не выходя из машины, а вторая на Пралене считается чуть ли не сорняком, который заглушает первозданную местную растительность.

Сегодня то место в горах в центральной части Маэ, где была разбита плантация пряностей, по-прежнему зовется Королевский сад. Там создан небольшой музей, а в ресторане, из которого открывается потрясающий вид с высоты на океан и который носит тоже, естественно, имя «Королевский сад», все специи, используемые в готовке, — «со своей грядки».

Имя Пуавра носит небольшой атолл в группе Амирантских островов. А в Виктории, неподалеку от здания суда,

можно увидеть небольшой, но весьма импозантный старый памятник — бюст Пьера Пуавра.

Кстати, должное господину Перцу отдавали и его современники. Говорят, что его книгу «Путешествия философа» — а Пуавр прилично поколесил по свету, побывал в Китае, Юго-Восточной Азии, Индии — весьма ценил и любил перечитывать Томас Джефферсон.

Хотя колония на архипелаге со времен Пуавра развивалась более-менее стабильно, на рубеже XVIII и XIX веков она оставалась слабой и беззащитной. И тот прием со смелой флагов, который предпринял когда-то капитан невольничьего корабля и который в итоге привел к весьма печальным последствиям для Сейшел, затем использовался не раз на протяжении долгих лет, использовался успешно, и уже не простым капитаном, а французским наместником всей колонии! Но ведь не случайно острова сравнивают со стоящими на вечном приколе кораблями. Тем более что многие из Сейшельских островов носят имена судов...

Англичан, которые тогда воевали с французами, больше интересовал Маврикий, и захват Сейшел до поры до времени не входил в их прямые планы. Но уж больно Британию донимали французские корсары, для которых отдаленные Сейшелы служили отличной базой и укрытием. Поэтому время от времени англичане посылали к архипелагу свои военные суда.

И вот тогда-то на Сейшелах и прославился своей находчивостью эmissар Наполеона Жан-Батист Кэо де Кэнси.

Все началось с того, что в гавань Этаблисман-дю-Руа на Маэ 16 мая 1794 года зашел английский военный корабль капитана Ньюкама. Реально оценивая силы своего гарнизона, Кэо де Кэнси сопротивления оказывать не стал и мирно подписал капитуляцию. Англичане недолго побыли на Маэ, а затем ушли...

А Кэо де Кэнси велел снова поднять французский флаг.

В последующие годы все происходило — и вполне успешно — по одной и той же схеме: когда появлялись английские

корабли, он спешно капитулировал: спускал французский флаг и водружал британский. Когда английские корабли уходили, французский флаг вновь поднимался над островами, и жизнь продолжалась по-старому, как ни в чем не бывало.

То есть формально острова принадлежали той стране, чьи корабли появлялись на горизонте.

Однажды, в 1801 году, англичане нагрянули в гавань Маэ как раз тогда, когда туда зашло прибывшее из Франции судно, и между ними разгорелся бой. Кэо де Кэнси, хотя по привычке и капитулировал, все же решил помочь своим соотечественникам. Но французы потерпели поражение, и Кэо де Кэнси пришлось отвечать на весьма неприятные вопросы английского капитана. Тем не менее ему удалось не только уладить ситуацию, но еще и добиться у англичан того, чтобы сейшельские суда беспрепятственно преодолевали морскую блокаду Маврикия!

Такое положение длилось целых полтора десятилетия! Эмиссар Наполеона за этот период умудрился временно капитулировать шесть раз. Но на седьмой британский флаг был водружен окончательно: острова капитулировали полностью и бесповоротно.

Это произошло 21 апреля 1811 года, когда на Маэ прибыл британский военный корабль под командованием капитана Бивера.

По-другому получиться и не могло: французы проявляли мало интереса к маленькой отдаленной колонии, сил реально оборонять ее у них не было, а англичане, наоборот, решили полностью взять под контроль морские пути в Индийском океане.

В 1814 году по Парижскому договору Сейшелы вместе с Маврикием перешли во владение англичан. Но те, видимо, по достоинству оценили предприимчивость Кэо де Кэнси и оставили его управлять Сейшелами. Он только немного переделал свою фамилию на английский манер — стал Куинси.

А помимо того, что Кэо де Кэнси был ловким политиком, он оказался еще и отличным администратором, и при нем население Сейшел выросло с двух тысяч в 1804 году до четырех в 1810-м. И именно при нем хлопок и пряности, кокосовое масло и лес полностью вытеснили в экспорте Сейшел панцири черепах...

Кэо де Кэнси так и умер на Сейшелах в 1827 году, и его прах покоится во дворе Дома правительства в Виктории.

Кем он был? Политиком или приспособленцем? Одни говорят, что он был патриотом Франции и старался продлить ее господство в этой части Индийского океана настолько, насколько это было возможно, используя для этого все способы. Другие, наоборот, упрекают его в отсутствии принципов.

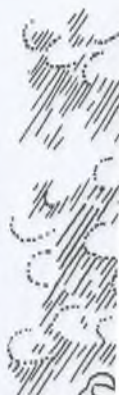
На самом же деле он, мне кажется, был, скорее, не французским, а именно сейшельским правителем и исходил не из интересов большой мировой политики или даже своей метрополии, а из интересов маленькой колонии на Сейшельских островах. Он любил Францию, был предан ей, но еще больше он был реалистом, и скорее всего конкретные люди и дело, за которое он отвечал, были для него важнее абстрактных принципов и интересов метрополии.

Недаром же его зовут «отцом Сейшел» и «первым сейшельским дипломатом».

Самая маленькая Виктория

От сейшельцев редко услышишь: «поеду в Викторию», «был в Виктории». Они говорят: «поеду в город», «был в городе». Виктория — единственный город на архипелаге и самая маленькая столица в мире.

Центром города считается площадь с часовой башней, самой известной и самой фотографируемой достопримечательностью Виктории. Башня известна сейшельцам просто как Lorloz, по-креольски Часы, а у туристов обычно фигури-

рует под именем Биг-Бен. На самом деле это — уменьшенная копия Литл-Бена, уличных часов с лондонской Воксхолл-Бридж-роуд, установленная в 1903 году в память об усопшей двумя годами ранее королеве Виктории.

Одновременно часовая башня должна была стать символом нового статуса Сейшельских островов, выделившихся из состава Маврикия и превратившихся в 1903 году в самостоятельную британскую колонию. Деньги на Logloz были собраны в том числе и по подписке среди жителей колонии, инициатором чего выступил первый полноценный английский губернатор сэр Эрнест Суит-Эскотт, которому прототип башни приглянулся в Лондоне.

Заказ был выполнен часовой фирмой «Gillet & Johnson» («Жиллет и Джонсон») из Кройдона. Говорят, поначалу часы на башне ходили как бог на душу положит, и стрелки на циферблатах с разных сторон показывали разное время. А кроме того, они никак не желали это самое время отбивать, хотя их и снабдили курантами. Видимо, создатели часов не учли наличие экваториального климата. Но в 1999 году Logloz отремонтировали, в них вставили кварцевый механизм, и наконец-то время они стали отбивать.

Самое примечательное в этой истории то, что новая «начинка» была изготовлена на том же заводе в Лондоне, где в самом начале XX века сделали «часовую башню». Поэтому я и упомянул «Gillet & Johnson». Это к вопросу о традициях, преемственности и вообще...

Теперь часы идут исправно, но это не значит, что ритм жизни на Сейшелах изменился. Здесь все течет неспешно и размеренно.

Главные часы страны вошли даже в местный фольклор: про тех, кого считали настоящей деревенщиной, говорили: «Он не видел часов», то есть он никогда не бывал в «городе».

Таких, по-моему, правда, не осталось, хотя шлепающая, вразвалочку походка и выдает деревенских креолок, не привыкших ходить в обуви по асфальту.

О королеве Виктории в столице ее имени напоминает и самая маленькая в мире, под стать городу, ее статуя — высотой всего 30 сантиметров! — перед зданием Верховного суда. Она была поставлена в ознаменование бриллиантового юбилея Виктории в 1900 году. Примечательно, что многие сейшельцы принимают ее за изваяние Богоматери и крестятся, проходя мимо.

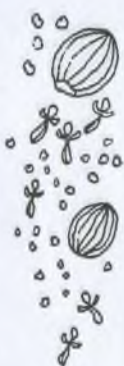
Зато любой местный водитель в качестве достопримечательности покажет светофор — он единственный в городе и на всем острове — и тут же усмехнется: не нужен он здесь, а поставлен так, для солидности...

Самое же внушительное и красивое сооружение в сейшельской столице — здание католической миссии, известное как *Domus* (Домус). Эта большая трехэтажная постройка из гранитных блоков, возведенная швейцарскими миссионерами в 1934 году, имеет даже свой акведук для снабжения водой; здесь когда-то жила дюжина монахов-капуцинов. Сегодня тут размещаются офисы, а священников живет всего трое.

Неподалеку от *Domus* расположен кафедральный католический собор, а рядом с ним, на склоне горы среди зелени, возвышается отдельно стоящая колокольня с часами. Часы на ней не простые — они отбивают время два раза, с перерывом в две минуты — чтобы тот, кто не услышал боя курантов в первый раз, смог посчитать удары во второй.

Никто не знает, кому пришла в голову идея установить в Виктории подобные часы, популярные когда-то во Франции и Швейцарии, где деловым, занятым людям всегда надо знать точное время. Зато они настолько очаровали британского публициста Алека Во, брата писателя Ивлина Во, что свою книгу о Сейшелах он назвал «Там, где часы бьют дважды».

Я бродил по открытым галереям, опоясывающим *Domus*, и ждал полудня, чтобы услышать этот двойной бой. Но, увы, служащая миссии разочаровала меня: «Сегодня с часами

что-то случилось — то ли с электричеством проблемы, то ли из-за высокой влажности».

«Счастливые часов не наблюдают». Это — про Сейшелы!

Здесь все рядом. Часовая башня и единственный в городе и на Маэ светофор, индуистский храм, англиканская церковь, мечеть и китайская пагода, спрятавшаяся за зданием рынка. И сам рынок — шумное и людное место, где по рыбным рядам, среди похожих на свиные туши тунцов, красных — действительно красных! — луцианов и остроносых марлинов бродят белые египетские цапли, которых креолы почему-то зовут «мадам Патон», где над прилавками витает букет невероятных ароматов и рябит в глазах от красок шафрана, карри и других неведомых пряных порошков, где корица продается в виде и пудры, и тоненьких трубочек, и просто кусков коры, а баночки наполнены огненным соусом «мазавару».

Здесь же можно увидеть самые невероятные типажи всех цветов кожи. Здесь рыбой торгуют и странный тип, из-за длинных, поседевших волос и избороздивших лицо морщин похожий на рок-звезду Игги Попа, и чернокожий рыбак. А рядом — индианка, продающая специи, и покупатель с абсолютно черной кожей, но с абсолютно европейскими манерами и европейской бородкой, и полицейский в идеально белой рубашке и вежливым «Yes, sir».

Рынок носит имя британского губернатора Селвина-Кларка. Его недаром помнят на Сейшелах: он боролся против бедности, расовых предрубеждений и социального неравенства. Да и личностью был неординарной. Участник Первой мировой войны, он был дважды ранен, затем — врач по образованию — стал директором медицинской службы Гонконга, где уже во время Второй мировой был захвачен в плен японцами — те держали его в одиночной камере, пытали, приговорили к смертной казни, которой он лишь чудом избежал.

В стороне от центра, у дороги, ведущей через горы к знаменитому пляжу Бо-Валлон, стоит типичный старый креоль-

ский дом с зелеными ставнями-жалюзи и высокой красной крышей. В Виктории его все знают по ресторану «Мария-Антуанетта», который славится креольской кухней и приветливостью хозяев. А вот про историю дома, где расположен ресторан, знают немногие.

Внутри «Марии-Антуанетты» преобладают розовые и бирюзовые, столь же легкомысленные, как и снаружи, цвета. Немного аляповатый портрет пирата Ля-Бюза в полный рост не только подходит к интерьеру, но и вполне соответствует обстановке.

Этому дому более ста лет, что для Сейшел, которым — как стране — всего два с третью века, совсем немало. Предполагают, что именно здесь летом 1872 года останавливался знаменитый путешественник и журналист Генри Стэнли, возвращаясь из своей триумфальной экспедиции в Африку, куда он ездил на поиски другого не менее знаменитого путешественника Ливингстона.

В ресторане, правда, уверяют, что здесь останавливался сын Ливингстона. Первое, однако, звучит более убедительно, так как доподлинно известно, что Стэнли в 1872 году действительно был на Сейшелах.

В подшивке сейшельских газет я нашел статью, посвященную вопросу: где же останавливался Стэнли на Маэ. Статья имела очень характерный заголовок: «Marie Antoinette, I presume?» — «Полагаю, «Мария-Антуанетта?», который обыгрывает знаменитую и ставшую крылатой в английском языке фразу, которую произнес Стэнли, встретив на берегу озера Танганьика Ливингстона: «Dr. Livingstone, I presume?»

Стэнли торопился сообщить миру, что он обнаружил исследователя живого и здорового, но ему пришлось ждать на Сейшелах парохода целый месяц. Вместе со Стэнли был и сын Ливингстона — Осуэлл, и поэтому они прозвали дом, где остановились, «Коттедж Ливингстона». Стэнли описывает его как «небольшой симпатичный деревянный дом» — здание же, где расположена, «Мария-Антуанет-

та», небольшим назовешь едва ли. Поэтому со стопроцентной уверенностью говорить о том, что Стэнли с сыном Ливингстона останавливался именно в нем, вряд ли можно.

Но главное другое: Стэнли говорит о своем пребывании на Маэ как об «одной из самых приятных вещей, связанных с возвращением в Африку», и добавляет, что, «когда наконец с Маврикия прибыл французский пароход, в нашей группе не было никого, кто бы не сожалел о том, что покидает этот прекрасный остров».

Кстати, несколько дней Стэнли провел на Сейшелах еще по пути в Африку на поиски Ливингстона. Но, прежде чем добраться сюда, он проехал через весь Ближний Восток, Иран и Индию. А по дороге не преминул посетить Крым, где осмотрел места боев Крымской войны, а в Одессе встретился с вдовой генерал-лейтенанта Липранди, заместителя главнокомандующего русскими войсками в Крыму.

Об этом я пишу не случайно: в Виктории есть вполне конкретное напоминание о крымской кампании. Если бы не моя страсть изучать карты, никогда бы не узнал об этом.

В первый же день своего пребывания на Сейшелах, рассматривая карту Виктории, я нашел на ней улицу, именуемую «Malakoff Street». В русском происхождении названия «Малахов» сомнений у меня не было, но уж больно странно было встретить его — где? — посреди Индийского океана.

И я стал спрашивать всех сейшельцев, с которыми приходилось общаться, откуда такое название в Виктории. Но даже в историческом музее служащая сказала мне: «Наверное, это французское имя». И как раз там я обнаружил объяснения происхождения названий некоторых улиц сейшельской столицы. Среди них была и «Malakoff Street». Оказывается, это имя было дано улице в честь взятия стратегически важного Малахова кургана у Севастополя французскими войсками в 1855 году.

Спустя несколько дней я разговаривал с нашим послом, и оказалось, что про такую улицу он даже и не слы-

шал. А это всего в нескольких минутах езды на машине от Lorloz! Но понятия о времени и расстояниях здесь совсем иные и не вписываются в привычную для нас систему.

Здесь не принято спешить и суетиться. Даже очередь в единственном супермаркете Виктории какая-то расслабленная. А самым распространенным ответом на вопрос «Как дела?» уже к полудню будет неизменное «Мон фатиге» — «Устал!». Хотя никого трудящегося в поте лица я на Сейше-лах ни разу не видел.

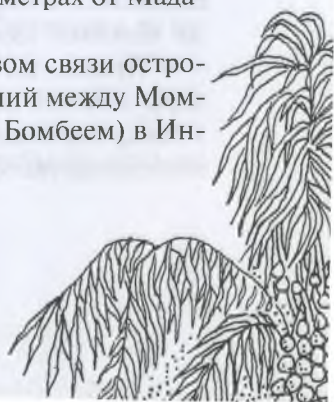
В тысячи миль отовсюду

Мне рассказывали, что как-то во время Второй мировой к берегам архипелага прибило японскую мину. Выловившие ее сейшельцы понятия не имели о том, что это, и решили ее распилить, чтобы сделать поилку для свиней. Их удивлению не было предела, когда мину взорвали прибывшие английские саперы.

В этой истории нет ничего удивительного — Сейшелы, лежащие среди Индийского океана, всегда были далеки от «большого» мира — с его цивилизацией, войнами, потрясениями...

Не случайно в свое время один из британских губернаторов Сейшельских островов, сэр Джон Торп, сказал про них слова, на долгое время ставшие девизом страны: «Тысяча миль отовсюду». И действительно, разбросанные по Индийскому океану Сейшельские острова лежат в 1800 километрах от ближайшего восточноафриканского порта Момбаса, в 3300 километрах от Мумбая и в 1100 километрах от Мадагаскара. Вокруг — Индийский океан.

И до 1970-х годов единственным средством связи островов с внешним миром был пароход, ходивший между Момбасой в Кении и Мумбаем (тогда, конечно, Бомбеем) в Индии с заходом в Викторию.

Туристы на Сейшелах тогда исчислялись единицами. И были они, скорее, не туристами в привычном сегодня смысле слова, а путешественниками, экстравагантными любителями экзотики — чудаками... Такими же примерно «туристами» были в свое время Поль Гоген на Таити или Артур Рембо на Кипре.

Конечно, конец XX века принес перемены. Здесь появился современный аэропорт, а с ним — и настоящие туристы, число которых сразу стало исчисляться уже на тысячи, а потом и десятки тысяч в год. Теперь они, а не кокосовые орехи и пряности, дают благосостояние стране, которая по ВВП на душу населения почти в два раза обгоняет Россию.

Сами сейшельцы тоже стали ездить по свету. Меня, кстати, поразило это: ездят (точнее, конечно, летают) и лечиться, и учиться, и по делам, и отдыхать.

На Пралене я встретил креолку Джунию, которая ездила на паломничество... в Израиль. Я, было, решил, что по христианским святыням. Нет, оказывается, только в Хайфу. И тогда я понял: она — приверженка бахаизма.

Я вспомнил, что, когда-то еще давно читая книги о Сейшелах, узнал, что на островах какая-то доля процента населения исповедует веру бахайя. Тогда я не знал, что это такое. И не представлял, что однажды буду гулять по бахайским садам на горе Кармель над Хайфой. Как, впрочем, и того, что окажусь на Сейшелах. Ну так вот Джуния скорее всего и входила в число этих самых долей процента...

Но и сейчас изоляция и та самая «тысяча миль отовсюду» порой дают о себе знать.

На Сейшелах есть небольшой заводик, где делают свое сейшельское пиво «Seybrew», пару импортных сортов, а также «Smirnoff Ice» и «Кока-Колу».

— Правда, вы знаете, случалось, что кончается запас сахара, и линия по розливу «колы» встает, — говорил мне менеджер знаменитого курорта «Лемурия». — А как это — бар пятизвездочного отеля без «кока-колы»?! Вот нам и прихо-

дится срочно заказывать и завозить «колу» самолетом из Дубая. Оттого и цены некоторым могут показаться странно завышенными...

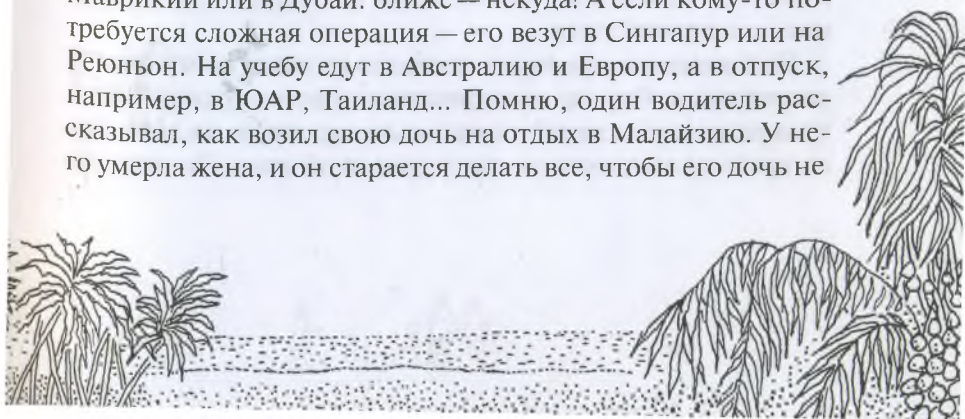
Отдаленность и изоляция наложили свой отпечаток на образ жизни обитателей Сейшел.

Здесь все друг друга знают, даже на Маэ, где проживает большинство из 82 тысяч сейшельцев. Водители то и дело скидывают от руля вверх два пальца в знак приветствия либо своих встречных коллег, либо прохожих, а машины движутся со скоростью сорок, ну максимум шестьдесят километров в час. Поэтому шоферы и посмеиваются над своим единственным столичным светофором.

На Пралене, втором по величине острове, светофоров, правда, целых два, но они какие-то смешные. Один стоит у взлетной полосы местного аэродрома, и во время взлетов-посадок дорогу перекрывают красным светом. А второй расположен у гостиницы, которую дорога отделяет от гостиничного же ресторана: светофор включают, чтобы машины не мешали спешащим на обед постояльцам.

Так как острова лежат почти на экваторе, здесь нет времен года. Школьные каникулы разбросаны по всему году, и летом (по календарю) детишки всех цветов кожи в аккуратных рубашках и шортах так же, как и весной, осенью и зимой, шагают на занятия. Зато день и ночь делят сутки ровно поровну, и в 18 часов, одновременно с заходом солнца, сразу и резко темнеет...

Здесь всего один супермаркет и... ни одной химчистки. Поэтому местные модницы на шопинг отправляются на Маврикий или в Дубай: ближе — некуда! А если кому-то потребуется сложная операция — его везут в Сингапур или на Реюньон. На учебу едут в Австралию и Европу, а в отпуск, например, в ЮАР, Таиланд... Помню, один водитель рассказывал, как возил свою дочь на отдых в Малайзию. У него умерла жена, и он старается делать все, чтобы его дочь не

чувствовала недостатка внимания и заботы. Дочери в Малайзии очень понравилось, и они решили съездить туда снова; поэтому он попросил написать ему в блокноте название острова Лангкави, который я ему похвалил...

Я, честно говоря, и не представлял, что, живя на курортном тропическом архипелаге, куда-то еще можно ездить отдыхать.

Конечно, это все веяния последнего времени. Раньше, чтобы выбраться на «большую землю», нужно было несколько недель ждать парохода. Теперь же ты через несколько часов — в Африке, в Сингапуре, в том же Дубае. Ну а мобильный телефон, который, по-моему, есть у каждого сейшельца, и интернет вообще проблему связи с «внешним миром» сделали не существующей. Но на образе, на ритме жизни островитян это почти не сказалось...

Как-то вечером я собирался на встречу и ждал в гостинице такси. Когда я уже шел к выходу, меня остановил звонок из ресепшн: «Звонил водитель, сказал, что задерживается». — «На сколько?» — «Ну, минут на пятнадцать, на полчаса».

Буквально через несколько минут в номере снова раздался звонок. Звонил уже сам водитель, кстати, тот самый, с которым мы потом во время поездки обсуждали Малайзию: «Я вас жду на ресепшн». — «Но мне сказали, что вы опаздываете на полчаса». — «Нет, я просто просил предупредить вас, что я могу чуть-чуть задержаться».

Несмотря на по-прежнему довольно свободные нравы, что статистически выражается в весьма высоком проценте внебрачных детей, и легкость, с какой можно завести роман с местной красоткой, на Сейшелах отсутствует такое явление, как проституция.

На Пралене мне рассказывали, что мужская компания отдыхающих из России, поселившаяся в президентской вилле, куда их доставил вертолет прямо из аэропорта на Маэ, была крайне разочарована, когда узнала об этом. Но они, од-

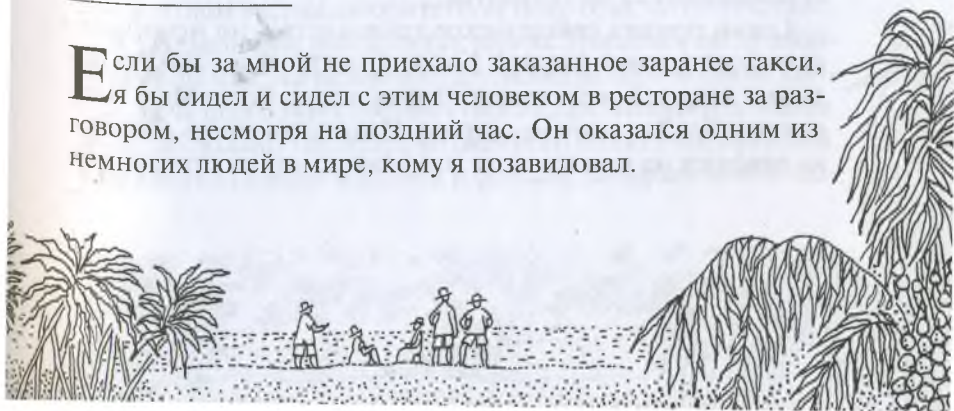
нако, совершенно не разочаровались в Сейшелах — на следующий год вновь забронировали ту же виллу, прилетев на этот раз уже со своими «самоварами»...

Главные места общения местной молодежи и пункты завязывания знакомств — это ночные клубы и дискотеки, как в Виктории, так и за городом. Когда я проезжал мимо одного из них, спутница-креолка заметила: «Вечером приходи, познакомишься со всеми девушками!» Такой клуб в Виктории, кстати, держат, как мне рассказывали, и наши россияне, врачи, — днем лечат тела, вечером и ночью взбадривают души.

Кроме них, Малакофф-стрит и туристов, о России здесь напоминают еще завоевания социализма, который на Сейшелах «строили», естественно, при помощи СССР (кстати, официально исповедовали не марксизм, а «индоокеанский социализм»). В стране была создана система бесплатного образования, здравоохранения и социальной помощи малоимущему населению. А немалые доходы от туризма позволили стране занять первое место в Африке по ВВП на душу населения! Поэтому на Сейшелах не увидишь контрастов богатства и нищеты, а роскошные гостиницы и курорты не выглядят островками благополучия и безопасности, созданными для туристов. Улицы Виктории и поселков чисты и опрятны, не видно нищих, а преступность практически отсутствует. В большинстве своем потомки бывших рабов, сейшельцы держатся с достоинством, они приветливы и радушны и живут, кажется, вполне счастливо.

Глинн и песни сирены

Если бы за мной не приехало заказанное заранее такси, я бы сидел и сидел с этим человеком в ресторане за разговором, несмотря на поздний час. Он оказался одним из немногих людей в мире, кому я позавидовал.

Это было на второй или третий вечер на Сейшелах. Потом я встретил там еще немало людей, которым искренне — в глубине души, но абсолютно белой завистью — завидовал.

В чем-то мы с ним были похожи. Примерно одного возраста. Я учил восточные языки в МГУ, он — живя с родителями-дипломатами в Иране. Мы оба с восторгом вспоминали, как ездили с водителями-дальнобойщиками в кабинах огромных грузовиков: я по северо-западу России, он — из Лондона до Тегерана. Но что-то складывалось по-разному. Он стал учителем у детей шахской семьи и, когда в Иране произошла революция, перебрался на принадлежавший принцу крошечный островок в Индийском океане, где прожил и проработал два десятка лет. Меня же кривая жизни долго обводила стороной от Востока, Африки и тропиков вообще, но потом все-таки вывела на Сейшелы, где в ресторане «*Chez Plume*» я и познакомился с Глинном.

Мы ели красного луциана, приготовленного на гриле, и карри из осьминогов на кокосовом молоке, запивая все это белым вином. Глинн теперь перебрался на Маэ, на «большую землю», как принято говорить здесь, на Сейшелах. И правда большую — гористый, имеющий 27 километров в длину Маэ выглядит чуть ли не гигантом по сравнению с атоллom Д'Аррос размерами один на два километра. Глинн пишет рекламные тексты и статьи для местного министерства туризма и еще книги. Ему есть о чем писать, а здешняя жизнь не отвлекает от работы и не раздражает, расслабляет, но позволяет сосредоточиться и не торопиться. Погода тоже не доставляет дискомфорта своей переменчивостью и прочими выходками — круглый год температура редко покидает пределы от 27 до 31 градуса.

Глинн принял сейшельское гражданство, но не забывает о своей родной Англии. Как и об «островах» — так он называет атоллы вокруг главного архипелага, будто Маэ, Прален или Ля-Диг — это не острова. И когда он теперь подолгу не отвечает на мои имейлы, это значит, что он отправился

куда-то на Амиранты, Дерош или тот же Д'Аррос, где провел столько лет почти что робинзоном и куда цивилизация добралась, но растеряла по дороге кое-что, включая и электронную почту.

Рассказывая о том, как он оказался на Сейшелах впервые, Глинн сравнивает очарование островов с песней сирены, а про момент, когда выбрал их своим домом, пишет: «Сирена не поет для меня теперь, так как у нее нет больше нужды в этом. Она лучше меня знает, что я еще долго не покину этих берегов. Таков зов островов...»

А для меня сирена только начинала свою песню. И из этой песни я узнал слова, которые мне хотелось произнести уже прямо в аэропорту по прилете и которые я тогда не знал, а уезжая и прощаясь, говорил островам: «Мон контан у» — «Я вас люблю» по-креольски.

Почему я так запомнил ту встречу с Глинном Берриджем?

Потому что встретил человека, жизни которого его коллеги из России мог завидовать. Потому что читал — уже потом, в Москве, да и, кажется, в путешествиях — его книги. И потому что наше знакомство получило довольно неожиданное продолжение...

Мы говорили с Глинном о книгах — про Сейшелы, естественно. Я похвалил Омманни и Томаса, он с восторгом говорил про Трэвиса, который писал про акул.

Он сказал мне, что его первая книга «Голоса» — сборник рассказов, наблюдений и впечатлений от жизни на Сейшелах, прежде всего на крошечных редко посещаемых посторонними островах, — очень неплохо продается. А я заметил, что видел ее в списке рекомендуемого «углубленного» чтения в одном весьма авторитетном гайд-буке по Сейшелам.

А затем он мне рассказал историю. Понятно, он предполагал, что мне эта история будет любопытна — в конце концов, речь шла о моих соотечественниках. Запомнить мне ее было несложно, тем более что немного позже в подаренной мне книге «Голоса» я прочел и рассказ, который почти сло-

во в слово эту историю повторял. Точнее, Глинн почти слово в слово пересказал мне свой очерк...

Он назывался «Русские идут!». Заголовок звучал бы довольно банально и избито в любом другом месте, но только не в контексте крошечного островка, куда с «большой земли» — Маэ — судно приходит пару раз в год.

Но однажды на атолл Д'Аррос, где жил Глинн, зашло судно совсем иное — советское научно-исследовательское. Обитатели островка и наши моряки и ученые познакомились и подружились — русские пельмени, водка, совместная игра в футбол. Особенно сблизился Глинн с профессором-экологом из Владивостока: много говорили, делились мечтами... А советскому ученому было о чем мечтать — на дворе стоял конец восьмидесятых, время надежд, веры и оптимизма. Дружба продолжалась и позже — в переписке. Но наступили девяностые, контакты прервались: как работала тогда почта России, можно не говорить. И Глинн с сожалением вспоминал о потерянной дружбе...

— Хочешь, я попробую его найти, — предложил я Глинну.

Он неуверенно пожал плечами — неуверенно не потому, что не хотел, а именно потому, что не верил, что это возможно.

Фамилию профессора несложно было запомнить — Преображенский. Прямо как у Булгакова.

После нашей встречи в «Chez Plume», вернувшись в Москву, я через интернет действительно смог найти профессора, и теперь они снова переписываются — по почте электронной. Так, совершенно неожиданно для себя, я поучаствовал в создании ненаписанного эпилога к книге Глинна.

Сейчас, когда иногда в газетах мне попадается имя профессора Преображенского — а оно упоминалось не раз в последнее время в связи с экологическими проблемами Приморья, — я вспоминаю Сейшелы и Глинна. То, что делает и говорит профессор, вызывает у меня симпатии.

Еще больше убеждаюсь, что чистых случайностей не бывает и что мир наш очень мал и тесен.

Вот такое удивительное эхо, долетающее в Москву с Сейшела через Дальний Восток...

Пальма и генерал

Республика Сейшельские Острова, конечно же, имеет свой герб и флаг. Но пусть и не официальный, но самый распространенный символ страны — плод сейшельской веерной пальмы, известный как «коко-де-мер», «морской кокос». Коко-де-мер — крупнейшие из семян, известных на земле, — гигантские орехи достигают веса 20, а то и 25 килограммов!

«Морской кокос» я увидел, едва сойдя с самолета, и не где-нибудь, а в своем собственном паспорте: штамп иммиграционной службы представляет собой изображение коко-де-мер. Потом я видел этот орех повсюду: его сильно уменьшенные копии в виде серебряных кулонов, пластиковых и деревянных безделушек и прочих сувениров, его выдавленные очертания на синих бутылках с местной минеральной водой; и наоборот, огромных размеров — на монументе независимости на Пралене и в фонтане перед аэропортом на том же острове. Ну и конечно, натуральные орехи — в музеях, сувенирных магазинах и еще зеленые — растущие на пальмах.

Огромный орех получил свое название потому, что именно благодаря морю люди впервые узнали о его существовании, причем задолго до того, как были открыты Сейшельские острова.

Океанские волны прибывали гигантские плоды к побережью стран Южной Азии. Орехам, которые приносило море, приписывались самые разнообразные целебные свойства, и они ценились чуть ли не наравне с золотом. Надо сказать, что «морской кокос» напоминает своей формой весьма пи-

кантную часть женского тела. Поэтому коко-де-мер на Востоке особенно котировались как средство, повышающее потенцию.

Откуда брались эти орехи, никто не знал, и считалось, что это плоды некой волшебной пальмы, растущей на дне океана. По индонезийским поверьям, их приносила мифическая птица Гаруда.

Загадка «морских кокосов» разрешилась лишь в 1768 году, когда на острове Прален был обнаружен целый лес верных пальм. Теперь их можно увидеть и в ботаническом саду «Мон-Флэри» в Виктории, да и в других местах на островах, однако единственное место на Земле, где они растут в естественных условиях, — это Майская долина на Пралене.

Ярко раскрашенный, словно тропическая птица или бабочка — под стать местной природе и беззаботной атмосфере, — самолет быстро взлетает и так же быстро садится: перелет с Маэ на Прален занимает всего пятнадцать минут. Еще минут двадцать на машине, и я попадаю в царство первозданной природы Майской долины.

На Пралене есть несколько знаменитых и красивейших пляжей, ферма по разведению жемчуга и черепах, но я, как и подавляющее большинство посетителей этого острова, еду сюда, в первую очередь, из-за «морского кокоса»...

Майская долина представляет собой сегодня заповедник и внесена в престижный список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Вокруг по склонам гор — лес этих высоких пальм, тишину в котором нарушают лишь скрип и скрежет огромных листьев и стволов в вышине, да шум водопада и еще крики редких черных попугаев, которые обитают только на Пралене. Внизу — не трава или подлесок, а такие же огромные, но только сухие листья.

К звукам удивительного леса добавились еще крики двух птичек, называемых сейшельцами «буль-буль», которые

опустились перед нами на тропу. Они пролюлюкали почти под самыми нашими ногами и улетели.

— Это они приветствуют вас, — сказала мой гид Карина, тоненькая, будто точеная, совсем юная креолка с грустными глазами.

Кроме веерных пальм, она показала мне и другие растущие здесь невероятные сейшельские деревья, например, латаньен-лат (или, по-научному, вершафелтию блестящую) — пальму, стоящую на множестве маленьких «ножек», вакоа или панданус с несколькими кривыми стволами-ветками, напоминающими ходули...

Без Карины я бы не заметил и прижавшихся к стволам изумрудных гекконов с бронзовыми глазками...

Но королева здесь — веерная пальма.

Английский генерал Чарлз Гордон, прославившийся подавлением восстаний в Судане и Китае, побывав в 1881 году на Пралене, назвал Майскую долину «первозданным земным раем». Он приезжал на Сейшелы для осмотра островов на предмет создания там военно-морской базы для флота Ее Величества.

Но сурового генерала удариться в лирику заставили не только красота и первозданность этого места. Сейшельская веерная пальма растение поистине уникальное — помимо того что плоды созревают на ней лишь раз в семь лет, деревья делятся на «женские» и «мужские». И если первые можно распознать по столь пикантной формы орехам, то вторые — по цветам, имеющим столь же пикантную форму, только уже гениталий противоположного пола, причем более чем внушительных размеров!

Поэтому фонтан у праленского аэропорта в виде огромного «морского кокоса», на который с четырех углов бьют струи из «мужских» цветов, выглядит довольно двусмысленно, если не сказать непристойно...

Одним словом, эта пальма как ничто иное символизирует мужское и женское начало!

Не заметить этого сходства было невозможно даже в пуританскую викторианскую эпоху.

Как бы то ни было, генерал забраковал архипелаг с точки зрения нужд адмиралтейства. Но память о себе на островах оставил именно восторгами от здешней природы.

Еще один уцелевший символ...

А вот другому символу Сейшел — уже из животного мира — гигантским черепахам, в защиту чьих прав, не желая того, выступил советский представитель в ООН, повезло меньше, чем морскому кокосу.

Бедой черепах стало то, что они большие и медлительные.

Первые поселенцы, появившиеся на архипелаге в 1770-х годах, с удовольствием использовали их в пищу. Мяса в каждой не меньше, чем в молочном поросенке, а охота на них не представляла большого труда. И в довершение всего огромный панцирь годился для разных поделок. Черепаховый панцирь был одной из важнейших статей сейшельского экспорта в конце XVIII века!

Стоит ли говорить, что число черепах быстро сокращалось, и, возможно, они вообще исчезли бы как вид. Но, слава Богу, поселенцы нашли не менее выгодные занятия, а потом власти взяли гигантских черепах под защиту.

Ученые выделяют два подвида гигантских черепах, которых можно встретить на Сейшелах.

Один, собственно сейшельская гигантская черепаха, обитавшая по заросшим берегам болот и ручьев на крупнейших островах, в результате освоения земель и, конечно, охоты вообще перестала встречаться уже к 1840 году, и ее посчитали вымершей и разделившей участь родичей с островов Маврикий, Реюньон и Родригес.

Но в 1997 году восемь особей этого вида были обнаружены в неволе, и в настоящее время на архипелаге живет дюжина сейшельских черепах...

Другой подвид — гигантские слоновые черепахи, обитавшие на атолле Альдабра, — благодаря изоляции и усилиям по сохранению вида, предпринятым в XX веке, не только выжили, но и весьма расплодилось. И с Альдабры — конечно, не без помощи человека, — расселились по главным островам Сейшельского архипелага, а также пополнили живые коллекции садов Маврикия и Реюньона, заместив собой вымершие местные подвиды. Длина этих великанов достигает двух метров, вес — двух центнеров.

Сейчас утверждают, что этих черепах на Сейшелах больше, чем людей. Их количество оценивается от 120 до 150 тысяч!

Гигантские черепахи представляют собой немалый интерес для ученых: ведь их ближайшие родственники обитают на противоположном конце земного шара, причем также на островах — архипелаге Галапагос в Тихом океане. Каким образом попали сухопутные черепахи на острова — остается загадкой.

А вот у двух других обитателей архипелага, точнее, его прибрежных вод, судьба сложилась совсем печально.

Вход в Музей естественной истории на одной из центральных улиц сейшельской столицы Виктории украшают изваяния крокодила и дюгоня. Увы, оба этих крупнейших местных животных ныне уничтожены.

Дюгони, эти крупные безобидные животные, до появления на Сейшелах людей прекрасно чувствовали себя в прибрежном мелководье. Но охотиться на дюгоней было совершенно не сложно, да и безопасно. И сегодня о них на Сейшелах напоминает лишь прежнее название одного из островов — Иль-о-Ваш. Переводится оно как Остров Коров — дюгоней раньше именовали морскими коровами. Но так как дюгони перевелись, остров сменил имя на Берд, поскольку там в изобилии представлены пернатые. Кстати, вот еще один пример редкого — английского — названия острова.

Птиц много и на других островах архипелага, прежде всего объявленных заповедными, вроде острова Кузен, где

можно наблюдать огромные колонии морских птиц. Колониями птиц славится и Альдабра — самый большой атолл в мире и самый дальний из всех островов страны. Он тоже, как и Майская долина, объявлен заповедником и внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Крокодилов, некогда водившихся на Сейшелах, извели тоже довольно быстро. Они обитали в основном в мангровых зарослях крупнейших островов — Маэ и Пралена, и поэтому первые колонисты на Сейшелах старались селиться вначале на небольших островках типа Сент-Анн, что лежит в гавани Виктории. Крокодилов убивали не только из-за неприязни, но и ради мяса и кожи. Их численность падала еще и с сокращением площадей мангровых зарослей.

Крокодилы на Сейшелах исчезли уже к 1819 году — так быстро, что ученые даже не успели определить их вид. До недавнего времени считалось, что это — нильский крокодил, забравшийся в центр Индийского океана и прижившийся в соленой воде. И лишь сравнительно недавно ученые, исследовавшие сохранившийся в местном музее череп, пришли к заключению, что это обитающий в соленой воде гребнистый крокодил, каких ныне можно встретить в Южной и Юго-Восточной Азии и на севере Австралии. Отдельные представители гребнистых крокодилов обнаруживались в значительном удалении от обычных мест обитания — например, в Японии. Способность совершать дальние плавания в открытом море, вероятно, объясняет широкое распространение данного вида.

Крупнее гребнистого среди крокодилов нет. Самцы могут достигать длины шести-семи метров, весят они обычно 400—500 килограммов, но бывает, что и под тонну. Название «гребнистый» крокодил получил за пару мощных гребней, идущих от глаз почти до передней трети морды. Голова у него крупная, с тяжелыми челюстями, а у взрослых самцов поверхность верхней челюсти с возрастом становится бугристой и морщинистой. Одним словом, настоящие монстры.

Гребнистый крокодил — активный хищник. Сила его такова, что он способен раздробить челюстями череп буйволу. Жертву крокодил всегда стремится утащить в воду, где ей труднее сопротивляться. Охотиться гребнистый крокодил предпочитает в сумерках, день проводя в оцепенении — в воде или на берегу.

На людей эти крокодилы нападают чаще всего прямо на берегу моря или на мелководье, где бдительность человека снижается.

Весьма ценится кожа этих крокодилов, и поэтому они всегда были предметом охоты. Что во многом и предопределило их судьбу там, где их популяция — как на Сейшелах — была не очень велика.

Правда, в истории с крокодилами нет худа без добра — едва ли кого-либо привлекали бы местные пляжи, если бы на них выползали погреться на солнышке гигантские зубастые рептилии, которые, если верить первым посетителям Сейшел, бывало, устраивали шумные побоища с акулами...

Вероятно, самая известная сейшельская птица — черный попугай. Я не слышал, чтобы на него специально охотились. Но сколько времени человек ни жил на Сейшелах — по крайней мере в последние лет семьдесят, — птица эта считается очень редкой. Черный попугай — подлинный сейшельский эндемик и обитает только на острове Прален, причем в основном — в заповедной Майской долине. Их всего несколько десятков особей. И, похоже, популяция никогда не была особенно большой. Черные попугаи ценятся именно из-за своей редкости и неминуемо все оказались бы уже в клетках собирателей дорогих живых коллекций, если бы не были взяты под охрану.

Редкость черного попугая связана, вероятно, с его диетой: его излюбленная пища — цветы «морского кокоса» и «лантаньен-лат», тоже исключительно праленских эндемиков, хотя он и не брезгает плодами и культивируемых растений типа гуавы или папайи...

Черный попугай считается национальной птицей страны. И в общем-то лучше птицы на эту роль не подберешь!

Менее известен еще один орнитологический эндемик. Но тоже весьма редкий — одно время его уже хотели занести в «Черную книгу вымерших животных».

Это — сейшельская белоглазка, известная на островах под смешным местным названием «люнет». Это название, переводящееся дословно как «очки», она получила из-за ярких ободков вокруг глаз. В 1930—1960-е годы считалось, что эта маленькая птичка оливкового цвета размером всего сантиметр десять полностью исчезла, но затем ее обнаружили в горах Маэ. Даже в конце 1990-х годов белоглазку относили к числу самых редких птиц на земле — их насчитывалось всего двадцать пять особей. Резкое сокращение ее популяции объясняется уменьшением площади девственных лесов, а также распространением завезенных на Сейшелы других видов птиц, в первую очередь, майны.

Однако в 1997 году на острове Концепсьон была обнаружена колония белоглазок из 250 особей, а на Маэ в 1998 году их число выросло до пятидесяти.

Теперь популяция на Концепсьоне выросла до 330 особей, а в 2001 году была предпринята попытка поселить люнет на острове Фрегат, где сейчас их насчитывается уже порядка шестидесяти особей.

Ля-Диг: остров для тех, кто устал

На Маэ мне все настоятельно советовали: «Тебе надо поехать на Ля-Диг, там совсем тихо и спокойно, там настоящая традиционная сейшельская жизнь». И я отправился на этот четвертый по величине и третий по населению остров архипелага.

Даже по местным меркам до Ля-Дига от Маэ недалеко. Пятнадцатиминутный перелет на Прален над голубым океа-

ном. Затем — минут двадцать на машине к причалу на другом конце этого острова.

Уже Прален показался мне более спокойным и расслабленным по сравнению даже с Маэ.

Но если Прален отличается первозданностью своей природы, то Ля-Диг — неспешностью и патриархальностью своей жизни.

От Пралена до Ля-Дига путь по океану занимает обычно полчаса, но билет мне достался на скоростной катер, который преодолел пролив, разделяющий два острова, всего за пятнадцать минут. Несмотря на достаточно внушительные размеры, он буквально прыгал по волнам, и можно было только сидеть — либо на скамейке, либо прямо на палубе. Подняться во весь рост, даже держась за поручни, было почти невозможно.

Частных машин на Ля-Диге нет — только такси, да и то их всего несколько. На дорогах — узких, с трудом разъедешь — видны лишь велосипедисты и повозки с запряженными в них быками.

На Ля-Диг туристы едут в основном из-за знаменитых живописных пляжей, которыми славится остров. Анс-Лазьо и Ког-д'Ор на Пралене оспаривают, правда, право на то, чтобы считаться самыми красивыми на архипелаге, но Анс-Сурс-д'Аржан на Ля-Диге, вне сомнения, «самый фотографируемый» пляж в стране, а может, и в мире. Его вид так и просится в кадр: белый, с розоватым отливом коралловый песок, голубой океан с искрящейся пеной прибоя, зеленые листья пальм, отбрасывающие резной узор теней, и нагромождения серых причудливых скал.

Именно Анс-Сурс-д'Аржан служил фоном для съемок рекламы рома «Бакарди» и батончиков «Баунти». Одним словом, «райское наслаждение»!

Но знаете, что мне больше всего понравилось на этих знаменитых пляжах — будь то на Ля-Диге, на Пралене или, скажем, на Бо-Валлон на Маэ, про который один американец

сказал, что он «втрое длиннее и вдвое красивее, чем Вайкики» — знаменитый пляж в Гонолулу? На них почти всегда пустынно. И чисто... Даже во время отлива на песке — лишь обточенные обломки кораллов, да те самые «sea shells»...

На Анс-Сурс-д'Аржан я попал со старой плантации, одной из немногих сохранивших первозданный облик и служащей сейчас чем-то вроде живого музея традиционного быта. Здесь можно увидеть всю цепочку местного производства: от выращивания кокосов до производства копры и масла.

Один креол тесаком очищает ядра кокосов, другой — рубит на половинки. Удар — и он протягивает мне расколотый орех с мутноватой прохладной жидкостью. Я с удовольствием пью и удивляюсь: как ему удастся разрубить орех так, что молоко не разливается, а остается в одной половинке?

Рядом — домик, захожу. Внутри — почти полное ощущение бани: и по температуре, и по виду: только вместо полога — полки, а на них разложены половинки кокосов. Просушенные и обезвоженные орехи потом мелко рубят, и в высоких деревянных кадках, выдолбленных из ствола дерева и отполированных до блеска, из них жмут масло. Кадка стоит в большой круглой беседке под соломенной крышей, а огромный, под стать кадке, пестик приводит в движение корова, которая ходит в тени навеса по кругу.

Сходство с беседкой создавали и бревна по кругу, на которых сидели две пожилые креолки. Они отдыхали, отдыхала и корова — время уже было в районе полудня, работа идет только с утра. Даже своих животных сейшельцы стараются избавлять от тяжелого труда.

Ну а как же? Корова ведь тоже сейшельская, хоть и не может сказать: «Мон фатиге».

Пользуясь тем, что пестик не движется, к кадке слетелись яркие птички, которые с удовольствием клевали кокосовую крошку...

Старый деревянный дом под высокой крышей из пальмовых листьев, который когда-то принадлежал владельцу плантации, теперь собственность правительства — в нем, кажется, иногда устраивают какие-то приемы и встречи. Но он никак не охраняется, и к нему можно подойти совсем близко. Занятная картина: мимо дома для правительственных приемов с охапкой свежих листьев идет креолка — несет их в качестве корма гигантским черепахам, которые не спеша ползают за каменной оградой в тени нависающих серых скал.

Дом этот знаменит тем, что в нем снимали фильм «Прощай, Эммануэль!», и теперь он известен как «Дом Эммануэль».

Наверное, где-то рядом, на пляже, расставлял облаченных в феерические наряды XVIII века актеров и Роман Полански, снимавший своих «Пиратов» на Сейшелах. Разве он мог пропустить такую натуру, как Анс-Сурс-д'Аржан!

Я сидел под навесом ресторанчика, тут же у пляжа, и в ожидании обеда пил холодное «Sevbrew», потому что тоже уже устал.

Между столов ходил молодой американец в футболке со Шри-Ланки и просил посетителей заполнить анкету. Он объяснял, что нет-нет, никаких пожертвований он не собирает, это научное исследование — просто уделите минут десять экологической программе.

Вопросы казались мне схоластическими — какой популяции птиц надо помочь в первую очередь, как израсходовать выделенные деньги и так далее, при том, что названия птиц были мне не знакомы, в биологии я не силен, о специфически местных проблемах экологии не ведаю, а как распределяются средства в программах по защите пернатых — и подавно. Но американец убеждал, что для его анкет как раз мнение неспециалиста и важно, и это именно, в первую очередь, социологическое исследование. А уже на ос-

новании его и будут анализироваться экологические программы...

И я ставил галочки, исходя из здравого смысла, а не знаний, и уверенно, без сомнений заполнил лишь три графы: имя, гражданство и симпатии, которые я испытываю к какой-либо экологической организации...

Интересно, стоило ли ехать за столько тысяч километров от какого-то колледжа, чтобы собирать мнения в основном богатых туристов о практически непонятной им проблеме?

Но, с другой стороны, в большом городе я бы никогда не стал заполнять эту анкету, а здесь, когда лист бумаги слегка трепал ветер с океана, а птицы, о которых в ней шла речь, возможно, летали где-то совсем рядом или вообще сидели на крыше или ветке соседнего дерева, это мне показалось вполне уместным...

Любопытно, сколько денег из фонда программы ушло на составление анкеты, проведение опроса на «пленэре», обработку собранных данных, а сколько — самим птахам? Парень, правда, производил впечатление энтузиаста-бессребренника. Но сколько людей по всему миру кормится вокруг подобных программ!

Дай Бог, я чем-то помог редким сейшельским пернатым!

Не знаю, почему я запомнил этого парня с анкетами. Возможно, именно потому, что это было на Ля-Диге. В любом ином месте эта встреча слилась бы с другими, затушеввалась, померкла в потоке лиц, сует, проблем...

На Ля-Диге действительно все очень спокойно и патриархально. Здесь все миниатюрно, конечно, кроме океана, который хоть и кажется ласковым, но остается мощной стихией: тут и там на берегу стоят таблички на нескольких языках: «Осторожно! Сильное течение!»

Здесь дороги похожи на аллеи в парке. Все дома — маленькие. Поэтому вывеска на одном из одноэтажных строений — «Mellon's Building» — не могла не заставить меня улыбнуться.

Особенно когда перед ним свою тележку с быком остановил возница, она заслонила половину «билдинга»...

На Ля-Диге осталось больше всего старых креольских домов, которые не просто часть плантаций, это часть местной культуры. Некогда под высокими крышами из пальмовых листьев, которые теперь все чаще заменяет рифленое железо, с открытыми верандами и деревянными ставнями-жалюзи, они на старый французский манер зовутся «шато». Здесь, как я увидел, все еще по старинке выжимают кокосовое масло, а у местных обитателей можно попробовать калу — исчезнувшую уже почти всюду брагу, что готовят из забродившего сока кокосовой пальмы...

В общем, Ля-Диг — квинтэссенция того, что ожидают увидеть на Сейшелах приезжие!

Мне же на острове почему-то запомнилось еще старое кладбище: берег моря, песок, пальмы и — надгробия первых колонистов с полустертыми от времени французскими именами. Покосившиеся стелы с крестами, могильные плиты с паутиной засохших лиан. Похоже, за кладбищем никто не следит. Наверное, потомков у господина Бушера, родившегося на Маврикии в начале позапрошлого века, Аглаи Андервуд-Камиль, почившей в начале века прошлого, и других, покоящихся на Ля-Диге, не осталось. Хотя кто знает...

Зато от них остались здешние шато, кокосовые плантации. Да и весь остров, каким мы видим его сегодня, остался почти таким же, как и при них. Только вот едва ли они могли предположить, что спустя сто лет эти берега будут привлекать тысячи людей из Европы, которую они сами или их родители покинули навсегда. Нашли ли они здесь то, что искали?

В таких красивых местах трудно думать о смерти. Поэтому туристы не тревожат их покой.

А покой этот господин Бушера и госпожа Андервуд-Камиль обрели на Ля-Диге еще до смерти...

Энциклопедист
с Альберт-стрит

На углу Альберт-стрит и Маркет-стрит под вывеской «Jivan Imports» разместился магазин тканей и недорогих сувениров, занимающий первый из трех этажей старого голубого дома под высокой красной крышей из рифленого железа.

Но я шел туда не за покупками. Когда-то, вероятно, один из лучших магазинов города и всей страны, а до 1959 года, когда на Сейшелах открылся первый банк, и контора по обмену валюты, сегодня он едва ли представит интерес для избалованного супермаркетами европейца как место шопинга. И тем не менее это одно из самых любопытных мест в сейшельской столице.

Я шел на встречу с его владельцем. Точнее, не шел, а ехал — с побережья Бо-Валлон, через горы, на машине — буквально считанные минуты... Но как назло был канун главного сейшельского праздника, Дня Независимости, что-то в городе репетировали, и я попал в... пробку... Ну не пробку, конечно, просто вереница машин спускалась с гор в город с черепашьей скоростью... Я опаздывал... И нервничал...

Мне так о многом хотелось поговорить на встрече...

Владелец магазина, 87-летний индеец-джайн Кантилал Дживан Шах, личность более чем примечательная. На Сейшелах его знает каждый, и все его зовут кратко — Канти.

Я слышал о Канти от многих, прочел о нем все, что мог, — еще до поездки на Сейшелы, ну и на островах то и дело слышал о нем. В интернете он фигурирует как «самый известный сейшелец в мире»!

Морис Лусто-Лалан, когда мы с ним только встретились в Москве, настоятельно рекомендовал познакомиться с Канти.

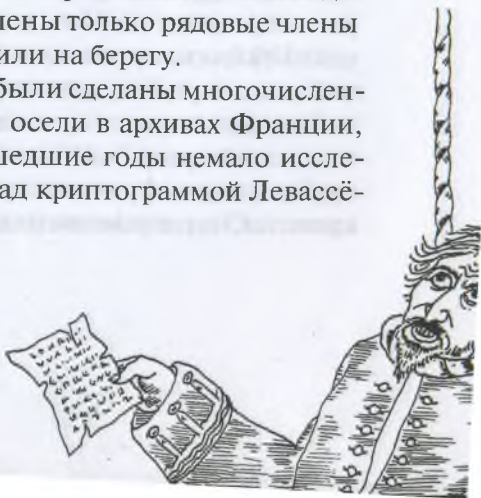
и все менее выгодным. Королевской милостью французские пираты были «прощены», и многие ушли от своих разбойных дел, остепенились и спокойно вернулись на родину.

Но Левассёра не устраивала такая судьба. Он то спокойно жил на Сент-Мари, то пускался в плавания по Индийскому океану в поисках добычи и приключений и как минимум однажды посетил Сейшелы, где скрывался в заливе на северо-западе Маэ от погони.

В 1728 году на какое-то время Левассёр стал лоцманом в заливе Антонжиль на Мадагаскаре, однако это не мешало ему продолжать свои разбойные вылазки. В начале 1730 года во время очередного плавания в поисках добычи неподалеку от Форт-Дофина на Мадагаскаре он вступил в бой с французским судном «Медуза», которым командовал капитан Лермит. После кровавого сражения пиратское судно было захвачено, и Левассёра в кандалах доставили на Реюньон. Слушание в Адмиралтейском суде было не более чем формальностью, и 17 июля 1730 года Левассёра повесили.

Согласно легенде, Левассёр, когда ему на шею накидывали петлю, вытащил лист бумаги и со словами «Ищите мои сокровища, кто сможет!» бросил в толпу. Поступок этот был вполне в характере пирата, однако неизвестно, была ли это шутка и издевка над будущими кладоискателями, или же Левассёр задал им подлинную головоломку. Правда, некоторые историки утверждают, что Левассёр был повешен на корабельной рее, а значит, толпы зевак вокруг него просто быть не могло. Но наиболее ярые сторонники этой легенды уверяют, что на реях были повешены только рядовые члены команды, а самого Сарыча казнили на берегу.

Как бы то ни было, с записки были сделаны многочисленные копии, и некоторые из них осели в архивах Франции, Маврикия и Реюньона. За прошедшие годы немало исследователей ломали себе головы над криптограммой Левассёра. Но все безрезультатно.

— Вам с ним будет интересно поговорить. Он знает о Сейшелах все, — говорил мне Морис. — Он и Ги Лионне — два самых лучших специалиста по сейшельской истории. Вам бы с Ги Лионне стоило бы тоже увидеться, но боюсь, он уже совсем стар и редко принимает гостей. Кстати, помню, они очень дружили, была такая троица — мой отец, Ги Лионне и Канти... Ну а с Канти вам обязательно надо пообщаться...

Такая рекомендация не могла оставить меня равнодушным. Пусть я недавно узнал имя Кантилал Дживан Шах и не знаю его книг — если они вообще есть, — но работы Лионне я-то штудировал в свое время, и раз они двое стоят рядом, на равных, то это о чем-то говорит...

Да, Канти — не просто торговец. Он — знаток всего и вся и сам — живая достопримечательность города и страны.

У него потрясающая коллекция местных ракушек и старинных монет, наверное, лучшая на островах библиотека. Он нарисовал первые марки для независимых Сейшел. Он встречался с матерью Терезой и Иоанном Павлом II. Вместе с Омаром Шарифом он участвовал в съемках фильма о Сейшелах, а для английской королевы Елизаветы II приготовил дар, преподнесенный от имени тогда еще британской колонии Сейшельские острова — ларец с коллекцией местных ракушек. Он делал фотографии для первых сейшельских почтовых открыток — он, кстати, пользуется ими по сей день: у меня лежит одна такая с его письмом, еще черно-белая, какие, по-моему, перестали делать еще в 1950-е годы...

Канти уже предупрежден о моем визите и, увидев меня, поднимается из-за своего письменного стола в углу магазина и идет мне навстречу. Он маленький, улыбчивый и выглядит гораздо моложе своих лет.

Словно угадав мои мысли, он говорит:

— Несколько лет назад я болел, лежал в больнице, там мне вставляли катетер и прочую дрянь... Я после этого стал хуже выглядеть. А до этого был — как будто мне тридцать пять.

Мне столько хочется у него спросить, уточнить, услышать его мнение, да и просто его рассказ о себе. И он действительно обо всем знает, ни один вопрос не ставит его в замешательство. Стоит мне затронуть какую-то тему, он начинает говорить, начинает рыться в стопках книг, бумаг и газетных вырезок на столе или идет куда-то, в заднюю комнату, роется там, приносит мне книгу, журнал, очередную пожелтевшую от времени вырезку.

Канти — поистине энциклопедист.

Он говорит быстро, постоянно шутит, держится с достоинством, но старается быть услужливым и внимательным — предлагает сесть поудобнее, просит одну из своих продавщиц принести мне холодный сок. Поэтому кажется немного суетливым — как многие пожилые люди.

Мне вспоминается фильм «Поездка в Индию» по роману Эдварда Форстера — такой же подчеркнуто любезный, мягкий и суетливый индеец доктор Азиз.

Канти говорит, что дело на Сейшедах основал еще его отец, переселившийся из Кача на северо-западе Индии в 1893 году. Он хранит веру своих предков-джайнов, от них — философия, склонность к мистике, знание колдовства и вегетарианство.

Он показывает мне все новые вырезки, свои статьи, интервью в разных изданиях, фотографии — вот он с Омаром Шарифом, с другими мировыми знаменитостями. Но это не самореклама: «продавая себя, он продает Сейшелы» — вспомнил я слова из какой-то заметки о Канти. И действительно, мало кто еще сделал столько, чтобы открыть миру эти далекие от всех острова — сначала британскую колонию, потом — независимую республику.

Он читал лекции в США, Дании, Австралии, выступал перед туристами и отдыхающими в местных отелях. Он является членом Национального географического общества США, Королевского географического общества Великобритании, имеет награду от Королевской академии наук

Норвегии, а в 1990 году получил премию Global 500 Roll of Honor, учрежденную в рамках Программы ООН по защите окружающей среды.

Я слушаю его и поражаюсь: он работал с американским социологом Бертоном Бенедиктом и австралийским журналистом Атолом Томасом, помогал им в работе над книгами, которые я много лет назад с восторгом изучал в московских библиотеках, когда и ведать не ведал, что попаду на Сейшель!

Он увлекается всем и с запалом молодого человека говорит на любые темы, проявляя при этом действительно потрясающие знания о предмете.

Он выписывает книги со всего света и собрал едва ли не лучшую библиотеку на островах.

Правда, сокрушается, что, когда было цунами, вода попортила много его книг. Кстати, мало кто знает, но ужасающее цунами в конце 2004 года докатилось и до Сейшельских островов!

Была у него еще и — тоже, уверен, лучшая на островах — коллекция оружия, но тут он, рассказывая, уже не просто сокрушается, а делается саркастичным:

— Эти идиоты реквизировали ее у меня, когда была попытка переворота!

У Канти отличная память — он легко называет имена, даты, места, страны... А круг его интересов просто поражает.

Рассказывая о своей коллекции монет, он говорит, что у него есть золотой крюгерранд.

И тут же вспоминает, как занимался поисками сокровищ президента Крюгера.

Тут, видимо, стоит пояснить. Многие считают, что золотой запас Трансвааля президент этой бурской республики, прежде чем покинуть страну во время Англо-бурской войны, припрятал где-то среди южноафриканского вельда. «Клад Крюгера», в том числе и в виде золотых монет-крюгеррандов, числится среди важнейших загадок Южной Африки.

— Ко мне приезжали кладоискатели из ЮАР, спрашивали, где искать. Многие полагают, что Крюгер закопал сокровища в Луанга-Хиллс. Но я уверен, Крюгер все золото Трансвааля просто вложил в западные банки, — говорит Канти.

— А откуда у вас эта монета? — не смог я удержаться, чтобы не спросить.

— У меня глаза голубые — все идет ко мне в руки, — последовал лукавый ответ.

Наверное, это какая-то поговорка или примета, потому что, как мне кажется, глаза у Канти не голубые. Но, похоже, это не имеет значения, к нему действительно в руки попадают удивительные вещи!

Мне он, например, поведал, что в местных архивах нашел письмо английскому губернатору от... царя Николая II с благодарностью за быструю погрузку угля в гавани Виктории на корабли балтийской эскадры, шедшей во время русско-японской войны вокруг Африки на Дальний Восток. Всем известно о стоянке тогда нашей эскадры на Мадагаскаре, а заход ее на Сейшелы — совсем новый, неизвестный эпизод.

И, видимо, помня, что я из России, сказал, что, когда делал дарственный ларец для английской королевы к ее визиту, вдохновлялся работами Карла Фаберже! Боже мой, думал ли когда-то я, что работы нашего выдающегося мастера буду обсуждать на крошечных островах посреди Индийского океана!

Я спрашиваю Канти: где он всему научился, откуда получил свои познания?

— Я самоучка, учился только по книгам. Просто мне все интересно, — отвечает он. А потом показывает старую фотографию молодой индианки: — А ты знаешь, откуда все это у меня? Все из-за этой женщины.

Они поженились, когда Канти было тридцать четыре, а его невесте двадцать четыре года.

— До встречи с ней у меня не было никого, что для Сейшел — невероятно, — говорит он.

Они отправились в свадебное путешествие в северную Индию — все начиналось прекрасно и счастливо. Но счастье продолжалось всего четырнадцать месяцев — жена погибла. Их сыну тогда было всего четыре месяца.

Я слушаю Канти и вижу, что он по-прежнему любит ее. И гордится своим сыном Нирмалом.

Тот стал блестящим ученым, занимается охраной природы и экологией. Вместе с отцом они готовят и издают учебники и книги о природе для местных школ. Канти продает их по минимальной цене — чтобы каждый мог себе позволить их приобрести, а выручка идет на охрану сейшельской природы. Во многом благодаря Канти и его сыну теперь при каждой местной школе есть клубы дикой природы, а детей обучают, как вести безопасную для экологии жизнь на Сейшелах. Даже стены магазина Канти украшают плакаты на креольском языке, призывающие к защите исчезающих видов птиц.

Но мало кто знает, что этот маленький старый индеец тридцать пять лет назад купил целый остров Кузен, который теперь превращен в прекрасный заповедник по охране пернатых...

При этом у него в офисе нет компьютера, и, соответственно, он не пользуется электронной почтой, он называет себя старомодным человеком. Допотопный ксерокс — единственное, что я увидел у него из «современной» оргтехники.

Он снова говорит о своей жене. А я снова вспоминаю доктора Азиза из «Поездки в Индию»: тот был моложе, гораздо моложе Канти, но тоже вдовец...

Кантилал Дживан Шах приветлив, улыбчив, но особенно любит общество молоденьких девушек и девочек, которые поддаются под его обаяние и доброту.

И действительно: альбом, в котором он просит написать что-то и меня, полон именами девушек и девочек. Попадаете мне на глаза запись и от каких-то Елены и Ксении Давиденко: «Дорогой Канти...»

Этот пожилой джайн, которого у меня как-то язык не поворачивается назвать стариком, играет еще и в какую-то игру, добрую, безобидную и со стороны непонятную.

— Я бы вполне мог быть Казановой или саудовским шейхом с гаремом, — смеется Канти, признаваясь, что жена у него была единственной женщиной в жизни...

Мне пора уходить. На пороге магазина уже в который раз появляется мой водитель — он ничего не говорит, не делает никаких жестов, но я понимаю, что мы уже опаздываем.

Я поднимаюсь.

— Жаль, что так мало времени... В следующий раз приезжай на дольше и приходи домой. Я тебя так накормлю! У меня лучшая кухня на островах! — говорит Канти.

Да, жаль, но надо спешить... И все-таки, прежде чем попрощаться с Канти, протягиваю ему ладонь — я знаю, что еще он умеет гадать по руке.

Он внимательно рассматривает мою руку, а я спрашиваю:

— Я когда-нибудь окажусь здесь снова?

— Да, ты вернешься, это я говорю!

Мне очень хочется верить в его предсказанье...

Герои местной истории

Знаете, кто едва ли не главные герои в ряду исторических персонажей на Сейшелах? Морские разбойники!

Гостиница в самом центре сейшельской столицы Виктории носит название «Пиратский герб», одна из бухт на юге Маэ зовется Анс-Форбан — Пиратский залив. Имя знаменитого морского разбойника Оливье Левассёра, известного под прозвищем Ля-Бюз, можно увидеть и услышать на Маэ чуть ли не повсюду, а его большой — в рост — портрет с описанием совершенных подвигов украшает, как я уже рассказывал, один из самых популярных ресторанов Виктории

«Мария-Антуанетта». Целый зал небольшого местного исторического музея целиком посвящен пиратам...

Конечно, «пиратская тематика» со всей ее романтической атрибутикой весьма обильно эксплуатируется на многих морских курортах. Особенно на тропических островах, где «замечены» хоть какие-то признаки «пиратского прошлого».

Но с Сейшелами все-таки немного по-другому. Здесь «пиратское прошлое» — не домыслы и легенды, а реальность. Пираты в истории страны «наследили» основательно, и если учесть, что она весьма коротка, их место в ней действительно оказывается внушительным и... вполне оправданным.

Как мы помним, первое постоянное поселение на этих островах появилось лишь во второй половине XVIII века. Но это совсем не означает, что на протяжении двух с половиной столетий с момента открытия европейцами архипелага на его землю не ступала нога человека. И этим человеком чаще всего был именно морской разбойник.

А с середины XVII века пираты вообще облюбовали острова, в многочисленных удобных и укромных гаванях которых они могли прятаться от погони, пополнить запасы воды, кренговать и ремонтировать потрепанные в бурях и сражениях суда и... припрятывать награбленное.

Короче, они были практически полновластными хозяевами Сейшел. Так что немудрено, что сегодня морские разбойники стали неотъемлемой частью местного фольклора.

Пиратство в западной части Индийского океана имеет давнюю историю. Еще в 1508 году пират по имени Мондрагон захватил португальское торговое судно у побережья Мозамбика. Но период расцвета морского разбойного промысла был впереди.

В XVII—XVIII веках западная часть Индийского океана превратилась наравне с Вест-Индией в центр пиратства. Крупнейшими покровителями легализованного пиратства были Франция и Англия — причем этим занимались не только правительства, но и отдельные лица и группы купцов.

Так что охота за кораблями сделалась вполне организованным бизнесом. Остров Сент-Мари у берегов Мадагаскара, ставший главным пиратским гнездом, в конце XVII — начале XVIII века посещался тысячами морских разбойников.

Однако если подвиги пиратов Карибского моря и Атлантики описаны не одним автором и нашли свое воплощение в кинематографе, то европейским пиратам Индийского океана с «паблисити» повезло куда меньше. Рассказывая о них, историки и писатели ограничивались лишь «джентльменами удачи» Мадагаскара, а точнее, острова Сент-Мари, привлеченные легендарным ореолом созданной там пиратской «республики» Либерталии. Она была действительно весьма приметным и даже выдающимся феноменом, вполне заслуживающим яркого воплощения в литературе и кино. Правда, историки до сих пор не сошлись во мнении — была ли Либерталия действительно республикой-вольницей, оправдывающей свое название, или же это была жестокая и хорошо организованная, как бы сейчас выразились, «преступная группировка», или... вообще плод воображения тогдашних европейских авторов, своеобразная «утопия» или, если хотите, «антиутопия», каких в XVII веке рождалось множество.

Но, как бы то ни было, даже некоторые европейские правители того времени вынашивали планы «сношения» с пиратской «республикой» с целью взятия ее под свою протекцию, а вместе с этим — и обеспечения контроля над морскими торговыми путями вокруг Африки и богатым островом Мадагаскар. Такая идея, например, была у шведского Карла XII и даже у заклятого врага последнего — нашего Петра I.

То, что этим планам не суждено было сбыться, никак не опровергает того, что, какой бы Либерталия ни была, это пиратское «содружество» — назовем это так — с центром в Сент-Мари у берегов Мадагаскара считалось в Европе мощной и влиятельной силой.

Похоже, это прибавляло уверенности, наглости и ощущения безнаказанности и самим пиратам, действовавшим в западной части Индийского океана. Причем базировавшимся не только на Мадагаскаре.

Но когда пираты начинали уж слишком досажать европейскому судоходству, военные флотилии изгоняли их из излюбленных мест. Так случилось на Мадагаскаре.

Однако в западной части Индийского океана было немало и других спокойных и безопасных для пиратов островов. И дольше всего и активнее они использовали как свою базу именно Сейшелы. Этот архипелаг, по существу, был последним настоящим «пиратским раем» на земле.

Изолированность, отсутствие населения, множество удобных бухт, здоровый климат, наличие источников пресной воды, изобилие пищи и древесины для починки судов — все это, естественно, привлекало на Сейшельские острова морских разбойников.

Во времена Великой французской революции и Наполеоновских войн с архипелага против английских кораблей — уже легально — действовали французские корсары, плававшие под каперскими свидетельствами, выданными властями Маврикия, — разрешением грабить суда, принадлежащие «врагам государства». По условиям такого контракта, пират должен был отдавать часть добычи своему правительству или покровительствовавшим ему местным властям. Корсары на Сейшелах чувствовали себя в большей безопасности, чем на Маврикии, так как этот архипелаг в меньшей степени подвергся морской блокаде со стороны английского военно-морского флота. Гавань Порт-Руаяль, как тогда называлась Виктория, в эпоху господства на Сейшелах французов служила корсарам отличным прибежищем.

Ну а раз пираты грабили суда, то в их руки попадали немалые ценности.

Конечно, точных цифр, которыми бы можно было определить количество награбленных пиратами Индийского

океана сокровищ, нет ни у одного ученого. Но вполне можно предположить, что оно было не многим меньше того, что прошло через руки морских разбойников Карибского моря. А раз так, то, значит, у преданий о зарытых пиратами кладах на Маврикии, Сейшелах, Коморах и других островах у восточного побережья Африки — вполне реальная почва.

И пусть подвиги сейшельских морских разбойников не удостоились такой киноэпопеи, как «Пираты Карибского моря», зато именно на Сейшелах снимался знаменитый фильм Романа Полански «Пираты» — одна из первых лент современной эпохи на эту тему.

Если морские разбойники — главные герои местной истории, то клады и пиратские тайники — главная тема местных преданий и легенд.

Такие названия, как Анс-Форбан на Маэ и Кот-д'Ор (Золотой берег) на северо-востоке острова Прален, дали в середине XVIII века первые европейские колонисты, которые обнаружили там следы пребывания морских разбойников. «Нет такого островка или бухточки, с которыми бы не были связаны свои легенды», — замечает сейшельский историк Ги Лионне.

Особенно богат был подобными находками, а следовательно, и преданиями остров Фрегат.

Следы пребывания там пиратов искал еще в 1838 году член Общества естественной истории острова Маврикий Элизе Льенар. Ему показывали вырытую незадолго до его приезда яму, из которой извлекли огромный сундук с посудой разных стран, голландские пики, ножи, боевые топоры, сабли и некоторое количество испанских пиастров — правда, все почти полностью заржавевшее. Льенар на Фрегате также видел засыпанные землей и заросшие лианами остатки укреплений, построенных пиратами; среди прочего там были найдены португеза для сабли и золотая эполета. Метрах в восьмистах от берега можно было увидеть остов большого корабля, лежащего в воде. А на скале, обращенной к зали-

ву, местные колонисты нашли какие-то таинственные изображения, которые приняли за зашифрованные надписи.

От колонистов Льенар также услышал об обнаруженных еще в конце XVIII века развалинах жилищ и некоем подобии наблюдательного поста в виде деревянной платформы с мачтой. Неподалеку нашли три могилы, а на них рукоятки шпаг, отделанные кожей.

Льенар сделал вывод, что пираты жили на Фрегате несколько лет и наверняка, опасаясь, что их застигнут с ценностями в море, закопали часть своих сокровищ на острове.

«Но все же, немного позже оказавшись в руках правосудия, они получили полагающееся им по заслугам наказание за свои преступления — все, кроме одного, помилованного по причине его еще совсем юного возраста. От него-то и узнали о кладах: умирая, он передал одному из своих друзей записку, содержащую указания и описания места, где были спрятаны сокровища, — пишет Льенар. И добавляет: — Я видел эту записку и, прочтя ее, не сомневался в ее подлинности».

Тем не менее поиски в указанном месте ничего не дали, хотя на берегу и находили испанские пиастры и крузады.

После Второй мировой войны проверкой некоторых из подобных легенд на мелких островках и атоллах западной части Индийского океана занялись водолазы. На свет явились интересные подводные фотографии затонувших галеонов, средневековых якорей и пушек с расширяющимися стволами, облепленных кораллами. Но, как считает южноафриканский журналист Лоуренс Грин, если какие-то сокровища там и были, они уже все извлечены на поверхность, а нашедшие их просто хорошо умеют держать язык за зубами.

Южноафриканский писатель и историк, знаток Сейшельских островов Джулиан Мокфорд в 1940-е годы немало времени потратил на проверку легенд о кладах, зарытых на архипелаге. Ему показали золотые кольца, найденные неподалеку от Виктории, а также несколько причудливых

старинных монет, обнаруженных в песке. Он говорил, что жители острова с глубокой убежденностью толкуют о дублонах и драгоценностях. Но они полагают, что счастливики, нашедшие клад, никогда не распространяются об этом и продают свои находки осторожно и не спеша с помощью надежных моряков с индийских и арабских шхун.

На Маэ до сих пор ходят слухи, что состояния как минимум двух местных семейств появились благодаря находке кувшинов, наполненных золотыми монетами. Но находок, которые бы стали достоянием гласности, очень мало.

Известно, например, что в 1911 году была официально зафиксирована находка клада на острове Астов — 107 серебряных монет, нескольких вилок и ложек, двух пряжек от башмаков и боцманского свистка.

Другой остров — Силуэт — тоже сохраняет стойкую репутацию острова сокровищ. Один старый африканец, бывший раб, дожил до двадцатых годов прошлого века. Он утверждал, будто знает, где зарыт тайник на Силуэте. Однако это был упрямый и своенравный старик. После первой неудачной попытки договориться он отказался вести кого-либо к заветному месту. Правда, одному богатому землевладельцу удалось все же уговорить бывшего раба. Они обогнули на лодке неприступную скалистую часть острова и уже собирались высадиться на берег, как вдруг африканец заметил, что за ними следят. Он испугался, вернулся к лодке и с тех пор не верил уже никому.

На Сейшельских островах и сегодня множество людей не только верит в существование пиратских кладов, но и хотя бы время от времени занимается их поисками.

На острове Муайен, что лежит к востоку от Виктории у внешнего рейда в двадцати минутах хода на лодке, по местным преданиям, покоится клад стоимостью 30 миллионов фунтов стерлингов. Почему его никто так и не выкопал, если о нем всем известно? Клад заколдован, считают местные жители.

Виной ли тому это колдовство — неизвестно, но с 1915 года по начало 1970-х остров был необитаемым. А сорок лет назад его за 8 тысяч фунтов стерлингов приобрел уроженец Йоркшира Брендан Гримшоу, издатель и газетчик, работавший до этого в Найроби. Тогда же, по его инициативе, остров был превращен в заповедник, ставший частью Морского национального парка Сент-Анн, а затем самостоятельным национальным парком — кстати, самым маленьким в мире!

Гримшоу — единственный постоянный обитатель острова, если не считать сотни гигантских черепах, — тоже верит в легенду о 30 миллионах. Он дважды проводил довольно крупные поиски и даже обнаружил какие-то ямы. Но — увы — ни золота, ни других сокровищ не нашел...

Остров-заповедник открыт для посетителей: за двенадцать евро каждый может полюбоваться здешней нетронутой природой, пофотографироваться среди огромных земноводных, пообедать в ресторане, носящем имя, естественно, «Веселый Роджер», ну и послушать рассказы пожилого англичанина о пиратах и поисках клада.

Кстати, помимо прочего, Гримшоу обнаружил на Муайене две могилы, которые, как он полагает, относятся к пиратским временам. Считалось, что пираты на месте, где прятали сокровища, убивали рабов, чтобы их души оберегали клад.

Возможно, это и есть то самое колдовство, которое не позволяет обнаружить зарытые в песок драгоценности?

Но, говорят, на Муайене если и появляется, то совсем другое привидение — призрак некой Мэри Бэст, эксцентричной англичанки, которая переселилась на остров в 1910 году и прожила там несколько лет, после чего он вновь стал необитаемым более чем на полвека.

Связано ли это как-то с духами рабов и пиратским проклятием — не знаю. Но Гримшоу, похоже, чувствует себя на Муайене вполне уютно.

Я сам тоже пытался найти реальные свидетельства и факты, подтверждающие скопившиеся за много лет легенды, предания и рассказы о пиратах и их сокровищах.

В историческом музее в Виктории в качестве крупнейшего клада, обнаруженного на островах, представлены найденные в 1900 году в местечке Барбарон на Маэ медные слитки, золотые цепочки, столовое серебро, французский фарфор и медные монеты, относящиеся примерно к 1700 году. Конечно, это не очень впечатляет: все-таки медные слитки и даже французский фарфор — не совсем то, за чем гоняются кладоискатели. Правда, в горах на Маэ, в местечке, известном под названием Миссия, показывают яму, где уже в наше время был найден богатый клад.

О кладах и пиратах я говорил и с Глинном Берриджем. У него сразу загорелись глаза, когда мы только коснулись этой темы. О зарытых на островах сокровищах и их поисках он написал несколько статей и даже большой рассказ, вошедший в книгу «Голоса».

Либертalia же, которую он считает хорошо законспирированным и жестоким преступным синдикатом, вообще, похоже, плотно овладела его воображением. Недавно Глинн выпустил роман «Колония», посвященный осколку этого пиратского синдиката, будто бы просуществовавшему до наших дней. Жуткая и кровавая, полная мистики и тайн история, с прологом из позапрошлого века, разворачивается на тех пустынных атоллах, где Глинн провел два десятка лет полуробинзоном...

Ненайденный клад как национальное наследие

Самой живучей легендой о пиратах на Сейшелах остаются несметные сокровища французского морского разбойника Оливье Левассёра. В начале XVIII века, когда остро-

ва еще были необитаемыми, он не раз заходил на архипелаг и, считают, именно там припрятал награбленные ценности. Честно говоря, я и сам поверил в эту легенду. На Сейшелах трудно оставаться скептиком, когда дело касается преданий о кладах. Пираты здесь реальные исторические фигуры. Как, впрочем, и кладоискатели.

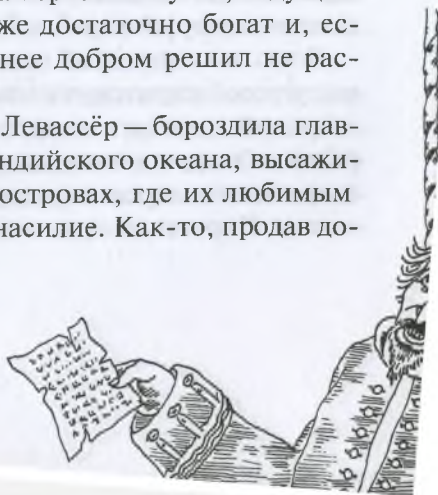
Судьба одного охотника за зарытыми сокровищами поистине необычна. Это долгая история, которая продолжается и сегодня. Но у нее есть весьма любопытный пролог — его действие разворачивалось почти три столетия тому назад...

В двадцатые годы XVIII века, когда морских разбойников потеснили с Маврикия и Коморских островов, в районе Сейшел действовали три крупнейших, если судить по количеству награбленной добычи, пирата: ирландец капитан Эдвард Ингленд, бывший лейтенант британского флота Джон Тейлор и уже упомянутый француз Оливье Левассёр, больше известный как Ля-Бюз — Сарыч (сарыч — хищная птица из семейства ястребиных). Им было чем поживиться на оживленных торговых путях, ведущих вокруг мыса Доброй Надежды к Восточной Африке, Индии и Индонезии.

Оливье Левассёр был последним из знаменитых пиратов Индийского океана.

Говорят, Левассёр получил корабль в 1715 году от французского правительства, чтобы грабить — в пользу родной казны — испанские суда в Атлантике. За какие-то проступки он был лишен этого права, но не подчинился предписанию и отправился на поиски счастья в Индийский океан. К моменту своего появления на торговых путях, ведущих в Индию и обратно, он был уже достаточно богат и, естественно, с награбленным ранее добром решил не расставаться.

Троица — Ингленд, Тейлор и Левассёр — бороздила главным образом западную часть Индийского океана, высаживаясь иногда на Лаккадивских островах, где их любимым развлечением были убийства и насилие. Как-то, продав до-

бычу, награбленную у голландцев в Кочине в Индии, они отправились в сторону Мадагаскара.

13 апреля 1721 года Тейлор на корабле «Виктори» и Левассёр на «Кассандре» у города Сен-Дени на Реюньоне наткнулись на крупнейшую в истории пиратства добычу. Это было португальское судно «Вьерж дю Кап», сильно поврежденное штормом. Большинство его пушек пришлось сбросить за борт, чтобы удержать судно на плаву, так что захватить «Вьерж дю Кап» пиратам не составило труда.

К своему восторгу они обнаружили, что корабль представлял собой плавучую сокровищницу. Там были золотые и серебряные слитки, сундуки с золотыми монетами и жемчугом, бочонки с алмазами, шелка, произведения искусства. На борту находились португальский вице-король Индии граф ди Эрисейра и архиепископ Гоа, среди сокровищ которого был, например, потрясающий двухметровый крест из чистого золота, инкрустированный алмазами, изумрудами и рубинами, известный как «сияющий крест Гоа».

Добыча была поделена между Левассёром и Тейлором, когда они вернулись на Сент-Мари. О количестве захваченных тогда богатств свидетельствует такой факт, что члены команд двух кораблей получили по 5 тысяч золотых гиней и по 42 алмаза. Левассёру же пришлось по душе слитки и священная утварь архиепископа. Их не так легко было сбыть с рук, как, допустим, монеты или драгоценные камни, но они были значительно ценнее. Португальцы лишились не только драгоценностей, но и самого судна: пираты отремонтировали его, и оно, переименованное в «Виктори», заменило старый корабль Тейлора.

Поскольку торговый путь в Индию постоянно находился под угрозой пиратских нападений, а Англия и Франция все острее соперничали из-за господства над этой океанской дорогой, обе крупнейшие в те годы морские державы усилили свое военно-морское присутствие в бассейне Индийского океана. Пиратский промысел становился все более опасным

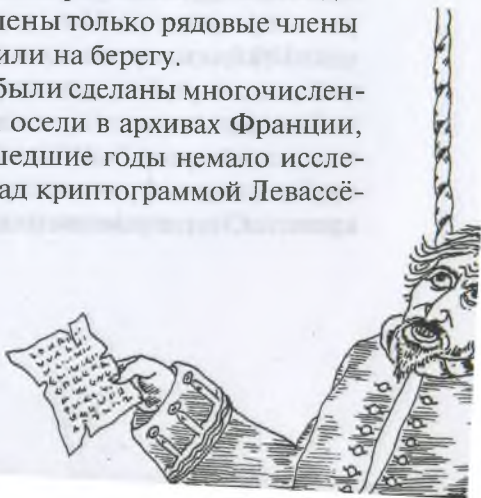
и все менее выгодным. Королевской милостью французские пираты были «прощены», и многие ушли от своих разбойных дел, остепенились и спокойно вернулись на родину.

Но Левассёра не устраивала такая судьба. Он то спокойно жил на Сент-Мари, то пускался в плавания по Индийскому океану в поисках добычи и приключений и как минимум однажды посетил Сейшелы, где скрывался в заливе на северо-западе Маэ от погони.

В 1728 году на какое-то время Левассёр стал лоцманом в заливе Антонжиль на Мадагаскаре, однако это не мешало ему продолжать свои разбойные вылазки. В начале 1730 года во время очередного плавания в поисках добычи неподалеку от Форт-Дофина на Мадагаскаре он вступил в бой с французским судном «Медуза», которым командовал капитан Лермит. После кровавого сражения пиратское судно было захвачено, и Левассёра в кандалах доставили на Реюньон. Слушание в Адмиралтейском суде было не более чем формальностью, и 17 июля 1730 года Левассёра повесили.

Согласно легенде, Левассёр, когда ему на шею накидывали петлю, вытащил лист бумаги и со словами «Ищите мои сокровища, кто сможет!» бросил в толпу. Поступок этот был вполне в характере пирата, однако неизвестно, была ли это шутка и издевка над будущими кладоискателями, или же Левассёр задал им подлинную головоломку. Правда, некоторые историки утверждают, что Левассёр был повешен на корабельной рее, а значит, толпы зевак вокруг него просто быть не могло. Но наиболее ярые сторонники этой легенды уверяют, что на реях были повешены только рядовые члены команды, а самого Сарыча казнили на берегу.

Как бы то ни было, с записки были сделаны многочисленные копии, и некоторые из них осели в архивах Франции, Маврикия и Реюньона. За прошедшие годы немало исследователей ломали себе головы над криптограммой Левассёра. Но все безрезультатно.

Криптограмма представляет собой семнадцать строчек значков, напоминающих буквы греческого и ивритского алфавита, — расшифровать их, а тем более найти там конкретные указания на место, где зарыт клад, никто не смог, и о Левассёре и его сокровищах понемногу стали забывать.

Интерес к пиратским сокровищам возродился в наше время. И многие сходятся во мнении, что если где и искать клад Ля-Бюз, так это на Сейшелах, а точнее — на острове Маэ. А на самих Сейшелах никто даже не сомневается в том, что именно здесь пират припрятал свои сокровища. Известно, что он порой на долгое время исчезал из поля зрения, скрываясь скорее всего как раз на Сейшелах. И главное: в португальских архивах была найдена карта острова, своими очертаниями очень напоминающего Маэ, на северной оконечности которого имелась надпись — «Владелец земли Ля-Бюз».

Южноафриканский писатель Томас Ёалпин считает, что «награбленное Левассёром было одной из самых больших добыч в истории пиратства». И действительно: сокровища, вполне возможно, покоящиеся где-то под песком одного из сейшельских пляжей, это совсем не обязательно лишь добыча с «Верж дю Кап».

Существует, например, легенда, что зарытые Ля-Бюзом богатства — это приданое прекрасной арабской принцессы, которая плыла на корабле на Занзибар, чтобы выйти замуж за красавца-принца. На ее корабль напал Левассёр, погубил всю команду, а саму принцессу продал в рабство. Затем пират отправился на Маэ, где и спрятал сокровища, а чтобы место тайника оставалось в секрете, застрелил, когда работа была завершена, всех соучастников.

Сколько могут стоить сокровища Левассёра? Лишь один «сияющий крест Гоа» на «Сотбис» заочно оценили во многие миллионы фунтов стерлингов. А раз за триста лет этот крест так нигде и не «всплыл» (продать столь крупную и до-

рогую вещь незаметно невозможно), то все убеждены, что награбленное Ля-Бюзом добро по-прежнему покоится где-то в песке.

Общую стоимость сокровищ Ля-Бюза специалисты оценивают в сумму от 50 до 150 миллионов британских фунтов.

Клад Ля-Бюза искали многие. Но первой в удачу поверила некая мадам Сави, которая владела участком земли в районе Бель-Омбр — как раз в том месте, которое было очень похоже на место, обозначенное на португальской карте как «земля Ля-Бюза».

В 1923 году после сильного шторма, обнажившего несколько гранитных глыб, она на одной из них обнаружила непонятные значки. Как раз тогда — так уж совпало — один из ее родственников работал в архивах Маврикия и наткнулся на криптограмму и другие бумаги, имевшие отношение к Ля-Бюзу, и она знала о сокровищах.

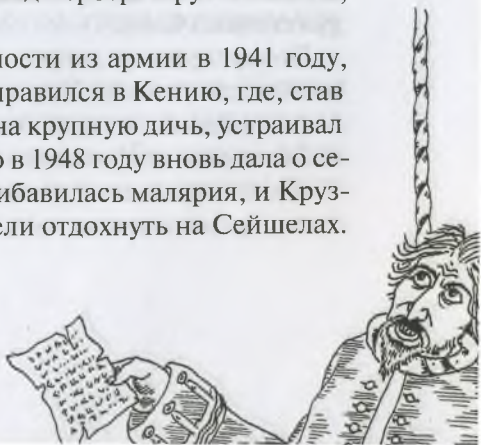
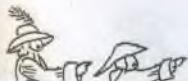
Сави решила, что скорее всего принадлежащая ей часть пляжа Бель-Омбр и есть то место, где Ля-Бюз закопал свои сокровища.

Начав раскопки под камнем, она обнаружила скелет с золотой серьгой, судя по всему, морского разбойника, и полностью уверилась, что находится на верном пути. Но дальнейшие поиски ничего не дали...

Тем бы, может быть, все и закончилось, если бы на сцену, а точнее, на песок Бель-Омбра не вышел еще один человек, который волей случая стал ключевой фигурой в истории поисков сокровищ Ля-Бюза.

Это был англичанин Реджинальд Херберт Круз-Уилкинс, личность весьма колоритная.

Комиссованный по инвалидности из армии в 1941 году, бывший английский офицер отправился в Кению, где, став профессиональным охотником на крупную дичь, устраивал сафари для богатых туристов. Но в 1948 году вновь дала о себе знать старая рана, к этому прибавилась малярия, и Круз-Уилкинс отправился на три недели отдохнуть на Сейшелах.

А когда оказалось, что корабля, который бы смог доставить его обратно в Момбасу в Кении, не будет еще три месяца, он перебрался из гостиницы «Пиратский герб» в Виктории в бунгало на берегу Бо-Валлон около Бель-Омбр. Там он встретил норвежского китобоя, двадцать лет возившего с собой криптограмму и поломавшего над ней голову уже не одну сотню часов. Так, по воле случая, отставной английский офицер оказался вовлеченным в поиски сокровищ на архипелаге. Круз-Уилкинс снял копию с криптограммы. Название сейшельской гостиницы, в которой он провел первые три недели, теперь показалось ему недвусмысленным предзнаменованием.

Норвежец познакомил его и с мадам Сави. Та, в свою очередь, показала англичанину еще восемь документов, которые были скопированы в маврикийских архивах, и сообщила, что сокровища в Бель-Омбр ищут уже более двадцати лет. К тому времени она уже была стара и, видимо, разуверилась в успехе поисков, потому что продала Круз-Уилкинсу все документы, связанные с Левассёром. Впрочем, запрошенные ею 400 рупий были по тем временам очень внушительной суммой.

Приобретенные Круз-Уилкинсом документы включали карты, письма и другие бумаги, на одной из которых были также изображены какие-то таинственные знаки.

Знакомый с криптографией по армии Круз-Уилкинс принял за расшифровку записки Ля-Бюза и смог разгадать несколько фраз; к тому же он понял, что все это как-то соотносится с загадочными изображениями на скалах, обнаруженными Сави.

Почерпнутое он сопоставил с планом местности и... с картой звездного неба. Все вместе, по его мнению, складывалось во вполне четкую схему, построенную на астрологии и... античной мифологии.

«С самого начала изучение документов убедило меня, что схема, указывающая путь к сокровищам, была основана

на сюжетах древнегреческой мифологии и расположении звезд», — утверждал отставной английский офицер.

Он решил вложить в поиски клада все имевшиеся у него на тот момент деньги — двести фунтов. Но их было явно недостаточно. Англичанин в 1949 году отправляется в Найроби и создает там синдикат по поиску сокровищ французского пирата.

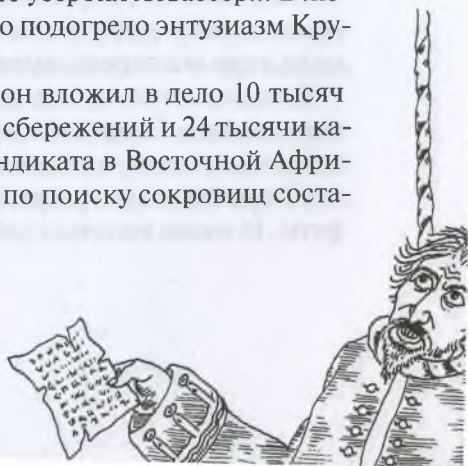
Те таинственные знаки, которые удалось расшифровать, указывали на конкретное место. Там нанятые рабочие и начали раскопки. Через восемь часов работы они откопали грубо вырубленную в скале лестницу, о которой упоминалось в одном из документов. На стенах лестницы были высечены какие-то изображения, но вход в пещеру, куда она вела, оказался завален.

Левассёр — если все это действительно было делом его рук — надежно защитил свой клад: сокровища охраняла большая скала и вода одновременно — они были спрятаны ниже уровня моря. Как заметил австралийский журналист Атол Томас, «Оливье Левассёр спрятал свой клад настолько хитро, что его нельзя найти, просто ковыряя ногой гальку на берегу».

Круз-Уилкинс, однако, не успокоился. Он стал искать иной вход в пещеру и, казалось, нашел — благодаря все той же античной мифологии. Но когда он подобрался к трем камням, символизирующим, по его предположению, золотые яблоки Гесперид, огромная скала начала сползать вниз и едва не раздавила его.

Либо это было совпадением и громада скал осела по естественной причине, либо так все устроил Левассёр... В любом случае произошедшее только подогрело энтузиазм Круза-Уилкинса.

В последующие двадцать лет он вложил в дело 10 тысяч фунтов стерлингов собственных сбережений и 24 тысячи капитала, собранного у членов синдиката в Восточной Африке. К 1972 году стоимость работ по поиску сокровищ составила 35–40 тысяч фунтов.

Сегодня Бель-Омбр выглядит так, будто там велись масштабные строительные работы. Берег был изрыт траншеями и туннелями ниже уровня моря, а вокруг них возведены бетонные стены, чтобы защитить от волн оборудование для откачки воды.

Круз-Уилкинсу пришлось переместить 700 тонн скального грунта с гранитного уступа, чтобы обнаружить важные, как он считал, для его дальнейших поисков «указания».

Все находки Круз-Уилкинса трактовал с точки зрения античной мифологии: лезвие шпаги — это сабля Персея, палки, торчащие вертикально из пола пещеры, — это копья, растущие из зубов дракона, которые зарыл в землю Ясон, монета времен Левассёра, обнаруженная рядом с подземным ручьем, — это плата Харону за то, что он переправлял мертвых через Стикс.

В конце концов англичанин раскопал в песке сложенную из камней женскую фигуру, названную им Андромедой, — в криптограмме Ля-Бюза будто бы говорилось о «женщине, стоящей в воде».

Был также найден скелет быка, который якобы символизировал еще один подвиг Ясона, а затем — каменные ядра и кости лошади, выложенные в форме ключа...

Более «обычные» находки включали кремневый пистолет и кувшин для вина XVII века. На берегу кладоискатели обнаружили пушку, часть спускового устройства мушкета и монету времен английского короля Карла I, правившего во второй четверти XVII века.

Постепенно, от ориентира к ориентиру, территория поисков с пляжа распространилась на поросший лесом склон горы, и там находки... закончились.

Кладоискатель зашел в тупик. Но замешательство длилось недолго. Вдруг он понял, что указанные в бумагах расстояния измерял в современных британских футах, тогда как Левассёр, конечно же, имел в виду старые французские футы. И вновь закипела работа.

Круз-Уилкинс не сомневался, что стоит на верном пути, он даже вычислил, исходя из ему одному ведомых данных, что сокровища лежат в трех сундуках, каждый размером три на семь футов... Вот если бы еще совсем немного денег! Но желающих вкладывать средства в его предприятие находить было все сложнее. И находки Реджинальда Херберта Круз-Уилкинса ограничились списком перечисленных артефактов — возможно, и любопытных, но не имеющих особой цены. Сам же он обрел славу «самого знаменитого неудачливого кладоискателя нашего времени».

А около места его грандиозных раскопок открылся весьма популярный ныне ресторан «Le Corsair» — «Корсар».

В 1977 году, так и не доведя начатое до конца, Круз-Уилкинс умер, но семейное дело по сей день продолжает его сын Джон. Он преподает историю в местной школе, а поисками и раскопками занимается в свободное время и... при наличии средств. Живет он в доме, который от места раскопок отделяет лишь прибрежная дорога.

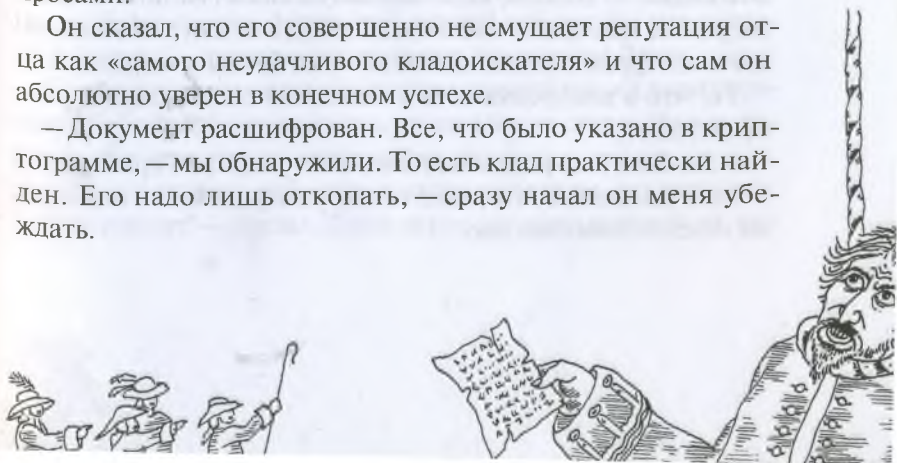
Я специально приезжал к нему в Бель-Омбр, чтобы услышать о раскопках.

Мне хотелось взглянуть на находки Круз-Уилкинсов и понять: чем же они так держали отца и продолжают держать сына, что здесь реальные факты, а что — домыслы кладоискателей? И действительно ли присутствует убежденность, а не простое упрямство, нежелание признать свои теории ошибочными, а себя — обыкновенными неудачниками?

Джон не был удивлен ни моим визитом, ни моими вопросами.

Он сказал, что его совершенно не смущает репутация отца как «самого неудачливого кладоискателя» и что сам он абсолютно уверен в конечном успехе.

— Документ расшифрован. Все, что было указано в криптограмме, — мы обнаружили. То есть клад практически найден. Его надо лишь откопать, — сразу начал он меня убеждать.

К тому же, добавил Джон, они с отцом нашли и новые ключи к поиску клада — как в архивах, так и на месте.

— Какие?

Он мне показал какие-то камни с изображением треугольников. Честно говоря, эти фигуры едва различались, и непонятно было: выбиты они рукой человека или это затейливая игра природы.

То же самое можно сказать и о каменной «черепашке», вернее, оставшейся от нее части. Она, объяснил Джон, указывала на эти треугольники.

Упомянул он и про другой ориентир — те самые кости лошади, сложенные в виде ключа, и рассказал, как пираты использовали карту звездного неба, отражая на земле созвездия...

Звучало загадочно, таинственно, романтично... Но как-то не очень убеждало.

— Часть этих находок сделал отец, часть — я, — комментировал Джон странные артефакты.

— А не очень ли все это заумно — астрология, греческая мифология — для морского разбойника начала восемнадцатого века? — спросил я Джона.

Мой вопрос его совершенно не смутил.

— Напрасно вы думаете, что люди тогда были тупыми и малокультурными, — возразил Джон. — На самом деле все нет. Левассёр был прекрасно образованным человеком, вообще французы уже тогда были интеллектуалами... А к тому же он был масоном, ему были близки все эти символы. Это видно по знакам, высеченным на скале. Кстати, и криптограмма написана масонским шифром или так называемым «шифром свиных загонов» — все буквы в «оградках».

То, что в шифровке есть и немецкие слова, Джона тоже не смущает:

— Ля-Бюз был родом из Кале, а это рядом с Германией...

Мое удивление, что, мол, не так уж и рядом, его опять-таки не слишком смутило:

— Все равно рядом... Да и вообще в то время образованные люди знали греческий и латынь, немецкий и французский — поэтому такие знаки и оставили.

У Джона, похоже, на все имелся готовый ответ. Все мои сомнения и попытки возразить он отверг с ходу...

Мы пошли от его дома к каменной глыбе на берегу, благо это совсем рядом. На глыбе выбиты три каких-то знака.

Они действительно странные — и, похоже, искусственно-го происхождения.

По поводу каждого из них у Джона нашлось объяснение: например, круг он трактовал как соляренный знак или знак золота!

Он показал и место недалеко от берега, где была найдена под песком «Андромеда» — «женщина в воде» из шифровки Ля-Бюза.

— И где же она? — спросил я.

— Она была сложена из огромных камней, но ее разобрали...

Я не мог не задать Джону давно мучивший меня вопрос: зачем все это нужно было так хитроумно, тщательно и — главное — глубоко прятать, что даже сегодня, с современной техникой, до сокровищ не добраться.

Оказалось, что на этот счет у Джона есть версия: Ля-Бюз сделал все очень просто — так делали пираты на Маврикии — отвел запрудой речку, закопал все на ее дне, а потом пустил воду в прежнее русло. И все!

И действительно, рядом с местом, где вот уже почти шестьдесят лет идут раскопки, в океан впадает бегущий с гор ручей.

— Всю эту работу выполняли рабы. Их потом убивали. На глубине сорока футов под скалой мы нашли человеческие кости... — продолжил выдавать аргументы Джон.

Слова его звучали впечатляюще: просто так на двенадцатиметровой глубине хоронить никого бы не стали. Но все-таки и это никак прямо не указывает на клад...

— Мы пытались работать с миноискателем, но здесь же всюду гранит! — сказал Джон и тут же пожаловался на не-

возможность приобрести высокочувствительный металлоискатель, способный «отделить» настоящие залежи металла от фона, который дает любая скальная порода, а заодно и на нехватку средств.

В течение пяти лет, сообщил Джон, которому на момент нашего разговора было 53 года, ему помогали спонсоры, но сейчас с деньгами стало хуже.

— Я веду раскопки только по выходным, в свободное время. У нас есть инвесторы из Германии, и мы с братом вкладываем свои деньги... Но полностью отдаться поискам не позволяет мне отсутствие средств. Кроме того, каждые два года надо продлевать лицензию на производство работ. Пятьдесят тысяч рупий — залог, на случай если будет нанесен вред экологии. Да и сама стоимость работ! Она выросла со времени начала поисков на несколько порядков! В девятьсот сороковые годы в месяц рабочим платили семнадцать рупий, в семидесятые — триста рупий. А теперь — сто двадцать пять рупий в день!

Джон рассказал, что интерес к его поискам существует во всем мире. Солидная «Дейли телеграф» писала о раскопках в 1970-е годы.

— Понимаете, это работа для профессиональных ученых. Ведь тут настоящий археологический памятник! Раскопками интересовался один очень известный ученый, кажется, Лайл Уотсон. Он был археологом или что-то вроде того...

Признаюсь, это имя я тогда услышал впервые. Но потом, наведя справки, понял, что Джон, видимо, имел в виду южноафриканского писателя и ученого, действительно достаточно известного. Этот Лайл Уотсон бывал на Сейшелах, но был он ботаником, биологом и антропологом...

— Кстати, в конце девятьсот шестидесятых сюда приезжали ученые и из вашей страны, хотели участвовать в поисках, — вспомнил вдруг Джон.

Я только пожал плечами... Трудно в это поверить. Если в то время и оказывались советские люди на Сейшелах — тогда

еще британской колонии, то, может, какие-то моряки, океанографы, вроде профессора Преображенского, — хотя и это было гораздо позже и в совсем другую эпоху... Ну, может, бойцы невидимого фронта — под видом журналистов. Но никак не историки и археологи, тем более ищущие пиратский клад! Пусть и ценой во многие миллионы «инвалютных рублей»!

Будто проследив ход моих мыслей, Джон сказал:

— Половина найденных сокровищ достанется правительству страны — мы ведь ведем раскопки на государственной земле. Все остальное — мне и партнерам-инвесторам.

Когда мы возвратились к дому, он показал мне некоторые из других находок — например, каменные ядра, медную пуговицу...

Признаюсь: кроме таинственных знаков на прибрежной глыбе, все остальные находки Джона и его отца меня не очень впечатлили. Правда, самые ценные из них, например, обломок сабли, как объяснил Джон, находятся в собраниях спонсоров поисков — в Америке, на Кипре и в Андорре.

Но одна вещица меня действительно заинтересовала. Это был кусок серебра, который я принял за бесформенный самородок.

— Нет, — сказал Джон, положив серебро на ладонь, — это овечка.

Действительно, похоже! Тут же Джон заявил, что это еще один знак, оставленный Левассёром, — овечка символизирует золотое руно все того же Ясона...

Мне такая связь не показалась столь уж очевидной, да и без подсказки Джона в бесформенном блестящем кусочке я сам едва ли распознал бы животное...

Но пусть это и никакая не овечка и тем более не символ подвигов Ясона — очередная тайная метка Ля-Бюза, — в любом случае возникает вопрос, откуда этот кусок благородного металла взялся под несколькими футами песка на пляже острова, где никогда не было месторождений серебра? Если не считать, конечно, вымышленной серебряной шахты на Сент-Анн...

Как бы то ни было, Джон уже стал живой достопримечательностью Сейшел, а пляж Бель-Омбр, перекопанный старшим и младшим Круз-Уилкинсами, теперь объявлен памятником национального наследия, который так и называется «Сокровища Ля-Бюза»!

Об этом свидетельствует установленная на одном из валунов на берегу специальная табличка...

После встречи с Джоном Круз-Уилкинсом я еще раз приехал в Бель-Омбр и просто бродил по песку у линии прибоя. Лично я тоже не сомневаюсь, что где-то на Сейшелах, глубоко под белым коралловым песком пляжа, между гранитных глыб покоится клад пирата. Но в принципе это уже не важно: клад Ля-Бюза — это как лохнесское чудовище в Шотландии. Доказывать или опровергать его существование нет нужды. Он существует — может быть, даже и не существуя в материальном воплощении, — собственной жизнью.

Старый дом, старые загадки

Не менее любопытна судьба еще одного из сейшельских морских разбойников.

Судьба совершенно другая. В ней все как-то более реально и осязаемо. Но и с ней связаны свои тайны.

Я сижу на веранде усадьбы «Шато-Мамель» на склоне горы на окраине Виктории и беседую с ее нынешним владельцем Рене Мишелем. Застекленные двери открыты нараспашку, занавески слегка колышутся — не то от легкого ветерка, не то от вентиляторов. Первый этаж кажется одной большой залой, лишь символически разгороженной на гостиную, столовую, кухню и, возможно, кабинет — на старом письменном столе вижу ворох бумаг и портрет красавицы-жены хозяина — англичанки, дизайнера по профессии. Сам Рене — из старой французской плантаторской семьи, пере-

бравшейся на Сейшелы с Маврикия еще во второй половине позапрошлого столетия.

Он показывает на стену:

— Прямо не знаю, что делать. Термиты. Все деревянные части дома уже подъедены. Пол пришлось заменить — теперь он бетонный. У меня есть средства поддерживать дом, а вот многие другие старые дома на Сейшелах приходят в упадок.

Конечно же, мы говорим о его доме. Рене живет в нем уже более полувека, а вообще-то зданию двести лет — его соорудили в 1806 году. Это, вероятно, самая старая из сохранившихся на Сейшелах построек и самый первый дом на островах, построенный профессиональным архитектором. А заказчиком строительства и первым владельцем «Шато-Мамель» был Жан-Франсуа Одуль, уроженец южной Франции и один из самых знаменитых корсаров Индийского океана на рубеже XVIII и XIX столетий.

Он появился в Индийском океане в 1789 году, первоначально обосновавшись на Маврикии, и, как и многие другие французские моряки, занялся перевозками грузов и рабов между Мадагаскаром и Восточной Африкой и владениями Франции на островах Индийского океана. Там он влюбился в юную маврикийку Оливетту Жорр де Сен-Жорр и в честь нее назвал свое судно «Оливетта», которое, однако, было захвачено англичанами в гавани Маэ незадолго до их свадьбы.

Это случилось 16 мая 1794 года, когда четыре британских корабля под командованием капитана Генри Ньюкама вошли в Порт-Руаяль, как тогда называлась Виктория. Именно тогда состоялась «первая капитуляция Сейшел». Англичане никаких репрессивных действий по отношению к местным жителям не предприняли, но бриг «Оливетта», по несчастью находившийся тогда в бухте, забрали в качестве трофея. Это событие будто бы подтолкнуло Одуля заняться корсарским промыслом.

Правда, некоторые считают, что Одуль занялся пиратством еще до этого, и, таким образом, англичане реквизи-

ровали его судно за дело, а сам Одуль лишь чудом избежал законного наказания...

Как бы то ни было, лишившись «Оливетты», Одуль послужил некоторое время под командованием других капитанов-корсаров, а в 1797 году сам стал капитаном прибывшего из Франции судна «Аполлон».

Одуль был одним из самых удачливых французских морских разбойников — только с 14 мая по 10 ноября 1797 года он захватил семь английских кораблей с грузом жемчуга, золотых монет и других сокровищ. Общая сумма награбленного составила 703 с половиной миллиона франков!

Сумма может показаться огромной и даже фантастической, но это не плод досужих фантазий — она приводится в книге по морской истории Маврикия!

Его «Аполлон» был грозой всех иностранных судов на огромном пространстве от берегов Африки до Явы. Одуль избороздил всю западную часть Индийского океана, и немало мест в том районе носит его имя. Даже на пустынном атолле Альдобра существует мыс Одуль-Пойнт.

Одуль был кем-то вроде морского Робина Гуда. Рассказывают, что он однажды захватил британское торговое судно, на котором был припрятан груз золота. Но когда капитан предоставил Одулю благодарственное письмо от французов, которых тот как-то спас, корсар сказал своей команде, что на добро они должны ответить добром, и отпустил англичан с миром...

Однако в 1800 году удача отвернулась от него — по ошибке он атаковал британский фрегат, вооруженный лучше, чем его собственное судно, был пленен и отправлен в тюрьму в Калькутте. Но спустя два года, после заключения Амьенского мирного договора, его освободили, и он вернулся на Маэ. Там он строит «Шато-Мамель», потом некоторое время живет на острове Силуэт, а вернувшись на Маэ, обзаводится еще одним поместьем — «Ма-Констанс».

На лежащем в гавани Виктории островке, носящем и сегодня его имя, Одуль построил несколько кораблей и возил на них грузы между Сейшелами и Маврикием. Кроме того, он стал удачливым плантатором и задумывал развернуть на широкую ногу рыбную ловлю на Альдабре. Между делом он занимался и работорговлей.

После того как ему надоел разбойный промысел в тропических морях, он показался сейшельским колонистам достаточно уважаемой и уважаемой фигурой, чтобы избрать его мировым судьей.

В 1829 году Одуль принимал у себя и развлекал бывшего английского морского офицера Джеймса Холмэна, который затем в своей книге «Путешествие вокруг света» описывает Одуля как «одного из самых старых, самых богатых и одного из самых уважаемых жителей» Сейшел.

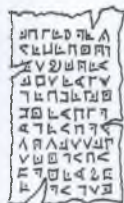
В служении Фемиде Одуль провел остаток своих лет и почил в судейском звании. Такую судьбу трудно было предсказать, когда в пик своей корсарской карьеры на «Аполлоне» он терроризировал английские суда.

На старом кладбище Виктории «Бель-Эр» среди семейных склепов первых сейшельских колонистов я нашел могилу французского корсара. На могильном камне изображен корабль, а надпись гласит:

Здесь лежит Жан-Франсуа Одуль,
бывший капитан корсаров.
Родился 15 июня 1765 года.
Умер 10 января 1835 года.

И приписано: «Он был справедлив».

Говорят, что часть своих сокровищ Одуль унес с собой в могилу, задолго до смерти спрятав в будущее погребение драгоценности. Но островитяне ни за какие сокровища не желают тревожить кости старого пирата. В этом они непоколебимы.

Так уж получилось, что построенная Одулем усадьба стоит совсем рядом с кладбищем, где он покоится. «Шато-Мамель» тоже хранит свои тайны. Ходят упорные слухи, что от поместья Одуль прокопал к своему излюбленному островку в бухте, где стоял его быстроходный корабль, подземный ход.

Рене Мишель говорит мне:

— Я не раз специально спускался в погреб и искал следы подземного хода. Возможно, там был какой-то лаз, но он завален. Правда, помню, мальчишкой нашел в подземелье старинную серьгу — она принадлежала либо кому-то из рабов, либо — пирату... Так что кто знает? Вот моя мать уверяла, что в этом доме живет привидение...

Чье привидение? Старого пирата, который покоится неподалеку?

От Одуля и построенного им дома мы с Рене перешли к вещам менее романтическим, но не менее для меня интересным. Мне же любопытно было узнать, чем занимается человек, который живет в доме знаменитого пирата.

Предки Рене Мишеля были, судя по всему, людьми небедными. Его отец занимался выращиванием корицы и владел крупнейшей на Сейшелах фабрикой по производству коричневого масла. То есть был одним из местных магнатов, которые составляли сейшельскую элиту до провозглашения независимости. Сам Рене занимается теперь другим, наверное, более прибыльным в современных условиях бизнесом — недвижимостью, производство пластиковых емкостей, что-то еще...

Я отошел от веранды, чтобы сфотографировать «Шато-Мамель». Лужайку перед домом поливал чернокожий креол, видимо, садовник.

— Если он вам мешает, прогоните его, — сказал Рене, сопровождая свои слова красноречивым взмахом руки — такой обычно означает: «Пошел вон!»

Когда наш разговор снова возвратился к Одулю, Рене спросил, был ли я уже на кладбище «Бель-Эр», и начал со-

крушаться — в какое оно пришло запустение во времена правления социалистов...

Мне показалось, этот человек в джинсах и рубашке с короткими рукавами — современный, улыбочивый и демократичный — где-то в глубине души остался верен своим предкам французским плантаторам...

У Одуля на островах осталось немало потомков, и они тоже составляют местную знать.

Один из них был еще недавно главой национального офиса по туризму, а теперь, как и его дальний предок, занимает должность судьи!

Ну а как же богатства, награбленные Одулем?

Историки к легендам о его сокровищах относятся скептически. Жена корсара пережила его на одиннадцать лет. У него было двенадцать детей. Со дня, когда он оставил свой промысел и вернулся на Сейшелы, до его смерти прошло тридцать два года. Неужели за это время он не мог раскопать клад или, в конце концов, завещать его жене или многочисленным детям?

Если вспомнить, что Одуль со своей большой семьей жил на широкую ногу, то скорее всего именно на это и ушли его богатства.

Но вера в то, что он закопал свой клад где-то на Маэ или Силуэте, по-прежнему жива.

«Northolme»:

не «только для ваших глаз»

Работа над новым сюжетом в 1958 году шла у Яна Флеминга тяжело. А потом он оказался на Сейшелах...

Отель «Northolme» («Нортхолм»), один из старейших на этих экзотических островах и полностью перестроенный пять лет назад, был местом, где Флеминг писал одну из своих самых известных книг о Джеймсе Бонде.

«М. сказала Бонду, что направляет его на Сейшелы. “У адмиралтейства проблемы с новой военно-морской базой на Мальдивах. Коммунисты пробираются с Цейлона. Забастовки, саботаж — обычная картина. Нельзя допустить, чтобы они проникли и на Сейшелы. Просто поезжайте и разберитесь — М. выглянула в окно, за которым хлестал холодный мартовский дождь. — И смотрите не перегрейтесь на солнце!”»

Писавший эти строки Ян Флеминг, создатель образа агента 007, тоже отправился на Сейшелы весной, чтобы улизнуть от сырой английской погоды. Он приехал на острова на отдых — за новыми приключениями, солнцем и, конечно, вдохновением для работы.

Это сегодня перелет на Сейшелы из Европы занимает десять часов. Тогда, в конце пятидесятых, единственной связью с внешним миром этих островов, тогда британской колонии, был пароход, заходивший на Сейшелы по пути из кенийского порта Момбаса в Бомбей. Так что это было настоящее путешествие. Туристов на островах тоже было совсем немного — их число измерялось несколькими сотнями в год. Следовательно, и гостиницы там можно было пересчитать по пальцам.

Ян Флеминг остановился в большом старом отеле «Northolme», построенном еще до Первой мировой войны на севере главного острова архипелага Маэ. Отель расположен на мысу неподалеку от одного из самых больших пляжей острова Бо-Валлон. От него открывается потрясающий вид на океан и лежащие вдалеке острова Силуэт и Норт.

Отель был построен немного эксцентричным отставным полковником, хобби которого была астрономия. Он оборудовал на чердаке комнату с раздвижными рамами, которые давали ему возможность наблюдать по ночам звезды на небе.

Вполне вероятно, что выбор в пользу этой гостиницы Флеминг сделал не случайно. В начале 1950-х годов в нем

останавливался уже упоминавшийся очеркист Алек Во, а еще раньше — литератор Комптон Маккензи. Любопытная деталь: последний, кстати, как и сам Ян Флеминг, одно время служил в британской разведке. Маккензи описал отель в своей книге «Охота на фей», и именно он рекомендовал гостиницу Алеку Во.

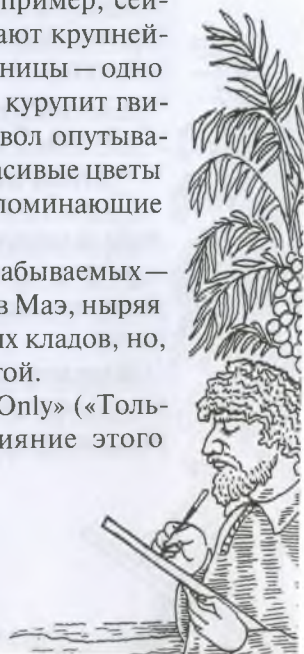
Во полюбил «Northholme»: ему очень нравилась его беспечная атмосфера, несмотря на то, что холодильник порой не работал, после 9.15 вечера не было электричества, а гости отеля и повара на кухне не могли пользоваться водой одновременно... В свою очередь, Алек Во описал гостиницу в книге о Сейшельских островах «Там, где часы бьют дважды».

Все эти небольшие неудобства не смутили Яна Флеминга. Они с лихвой компенсировались уединенностью и спокойствием этого места и потрясающим по красоте видом, который открывался вечером с террасы отеля, когда солнце пряталось за темнеющий на горизонте остров Силуэт. Там обычно и провожали уходящий день постояльцы отеля, сидя с бокалом холодного пива...

Несомненно, впечатление на Флеминга производили и деревья, растущие на территории отеля, например, сейшельская веерная пальма, на которой вызревают крупнейшие в мире плоды, и, конечно, гордость гостиницы — одно из двух на Сейшелах пушечных деревьев, или курупит гвианских. Вид его совершенно невероятный: ствол опутывают побеги, на которых развешены большие красивые цветы и плоды — огромные шары, действительно напоминающие пушечные ядра...

Флеминг провел на Сейшелах несколько незабываемых — приятных и полезных — недель, обследуя остров Маэ, ныряя с маской и даже занимаясь поисками пиратских кладов, но, конечно, прежде всего работая над новой книгой.

Когда спустя два года книга «For Your Eyes Only» («Только для ваших глаз») вышла из печати, влияние этого

путешествия было очевидно. Из пяти историй, вошедших в нее, действие одной — «The Hildebrand Rarity» («Уникум Хальдебранда») — целиком разворачивается на Сейшелах.

Джеймс Бонд не раскрыл в колонии чудовищного заговора, а обнаружил тихий спокойный мир. Поэтому он не столько занимается сбором информации, сколько исследует девственные рифы, которые еще не затронули экологические проблемы. Но потом колония просыпается с приходом яхты американского мультимиллионера Милтона Крэста, который жаждет заполучить диких животных, в том числе поймать самую редкую в мире рыбу, название которой и дало имя всей повести.

Бонд знакомится с миллионером, который предлагает ему поучаствовать в поисках и поимке этой диковинки. Во время плавания на яхте Бонд узнает, что Крэст отвратительный тип, который оскорбляет — словесно и физически — всех вокруг и особенно свою молодую, красивую, но несчастную жену Лиз. Агент 007 проникается отвращением к Крэсту и совершенно противоположным чувством к очаровательной Лиз.

Крэсту действительно удается поймать рыбину. Но как-то утром, после очередного издевательства над Лиз, его находят мертвым с уникальным ихтеологическим экспонатом, засунутым в горло. Блестящий агент, конечно, понимает, что в смерти мужа повинна Лиз. Но, чтобы скрыть следы убийства, благородный Бонд выбрасывает труп отвратительного американца за борт.

Самый известный в мире тайный агент, самая редкая рыба и самые красивые острова — подходящая и типичная комбинация для флеминговского триллера. Но чтобы она родилась, необходимо, конечно, было отправиться на Сейшелы.

Имя мультимиллионера, как это уже не раз бывало у Флеминга, скорее всего родилось не случайно. Флеминг вечером на веранде в «Northolme», видимо, любил пить не пи-

во, а свой любимый джин с тоником. Потому что название марки тоника «Крэст», завозимого тогда на Сейшелы из Восточной Африки, он и дал в качестве фамилии богатому американцу.

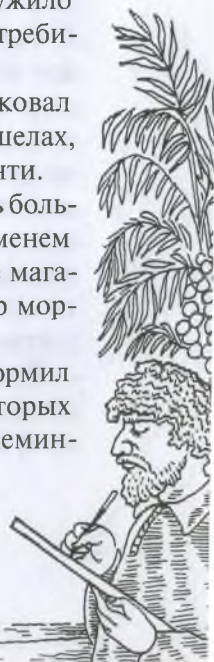
Флеминг неплохо познакомился с Сейшелами. Крэст рассуждает о редком черном попугае с острова Прален, о гигантских черепахах с Альдабры, которых тоже хочет получить для своей коллекции, подкупив губернатора колонии...

Вне всякого сомнения, лучше узнать Сейшельские острова Флемингу помог Кантилал Дживан Шах, с которым он познакомился вскоре после приезда. Флемингу он показывал свое ценнейшее собрание сейшельских ракушек, старинных монет, оружия, редких книг. От Канти Флеминг узнал и о пиратских кладах, которые зарыты на островах. Своими рассказами и фотографиями тех мест, где, возможно, покоятся сокровища, индеец так очаровал писателя, что он даже специально ездил посмотреть собственными глазами те укромные берега, где флибустьеры могли зарыть свою добычу. Вечерами в «Northholme» услышанное и увиденное днем преломлялось в воображении Флеминга и дополнялось его фантазией и в конце концов послужило фоном, на котором развернулись приключения неистребимого агента 007.

Кстати, вернувшись в Англию, Флеминг опубликовал в «Санди таймс» статью о пиратских кладах на Сейшелах, которая была проиллюстрирована фотографиями Канти.

Кантилал Дживан Шах произвел на Флеминга столь большое впечатление, что он вывел его в своей книге под именем Абендана, «приятного индийца», у которого в городе магазин, но который больше знаменит как коллекционер морских ракушек.

Канти приглашал писателя к себе домой на обед и кормил его вегетарианскими блюдами, в приготовлении которых ему нет равных на Сейшелах. Демонстрировал он Флемин-

гу и свои магические и гадательные способности, унаследованные от предков-джайнов.

«Ян Флеминг назвал меня величайшим знахарем Индийского океана», — вспоминает Канти.

По сюжету «The Hildebrand Rarity» Крэст за огромные деньги выкупает у Абендана коллекцию ракушек. Но на самом деле ничего похожего не было — коллекция Канти цела до сих пор, и к нему по-прежнему со всего мира приезжают натуралисты взглянуть на нее.

Более того, ракушки из его коллекции, как уже сообщалось, в качестве дара от колонии преподнесли Елизавете II, когда она в 1971 году была на Сейшелах.

Английская королева приезжала сюда для открытия современного аэропорта. Это событие кардинально изменило жизнь островов.

Если до этого счет туристов велся на сотни, то уже через несколько лет после открытия аэропорта — на десятки тысяч. И на Сейшелах один за одним стали открываться новые современные отели.

Старенький «Northolme» уже не соответствовал запросам времени. И вот несколько лет назад он, став частью сети отелей «Хилтон», явился в совершенно новом обличье. Роскошный пятизвездочный «Northolme Resort and Spa» — это сорок построенных из дерева вилл на поднимающемся от океана склоне. Четырнадцать из них стоят непосредственно на берегу, но из всех открывается потрясающий вид на океан. Все постройки буквально вписаны в причудливый ландшафт небольшого полуострова и утопают в роскошной зелени. Внизу — уютные бухточки с белым песком, словно специально созданные для купания, рядом вздымаются огромные гранитные валуны, небольшой ручей образует естественный водопад.

Виллы, стоящие довольно близко друг от друга, поставлены, а дорожки по территории отеля проложены так, что даже при полной загрузке отдыхающие могут увидеть сво-

их соседей лишь в ресторане, баре и других «общественных местах».

Природа здесь осталась такой же, как и была полвека назад, во времена визита Яна Флеминга. При строительстве ни один камень не был сдвинут с места, ручей не изменил своего русла, ни одно дерево не пострадало — пушечное дерево по-прежнему служит гордостью отеля, и каждый по дороге от своей виллы в ресторан или бар обязательно окинет его восторженным взглядом.

А пару лет назад, дабы напомнить о причудах первого владельца старого «Northolme», в одном из залов установили телескоп — чтобы постояльцы могли наблюдать за экваториальными созвездиями...

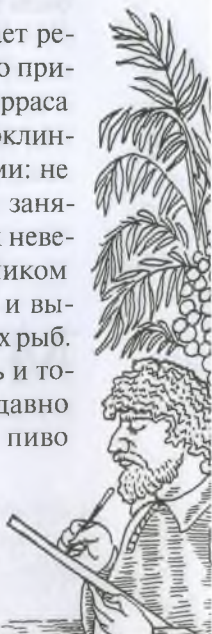
Номера с высокими потолками поражают роскошью — огромная кровать под пологом, ванная с гидромассажем, просторный балкон с креслами и лежаками, самая современная видеотехника...

Вечерами тишину нарушает лишь шелест пальмовых листьев да шум прибора.

Приезжающих гостей здесь встречают шампанским. Шампанское подается к завтраку и — без ограничения — во время предзакатной прогулки на яхте.

Самую возвышенную и крайнюю точку мыса венчает ресторан и — внизу — спа-павильон, где процедуры можно принимать с видом на океан. К воде выходит и открытая терраса бара. Окружающие мыс воды идеальное место для снорклинга — плавания с дыхательной трубкой, маской и ластами: не случайно Флеминг провел здесь немало часов за этим занятием. Вода прозрачная, дно усеяно кораллами, а самых невероятных рыбок и рыб здесь не счесть. Даже сидя за столиком в баре, можно видеть плавники на спинах дельфинов и выпрыгивающих перед ним в страхе из воды косяки летучих рыб.

Сейчас, правда, здесь подают уже не имбирный эль и тоник марки «Крэт», а появившееся сравнительно недавно сейшельское пиво «Seybrew», местного производства пиво

«Guinness» и «Еси», «колу», да и разные другие напитки — импортируемые из Европы и Дубая.

Вечером, перед роскошным креольским ужином, очень неплохо выпить местного рома «Такамака» — со льдом и соками экзотических фруктов. А закаты здесь, с видом на далекий остров Силуэт, все такие же эффектные и неповторимые.

В «Northolme Resort and Spa» помнят о своем Флеминге, который одним из первых прославил Сейшелы и их красоты на весь мир. А для поклонников его главного литературного героя есть и особая изюминка.

Одна из стоящих на берегу вилл-люксов не только носит имя Яна Флеминга, но и весь ее интерьер выполнен «в духе Джеймса Бонда». Там, например, стоит круглая двуспальная кровать, и поэтому номер предпочитают снимать новобрачные. Для полноты атмосферы — в номере вся подборка «бондианы» на DVD, а также собрание всех книг Флеминга об агенте 007.

Говорят, вилла никогда не пустует.

В написанной Флемингом в «Northolme» книге Бонд временами жаловался: «Температура была под тридцать в тени, влажность девяносто процентов, а в закрытой лагуне вода была теплая, как кровь». Но, несмотря на все это, Бонду удалось одержать верх над негодеем; завоевать сердце девушки и, конечно, развлечься плаваньем с маской, рыбалкой и прогулками под парусом. Отличная программа пребывания на Сейшелах! И приезжающим сюда сегодня вовсе не обязательно состоять на службе Ее Величества.

Художник из Анс-о-Пуль-Блё

Майкла Адамса, крупнейшего художника страны, сравнивают с Полем Гогеном и Анри Руссо, но все-таки его акварели и особенно шелкография не похожи ни на что...

Увидев его работы в путеводителе по Сейшелам еще в Москве, я решил обязательно с ним встретиться...

Адамс родился в 1937 году в Малайе в английской семье — его отец владел гевеевой плантацией, а мать была певицей, меццо-сопрано. Он учился в Англии, потом долго жил и преподавал в Восточной Африке, где и познакомился со своей женой Хитер. На Сейшелы они переехали в 1972 году и были покорены красотой местной природы и спокойствием, непоколебимостью здешней жизни.

Сегодня Майкл Адамс, давно уже ставший местной знаменитостью и удостоенный звания кавалера ордена Британской империи, который получил из рук принца Чарльза в Букингемском дворце, живет в Анс-о-Пуль-Блё на юго-западе Маэ — среди джунглей в старом доме с женой, сыном и дочерью, в окружении пяти собак, шестнадцати кошек, двух лошадей, нескольких десятков кур и уток и двух гигантских черепах...

...Мне открывает симпатичная девушка.

— Элисса? — спрашиваю я, невероятно каким образом выдернув из закоулков памяти имя дочери художника, которое мне попало накануне, когда я, готовясь к встрече, просматривал кое-какие материалы.

Она удивляется этому, по-моему, больше, чем я сам, и свое удивление еще и подчеркивает, скорчив рожицу.

Она говорит, что отец спустится через несколько минут, и ведет к входу в дом, у которого меня встречает жена художника Хитер.

Под ногами суетятся несколько собак.

— Это все приبلудные псы... Подбираем их... Они такие симпатичные! — говорит Хитер и предлагает пройтись по участку.

Здесь все заросло, похоже на сад немного запущенной дачи — художника ли, академика ли где-то у нас. Если бы не тропические растения...

На участке есть еще мастерские Майкла и Элиссы — она тоже художница. А сын Тристан — серфер.

Я, признаться, так и не понял — это профессия или хобби? Одним словом, дома он отсутствовал — был на океане.

Хитер срывает с ветки карамболу и протягивает ее мне. А сама берет шланг и начинает поливать двух гигантских черепях — подарок дочери и сына, — чтобы они лучше выглядели на фотографии.

Да, действительно, живности полно. Бегают цесарки, какие-то курочки, утки...

Хитер показывает на цыпленка с синим клювом:

— Это место называется Анс-о-Пуль-Блэ — Залив Синей Курочки... Вот и у нас есть такая...

Участок очень большой... Даже есть свой пруд с рыбами...

— Его любит рисовать Майкл: посмотрите, как в нем отражаются деревья! — говорит Хитер, которая, кстати, тоже художница...

Эта земля со старым домом принадлежала раньше семье французских плантаторов, которые выращивали кокосы и делали копру.

— Нам нравятся старые креольские дома.

Выкрашенный в белый цвет большой деревянный дом — с массой пристроек и пристроек, многоступенчатой острроверхой крышей, арочками, слуховыми окошками (или маленькими балкончиками?), жалюзи во всю стену, резными полотенцами, — могущий показаться в другом месте эклектичным, здесь выглядит очень уютным.

— Вначале мы поселились на Ля-Диге, — рассказывает Хитер. — Это потрясающее место! Когда мы туда впервые приехали, там не было ни одного автомобиля. Потом появились два, но они столкнулись, и снова Ля-Диг оказался без единой машины.

Мы заходим в дом.

Дом старый, уютный, весь завешан картинами. С картин и из окон смотрят яркие цвета тропиков, а ощущение такое, будто находишься в Англии.

В гостиной Элисса встречает с холодным, только что выжатым соком маракуйи.

— Спасибо!

— Аб-с-солютно не за что! — подчеркивая выбранную роль кривляки, отвечает она.

А вот и сам Майкл.

— Здесь круглый год солнце. В Европе на улице можно писать лишь месяц в году, в основном пишут в студии, — говорит этот крупный бородатый человек. — Здесь же идеальное место для работы. Я всегда начинаю писать снаружи. А уже потом продолжаю в мастерской. Ставлю музыку, включаю кондиционер, думаю. Но вдохновение всегда беру от природы.

В этом англичанине, родившемся в Малайе и проведенном детство в Танганьике, изначально соединились тропики и искусство.

— Бурная растительность и музыка имели для меня большое значение с самого детства. Я и сейчас люблю тех творцов, у кого в произведениях присутствует музыка, например Кандинского, Томаса Манна, — продолжает Майкл.

Прежде чем окончательно посвятить себя творчеству, он пять лет преподавал живопись в Уганде.

— Но, знаете, и в Африке природа уже не такая дикая. Люди разрушают ее, в огромных количествах древесину жгут на уголь... — говорит художник. — Но ведь человек может жить в природе, не разрушая ее... Конечно, можно находить красоту и без природы. Вот, например, Венеция — там отличные пропорции. Это вообще город исключительных пропорций. Но там совершенно нет деревьев. Мне нужна зелень, растительность. Мне вообще нужно окружение, которое приятно... А здесь, на Сейшелах, люди живут очень близко к природе, в том числе я сам.

Главные темы творчества Адамса — природа, джунгли, старые дома плантаторов под высокими крышами из пальмовых листьев и люди — обычные люди: на автобусной остановке, на улице Виктории, в крошечной деревушке. «Повседневная уличная жизнь», — как говорит сам Адамс. А краски у него только яркие — как все окружающее здесь.

Мы переходим из комнаты в комнату. Дом похож на галерею. Только помимо картин — еще масса симпатичных безделушек, видимо, дорогих для хозяев.

Две излюбленные техники Адамса — акварель и шелкография.

Портретов мало, но, признается Майкл, в последнее время он все больше любит рисовать и людей — люди в очередях, какие-то детали их облика.

Он сначала делает карандашный рисунок, а потом уже берется за акварель.

Майкл показывает портрет бывшего наемника, который, отойдя от дел, поселился на Сейшелах и держал здесь ресторан:

— Посмотрите на него. В нем как бы два совершенно разных человека. Поэтому вы видите: одна половина лица «хорошая», другая «плохая»...

Еще Майкл любит рисовать, как он сам это определяет, «официальных людей в неофициальном виде».

Но все-таки большинство его работ — джунгли, природа, обычные люди...

Свои работы он снабжает пространными комментариями, напоминающими белый стих, — в них, скорее, ощущение от запечатленного момента, нежели просто информация о сюжете. И почти все его работы — завораживают...

В дом опять заглядывает Элисса — чтобы попрощаться — и опять корчит мне рожицу.

— Едет к своему жениху, кататься верхом, — объясняет Хитер.

Я смотрю на работы Майкла и думаю: да, действительно что-то напоминает Гогена, Анри Руссо, но, главное, они совершенно тропические, креольские по духу! Сравнения Адамса с Гогеном, которые я встречал не раз, диктовались и неким сходством биографий художников: европеец уезжает на далекие экзотические острова...

Все это так, но чем больше я находился в гостях у Адамсов, тем больше меня поражало другое: сочетание в этом доме, в этой семье сейшельского и английского. Типичные британцы до мозга костей, сохраняющие во всем свою британскость, прекрасно чувствуют, любят здешнюю, сейшельскую жизнь, в ней великолепно ориентируются и ощущают себя, более того — в работах Майкла видно, как он проникает в глубины местного менталитета...

У Адамсов двойное подданство — британское и сейшельское.

— Художники хотят быть людьми мира, без национальности, — улыбается Майкл.

Помимо картин Адамс выполняет и большие заказы, например, гостиниц — местных, кенийских, турецких...

Он сумел так почувствовать и передать в своих работах дух Сейшельских островов, что именно его пригласили создавать костюмы для бортпроводников авиакомпании «Эйр Сейшелс».

Майкл показывает мне образцы ткани:

— Я настаивал, чтобы они сделали блузки из жоржета, а они взяли шелк! Это же так не практично, стирать его нельзя, а на островах нет химчистки!

Прощаясь, я спрашиваю Майкла Адамса о его планах, надеждах, взглядах в будущее — словом, о том, о чем всегда спрашивают художников.

— Я мечтаю рисовать всю жизнь, — отвечает он. — Хокусаи как-то сказал, что, если он будет жить до ста лет, будет все так же рисовать природу. Я тоже буду учиться рисовать природу всю свою жизнь.

По пути домой, все десять часов лета от Маэ до Парижа, о встрече с Адамсом мне напоминали костюмы стюардесс. Я будто еще на какое-то время задержался в его доме.

Я вспоминал работы Адамса и чувствовал, что и реальный, и живописный мир Сейшельских островов заворожил меня и не хочет отпускать.

Ссылка в мечту

Два столетия владевшие Сейшелами сначала Франция, потом Англия пытались найти выгодное и удачное «применение» доставшимся им островам.

Французы создали там плантации пряностей. Англичанам этого казалось мало — но создать крупное плантационное хозяйство мешал гористый ландшафт островов и их небольшие размеры. Генерал Гордон обследовал архипелаг на предмет создания там военно-морской базы, но посчитал его не подходящим для этой цели.

И почти все исследователи истории Сейшел сходятся во мнении, что главным сдерживающим фактором в развитии островов была их удаленность и изолированность от мировых центров.

С другой стороны, именно благодаря этому архипелаг сохранил свою уникальную прекрасную природу, а также патриархальный — спокойный и расслабленный — образ жизни. Именно это, когда современная авиация приблизила острова к остальному миру, стало едва ли не главным их богатством, которое просто не могли использовать ни французы, ни англичане. Сегодня кажется, что Сейшелы самим Богом были созданы для отдыха и туризма...

Впрочем, отдаленность и изолированность архипелага бывшие метрополии тоже хоть как-то пытались использовать. Острова выглядели идеальным местом для ссылки...

В самом начале XIX века Наполеон сослал на Сейшелы семь десятков якобинцев, подозреваемых в терроризме. Продолжить эту практику Франция не смогла, так как лишилась островов.

Англичане же не просто последовали их примеру, но и поставили на поток ссылку на Сейшельские острова негодных из своих владений. Правда, английские колониальные власти отличились не числом ссыльных, а их статусом и, если так можно выразиться, географией. Это не значит, что они превратили Сейшелы в некий лагерь за колючей проволокой, картина которого может возникнуть перед глазами у многих при упоминании о ссыльных.

Ссылка на поверку выходила какой-то странной. В аналах мы не найдем жалоб на тяжелые условия или притеснения...

Царек воинственного народа ашанти Премпе с Золотого Берега, как некогда именовалась Гана, прибыл на Сейшелы в одеянии из леопардовой шкуры, с многочисленными женами и всей свитой, включая палача. Пятьдесят пять ашантийцев поселили на Маэ, неподалеку от столицы — в старом поместье Ля-Розрэ. Королевский двор в изгнании жил на Сейшелах по своим обычаям и законам. Но однажды ссыльный царек был очень расстроен, когда, разгневанный каким-то проступком своего слуги-раба, дал приказ его казнить, однако выяснилось, что по местным — британским — законам услугами своего палача он воспользоваться не сможет, да и права судить у него тоже нет...

Когда четверть века спустя Премпе, уже приняв христианство, покидал острова, он оставил себе лишь одну жену, стал носить брюки и шляпу. Стоя на борту отходящего парохода, он долго смотрел на удаляющийся берег, а потом закрыл глаза руками — то ли для того, чтобы картина лучше запечатлелась в памяти, то ли чтобы просто скрыть слезы.

Прибытия на Сейшелы вождя-«людоеда» из джунглей Западной Африки, как его живописали тогдашние английские газеты, на островах ожидали с опасением и даже со страхом.

Но теперь память о нем — сохранившаяся в пересказах — самая добрая. Говорят, когда на Сейшелах устраивают праздники-карнавалы, то в красочных процессиях можно нередко увидеть и вождя ашанти с его свитой.

А Кантилал Дживан Шах рассказывал мне, что в его коллекции есть деревянный трон правителя с Золотого Берега и кудуо — бронзовый ритуальный сосуд ашанти. Это, конечно же, тоже память о пребывании Премпе на Сейшелах...

Что же до самого вождя, то он, когда вернулся в свою столицу Кумаси, уже перестал быть воином, а стал традиционным покладистым царьком, получающим от колониальных властей и деньги, и награды...

Адъютант султана Абдаллы из Перака; что на Малайском полуострове, «привез» с Сейшел гимн своей страны!

Султан Абдалла в 1877 году стал первым ссыльным на архипелаге. В эти годы англичане активно стремились укрепиться в Малайе, где начали разрабатываться богатейшие залежи олова. Абдалла был им в этом помехой, и когда в Пераке убили английского резидента, султана — без достаточных к тому оснований — обвинили в подстрекательстве к убийству. Гибель резидента спровоцировала войну, в результате которой почти вся перакская знать была либо убита, либо выслана из Малайи. Четверть века провел в ссылке и Абдалла — сначала семнадцать лет на Сейшелах, а затем в Сингапуре...

Абдалла прибыл на Сейшелы с четырьмя женами, многочисленной свитой и слугами — всего тридцать семь человек. Малайцы жили в разных частях Маэ, а часть из них одно время — на маленьком острове Фелисите, в двух километрах к востоку от Ля-Дига.

Инспектор полиции Страгнел, известный в Пераке жестоким обращением с местными заключенными и сопровождавший в качестве охраны и одновременно переводчика султана в ссылку, убедил сейшельские власти отобрать у Абдаллы его кинжал-крис, который служил одной из важнейших регалий и символов власти. При этом он позволил оставить султану шпагу, подаренную королевой Викторией...

Но султан Перака не держал зла на Страгнела, и они даже играли с ним в крикет. За годы ссылки Абдалла стал спортсменом, собрал коллекцию тросточек и активно интересовался сельским хозяйством. Именно благодаря ему на Сейшелах появились и стали теперь распространенными такие фрукты, как мангустан, маболо или бархатное яблоко, а также сорт бананов, дающий сразу же множество плодов в одной грозди и не подверженный болезням.

Абдалла участвовал в соревнованиях по запуску воздушных змеев, играл в футбол, но особо преуспел в игре в крикет. Как член крикетного клуба Виктории он играл с верхушкой сейшельского общества и так сошелся с местными высшими чиновниками, что те подписали не одну петицию за его досрочное освобождение.

Султан и его свита постепенно обжились на Сейшелах, привыкли к местному образу жизни и полюбили его. На островах у Абдаллы родилось семеро детей — четыре сына и три дочери. Первой на свет появилась в 1883 году Раджа Хадия — она на Маэ училась игре на фортепьяно, а затем стала хорошей пианисткой.

В те годы на островах были популярны оркестры, которые исполняли, конечно же — следуя вкусам большинства белых поселенцев, — французские мелодии. Похоже, перакцам они тоже пришлись по душе.

Одну из них, «Розали», услышанную как-то раз во время еженедельного выступления оркестра на берегу океана неподалеку от дома султана, разучила Раджа Хадия и исполня-

ла ее с братом Раджой Чуланом, который играл на скрипке. Эта мелодия французского поэта и песенника Беранже полюбилась в семье малайского султана.

Когда старший сын Абдаллы Раджа Мансур в качестве адъютанта в свите уже нового перакского султана Идриса отправился с визитом в Англию, выяснилось, что для официальной церемонии у них нет государственного гимна. Ничтоже сумняшеся он напел ту самую «Розали», которую слышали и полюбили в его семье на Сейшелах. А в 1957 году гимн Перака стал гимном всей Малайзии.

Кстати, Абдалла, вернувшись на родину, через некоторое время стал проситься обратно...

На островах о его ссылке сегодня напоминают завезенные им фрукты и мусульманское кладбище в Мон-Флэри, начавшееся в 1891 году с могилы жены султана...

На Сейшелах побывали изгнанники и из Уганды, Египта и даже с соседних Мальдивских островов — последнее сегодня, когда обе страны стали всемирно знаменитыми курортами, выглядит недоразумением.

Дети ссыльного султана из Британского Сомали Али Шире остались жить на Сейшелах. Я знаком с его внучкой Амией — высокий рост, тонкие, точеные черты выдают в этой изящной молодой сейшелке, работающей в национальном офисе по туризму, сомалийскую кровь. Правда, фамилия у нее Йованович — она замужем за сербом, а их сына зовут Саша! Такой вот сейшельско-славянский сомалийский принц!

Как-то я обедал в обществе Амии в одном ресторанчике на Маэ, а за соседним столом сидела компания туристов из Словении. Внучка сомалийского султана переводила иногда долетавшие от них фразы!

Да уж, на Сейшелах столько всего намешано!

Правда, на рубеже XIX и XX веков англичане чуть было не нарушили эту идиллию, решив направлять сюда не только вельможных противников, но и реальных политических заключенных и даже военнопленных. Во время англо-бурской

войны в Южной Африке, в 1900 году, на маленьких островах уже готовили лагеря для пленных буров. Правда, в последний момент от этой идеи англичане отказались и военнопленных из Южной Африки отправляли только на остров Святой Елены в Атлантике. Видимо, решили, что на Сейшелах не смогут обеспечить надлежащую охрану буров. В двадцатых годах прошлого века Уинстон Черчилль предлагал ссылать на Сейшелы непокорных ирландцев. Но и эта идея не осуществилась.

Может быть, все дело в том, что жизнь на островах слишком уж отличалась от тюремной?

Генерал Гордон посчитал Сейшелы раем. Не менее серьезный и волевой человек Стэнли, отплывая с Маэ, «сожалел о том, что покидает этот прекрасный остров».

Но еще более удивительно, что такие же чувства испытывали здесь ссыльные.

Последним политическим ссыльным архипелага был в 1950-е годы архиепископ Макариос, будущий первый президент независимого Кипра. Его изгнание длилось недолго, около года.

Я видел то место, где он отбывал ссылку, — Макариоса разместили на одной из самых прекрасных вилл Сан-Суси, в горах острова Маэ. Он, конечно, скучал, рвался на родной Кипр, но позже в своих воспоминаниях написал: «На Сейшелах находятся самые красивые места, которые мне довелось повидать». Если это мнение ссыльного, то какими же прекрасными должны казаться Сейшелы тем, кто приезжает сюда по собственной воле.

Кастриюля креольского повара

Всякий путешествующий человек должен знать, что отве-
дать блюда местной кухни и местные напитки — один из
лучших, если не лучший способ познакомиться со страной,

традициями ее жителей, их менталитетом и вкусами — причем не только кулинарными.

Поэтому я всегда предпочитаю рестораны — пусть и самые захудалые, — но с местной кухней, заведениям с европейским или «международным» меню. А в винной карте всегда ищу сугубо локальные и характерные для данного города или страны продукты — будь то пиво, вино или что-то покрепче. Благодаря этой привычке, признаюсь, сделал для себя даже несколько открытий. Например, заказав в баре захолустного пенсильванского городка Поттсвилл «местного пива», узнал, что именно там находится старейшая из ныне действующих пивоварен США, а в Таиланде, выбирая как-то напитки к рыбному столу, был просто сражен: оказывается, в этой стране производят свои — и очень неплохие — виноградные вина!

Не могу понять японцев, для которых на завтрак в некоторых гостиницах в финской Лапландии готовят мисо. Или моих соотечественников, которые на Кипре отыскивают ресторан, где можно поесть пельмени! Про американцев, которых в любой стране как магнит манит логотип «Макдоналдса», я вообще не говорю...

Все вышесказанное относится и к Сейшелам и местной кухне.

Наберусь смелости сказать: чтобы знакомство с Сейшелами состоялось, кроме того, чтобы полежать на коралловом песочке, увидеть коко-де-мер и гигантских черепах, проникнуться местными историями о пиратах и их сокровищах, нужно «пройти курс» и креольской культуры, которая в концентрированном виде и воплощена в *cuisine seychelloise*, то бишь в сейшельской кухне.

Ведь креольский язык, несмотря на почти полное отсутствие грамматики, вы за время короткого пребывания на островах едва ли освоите. Местный менталитет тоже вряд ли познаете «до дна». А вот креольскую кухню вы оценить сможете сполна, постигнув при этом азы и креольского язы-

ка, и креольского менталитета, и вообще здешней истории и культуры.

В постижении азов креольской кухни мне повезло. Я летел на Сейшелы через Париж, а от Руасси — Шарль Де Голль до Маэ — самолетом сейшельских авиалиний, на борту которого мне предложили «креольское меню». Так что знакомство с сейшельской кухней — пусть и в «стандартно-обезличенном» варианте борт-питания — у меня состоялось еще в воздухе, до прибытия на острова. По прибытии на легком ланче с господином Аджам в «Northolme» я выбрал, естественно, «креольский салат», а в тот же вечер, мой первый вечер на островах, в ресторане гостиницы был «креольский ужин»!

Одним словом, воистину — с корабля на бал, бал сейшельской кухни, с двумя легкими и в меру познавательными прелюдиями...

Несмотря на то что действие одной из книг Яна Флеминга о Джеймсе Бонде разворачивается на Сейшелах, приказаний «взбалтывать, но не смешивать» на островах никогда не отдавалось. Поэтому, возможно, все расовые компоненты — европейский, африканский и азиатский — здесь перемешались, и крошечная сейшельская нация из 82 тысяч человек представлена выходцами из самых разных земель. У всех были, разумеется, свои кулинарные пристрастия. Вспомним также, что французы, создавая колонию на Сейшелах, хотели превратить архипелаг в «острова пряностей». До недавнего времени производство корицы, ванили, мускатного ореха и других пряностей и специй оставалось одним из главных китов местной экономики наравне с выращиванием кокосов и рыбной ловлей.

Сложив вместе вышесказанное, можно представить себе, как и из чего рождалась сейшельская кухня.

Как писала мать первого президента страны Эвелин Мэнкам, «если французская кухня превосходна, китайская — восхитительна, а специи Индии — неподражаемы, только

вообразите, какое богатство вкуса рождается из всей этой смеси в кастрюле креольского повара!»

Действительно, *cuisine seychelloise*, унаследовав лучшие традиции кухни французской, английской, индийской и китайской, произвела на свет нечто самобытное и не похожее ни на одну из них. Или лучше сказать: у местной кухни — основа и изысканность французская, любовь к специям — из Индии, способ приготовления — китайский, а склонность к остроте — из Африки.

Основы сейшельской кухни закладывались еще в конце XVIII века.

Хотя гастрономические ингредиенты на Сейшелах весьма экзотичны, среди них вы едва ли найдете что-то, чего бы нельзя было сыскать в других тропических странах. Они достаточно просты — конечно, по местным меркам. Если не считать таких блюд из сейшельских эндемиков, как отбивные из черепахи, летучая лиса под соусом карри или желе из коко-де-мер, которые даже на Сейшелах считаются экзотикой...

Что касается летучей лисы, то это питающаяся плодами летучая мышь, поэтому всякие аналогии с кошками и собаками из китайской и корейской кухни здесь неуместны. Но летучая лиса — редкость в меню местных ресторанов, а тем более в повседневном рационе сейшельцев. Так что, скорее, это что-то типа «ласточкиных гнезд», кулинарная ценность которых — в их редкости и экзотичности. И отведать это исключительно сейшельское создание — дело не вкуса, а прихоти любителей всякого эксклюзива. К тому же в маленькой тушке масса косточек, поэтому есть ее довольно неудобно.

Желе из мякоти «морского кокоса», который здесь научились подавать вместе с ликером «Drambuie» (вот, кстати, и редкий тут чисто английский компонент), относится к блюдам того же порядка. Этот десерт можно обнаружить во многих описаниях креольской кухни, но большинство самих сейшельцев его отродясь не пробовали.

Что же касается черепахового супа и отбивных из черепахового мяса, которые стали первыми здешними деликатесами, то они родились не из желания создать кулинарные изыски, а наоборот, из самой приземленной необходимости просто насытиться. Да, первые французские поселенцы на Сейшелах, а до них и пираты, с удовольствием использовали черепах в пищу, разнообразя рыбную диету.

Слава Богу, что съесть черепах не успели, а в более просвещенные времена взяли под защиту. Поэтому и черепаховый суп сегодня — тоже угощение «не на каждый день», хотя когда-то их ели как раз самые ленивые.

На богатых рассчитан, что видно уже из названия кушанья, «салат миллионера», который делают из сердцевины редкой пальмы *Deckenia nobilis*, и для того, чтобы его приготовить, надо сгубить целое дерево. Правда, почти полный его аналог, но только уже не такой дорогой, может позволить себе отведать на Сейшелах каждый — салат из сердцевины обычной кокосовой пальмы. Особенно он хорош с копченым марлином. По местным меркам просто, но уже действительно экзотика!

А рыба — тот же марлин, а также тунец и красный луциан, как и креветки, мидии, лангусты и крабы — здесь вещь действительно не просто обыденная, но и дешевая. Добавьте еще курятину, тропические плоды — батат, манго, кассаву, плоды хлебного дерева и — что является явным влиянием Европы — такие овощи, как огурцы и морковь, баклажаны и тыква, — и у вас получится едва ли не повседневный продуктовый набор в «корзине» креольской хозяйки.

Именно немалое количество вполне обыденных, уже по нашим меркам, продуктов — тех же огурцов, моркови или баклажанов — и отличает *cuisine seychelloise* от кухонь большинства тропических стран.

Рыбу здесь жарят, тушат, тунец идет на стейки, рыба-попугай готовится в кляре, марлина коптят, а красный луциан,

более известный на Сейшелах как «буржуа» (burgwa), лучше всего получается запеченным на гриле.

Глинн Берридж, который познакомил меня с буржуа, приготовленной на гриле, сам любит готовить это блюдо.

Он рассказывал мне, как он это делает. Берет целую, почищенную и выпотрошенную крупную рыбу и острым ножом делает несколько глубоких параллельных надрезов с каждого бока. Затем рубит несколько острых перчиков, чили, чеснок и имбирь и перемешивает с небольшим количеством оливкового масла, чтобы получилась паста. Эту пасту втирает глубоко в каждый надрез, слегка солит и перчит всю рыбину. После чего завертывает рыбу в фольгу и кладет на гриль — не более чем на час...

А вот мяса сейшельцы едят довольно мало, и в основном свинину. Правда, местным деликатесом считается салат с бычьим языком.

Важнейшее место на сейшельском столе занимают и овощи, причем их едят как сырыми, так и в запеченном и тушеном виде. Повсеместно используются тушеные плоды хлебного дерева, маринованная и жареная китайская капуста, маниок. И, естественно, все это великолепие сопровождается обилием пряностей всех видов.

Причем удивление у любого вызовет вид не только экзотических плодов, но и самых для нас обычных, но выращенных на Сейшелах овощей: например, баклажаны здесь небольшие, с наш крупный огурец, зато огурцы, наоборот, вызревают размером с кабачок!

Но главные и неперменные блюда сейшельской трапезы — это, конечно, карри: карри из курицы, карри из тунца, карри из осьминога.

«В этом нет ничего удивительного, — говорил мне Кантлал Дживан Шах. — У белых плантаторов было много рабов — из Африки и Мадагаскара, но они не умели готовить, а у французов запросы по части кухни были весьма высоки. Поэтому поварами у них были индийцы».

Словам Канти можно верить. Помимо того, что он лекционер и всесторонне образованный человек, он еще — вдобавок ко всему — кулинар.

Из Индии же (а с ней у Сейшел с первых лет колонизации) были самые тесные связи: даже национальная валюта страны — сейшельская рупия), конечно, пришло на Сейшелы и чатни — здесь это блюдо готовят из зеленой папайи, мякоти кокоса и баклажанов.

Важное же отличие местного карри — оно готовится на кокосовом молоке. И еще один штрих: из котелка любого местного повара, любой сейшельской хозяйки вы обязательно выудите листик-другой ямайского перца, который здесь известен как «allspice». Его название, которое можно перевести как «всеспеции», полностью отражает вкусовую суть его листьев — в них есть и аромат гвоздики, и перца, и корицы, и мускатного ореха...

Обилие специй — главное отличие здешней кухни. Что и немудрено, если вспомнить историю Сейшел. Вся еда пряная и довольно острая. Тем же, кто любит совсем «погорячее» и хочет добавить в свою трапезу по-настоящему креольского огня, стоит попробовать местный соус «мазавару» — красный стручковый перец с чесноком и имбирем, залитый кипящим маслом: во рту у вас точно будет раскаленное солнце Африки!

Что еще ставит *cuisine seychelloise* особняком в ряду других экзотических кухонь, это обилие салатов. Скорее всего здесь сказались вкусы французов. Салат из водяного кресса, из моркови, огурцов, окры и, конечно, тропических плодов — прежде всего манго, которых здесь более двух десятков видов. Все это будет приправлено соком лайма, соусами на основе перца чили, майонеза или карри. Любовь к соусам тоже пришла от французов.

Названия же сейшельских блюд, написанные по-креольски, могут поставить в тупик. Но если знать французский и иметь немного воображения, то можно догадаться, что,

например, «pwason ek diri» — это не что иное, как «poisson et du riz», то есть «рыба с рисом». Уже только для того, чтобы не пугаться таких названий, стоит немного познакомиться с креольским. Партитивный артикль слился с самим словом, а французское «и» превратилось в «i». И если рис будет «дири», то соль — «дисель», чай — «дите», а вино, извините, — «диван».

Этот самый «дири» — главный и обязательный гарнир на сейшельском столе. Но едят здесь не как в Европе, а скорее как в Индии и Китае: перемены блюд нет — ты накладываешь себе в тарелку рис и берешь понемногу каждого из кушаний, которые ставят на стол. Часто вообще перемешивая и обязательно сдабривая соком лайма и соусами.

«Мы любим есть все вместе, смешивая все на тарелке, — говорила мне Мари-Сесиль, владелица небольшого магазина модной одежды для молодежи, с которой мы как-то ужинали в ресторане «Boat House». Это заведение славится своим богатым шведским столом из креольских блюд и особенно красным луцианом, приготовленным на гриле.

А по-другому и не получалось: горстка риса, а на нее и карри с осьминогами, и запеченные плоды хлебного дерева, и тунец, и карри с курицей, и салаты... Манера еды китайская или индийская, но тонкости и изыски чисто французские. В итоге получается вкуснейшая — пряная и острая смесь из риса, рыбы, самых разных овощей и фруктов. Это не создает сумбур и дисгармонию на тарелке. Наоборот.

Поэтому buffet, или «шведский стол», — самая удобная форма знакомства с местной кухней.

Именно так и устроен креольский ужин в ресторане хилтоновского «Northolme». Мне было любопытно, как сейшельскую кухню интерпретируют повара, ориентирующиеся на богатую отдыхающую публику, в основном из Европы.

Что, может, и отличало ужин в «Northolme», так это разнообразиие стола. Здесь были и чатни из зеленой папайи,

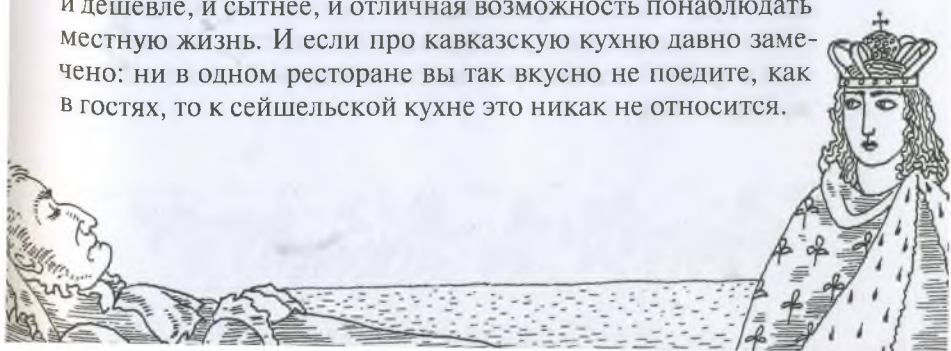
и салат из жареной рыбы, салат из плодов хлебного дерева и салат из манго, кокосовое чатни и салат из окры, чатни из баклажанов и салат из моркови и огурцов. Вареная рыба под лимонным майонезом соседствовала с местной кровяной колбасой под креольскими соусами, а карри из осьминога и карри из рыбы — с чечевицей с соленой свиной, фрикасе из тыквы с колбасками и тушеной говядиной с морковью, кассавой, бататом и плодами хлебного дерева, приготовленными на пару. «Венчал» ужин запеченный молочный поросенок.

Несмотря на то что ресторан не был переполнен, к концу ужина многие блюда полностью опустели — сейшельская кухня покоряет при первом же знакомстве.

А десерты? Они здесь все экзотические. На их приготовление идут в первую очередь бананы — ведь их на Сейшелах едва ли не три десятка сортов, причем одни подходят только для готовки, другие употребляют в сыром виде. Популярное угощение, например, «кат-кат» — бананы, запеченные в кокосовом молоке, кокосовая нуга, вкуснящие бататы, приготовленные тоже в кокосовом молоке...

Креольское «айскрим», если заодно вернуться к урокам местного языка, — это уже заимствование из английского: мороженое здесь появилось лишь в XX веке. Но в качестве холодного десерта к сейшельской трапезе едва ли имеет смысл заказывать космополитичный ice cream — здесь больше в ходу шербеты из соков тропических фруктов, например, превосходный как по вкусу, так и по цвету из маракуйи.

Попробовать все это можно в любом ресторане на островах, в том числе и в гостиницах, где останавливаются туристы. Но лучше — в ресторанах, куда ходят и сами сейшельцы: и дешевле, и сытнее, и отличная возможность понаблюдать местную жизнь. И если про кавказскую кухню давно замечено: ни в одном ресторане вы так вкусно не поедите, как в гостях, то к сейшельской кухне это никак не относится.

А чем запивать все это кулинарное богатство и разнообразие?

Самый типичный местный напиток — заваренный ситронель, или по-английски «lemongrass». Несколько сухих травянок — если по-научному, восточно-индийского лимонного сорго — на чайник кипятка, и у вас отличный напиток с пряным лимонным ароматом. В равной степени ситронель хорош и в горячем, и в холодном виде. Холодный ситронель может служить в качестве welcome drink в роскошном отеле, а горячий — прекрасным завершением любого креольского стола.

В горячем и холодном виде здесь отлично идут также местные, но уже настоящие чай — с добавкой ванили или корицы.

«Wwar dan banbou» — как-то увидел я вывеску в одном из местных баров. Звучит на первый взгляд непонятно, но и тут нетрудно угадать французские слова — «boire dans bambou», что означает — пейте, мол, из бамбука... Это — дань традиции. Раньше сейшельцы пили в основном калу, которую подают в бамбуковых кружках. Сейчас калу, как и местный самогон бакка, который гнали из сахарного тростника, некая архаика, и попробовать эти напитки можно лишь на самом пасторальном из крупнейших островов архипелага — Ля-Диге.

Правда, при круглогодичной температуре около 30 градусов ни о каком спиртном в дневные часы, за исключением холодного пива и охлажденного же белого вина, и думать не хочется. Но вот вечером доброе вино будет к креольскому столу в самый раз. Но и даже в часы, когда солнце садится, а легкий бриз с океана создает иллюзию прохлады, белые вина — с учетом явного преобладания на столе морепродуктов — будут более актуальны.

На Сейшелах есть рестораны с вполне приличной винной картой — особенно этим славится «Le Corsair» на пляже Бель-Омбр.

Там можно поэкспериментировать с разными винами на предмет их соответствия здешней кухне.

Но вот гульнуть по-пиратски в ресторане едва ли удастся. Любые алкогольные напитки на Сейшелах дороги — практически все привозное: из Европы, Австралии и ЮАР. Высокие импортные пошлины плюс дальность транспортировки. Местный алкоголь тоже недешев — видимо, чтобы не «демпинговать».

Правда, сами сейшельцы все-таки постепенно переходят на космополитичные и более изысканные напитки.

Местной альтернативой бакке стал, например, сравнительно недавно появившийся сейшельский ром «Такамака». Темный, имеющий ярко выраженный карамельный вкус, он хорош в чистом виде со льдом в качестве аперитива. Белый отлично идет с соками из местных фруктов, а также в виде коктейля, схожего с «кайпириньей» и фигурирующего в сейшельских меню как «T-Punch». И, наконец, двадцатиградусный «Takamaka Coso» — аперитив с ароматом кокоса.

Я сказал Мари-Сесиль, что купил именно бутылочку «Takamaka Coso» в качестве сувенира.

«М-м-м! Отличный выбор! — оценила она и, положив нож, подняла вверх большой палец. — А если его еще смешать с кокосовым молоком, то просто не оторвешься!»

Еще здесь из коко-де-мер делают ликер, чем-то напоминающий «Бейлис» и южноафриканский «Амарула». Мне сказали, что он продавался в красивых бутылках в форме, естественно, «морского кокоса» и слыл одним из лучших сувениров с Сейшел. Почему «продавался»? А потому что на Сейшелах практически все привозное, в том числе и стеклянные бутылки. Запас тары подошел к концу, вовремя запастись новой как-то забыли (это, к слову, неплохая характеристика и местного менталитета), и, когда я был там, ликер из «морского кокоса» полностью пропал.

Впрочем, он выбивается по цене из остального и так недешевого алкоголя. Поэтому, даже с учетом неплохого материального положения местных жителей, этот напиток можно сравнить с черной икрой на столах средней российской семьи. Хотя вроде бы она тоже считается принадлежностью нашей национальной кухни...

Если, знакомясь с местной кухней, вы уже достаточно поупражнялись в креольском, то после ужина в «Le Corgair» можете пройти метров двести вдоль пляжа и дойти до скалы с табличкой «Trezog Labiz», что означает «Сокровища Ля-Бюза».

Говоря о сейшельской кухне, надо отметить, что это и повседневная кухня, и, так сказать, haute cuisine, то есть высокая кухня. На Сейшелах есть рестораны со своими знаменитыми шефами, каким был, например, Фило, бельгиец по происхождению, есть свои местные прославленные повара, но в любом, даже самом простеньком ресторане или в гостях у знакомых сейшельцев можно «на все сто» познакомиться с местными гастрономическими изысками. И вы никогда не будете разочарованы.

От Глинна Берриджа я узнал, что рестораны сейшельской кухни есть и в Лондоне, и в Париже. И, судя по всему, неплохие. Но все-таки средняя Европа — это не тропики, а Сена и Темза никогда не заменят Индийского океана. И на вас со стены, как в «Марии-Антуанетте», не будет смотреть свирепый Ля-Бюз. Запах пряностей и экзотических фруктов не будет провожать вас на улице, где в черной экваториальной ночи слышны шум прибоя и звуки беззаботной креольской мелодии.

Водитель, который одной такой ночью вез меня в отель, спросил, понравилось ли мне на Сейшелах.

— С удовольствием бы приехал снова, — не покривив душой ответил я.

— А вы пробовали плоды хлебного дерева?

Я кивнул.

Водитель просиял:

— У нас есть примета: если поел плоды хлебного дерева, то обязательно вернешься на Сейшелы!

Плантатор-дофин

На Сейшелах мне довелось услышать не одну довольно странную историю — про необычных и даже таинственных людей...

Когда я бродил по старому кладбищу «Бель-Эр» в Виктории в поисках могилы корсара Одуля, среди гробниц первых французских колонистов мне показали одно весьма примечательное надгробие.

Под ним покоятся останки человека, известного на Сейшелах просто как «гигант».

Вообще-то звали его Шарль-Дороте Сави, но уже в четырнадцать лет он был ростом 2 метра 70 сантиметров, во что, признаться, трудно поверить, и отличался невероятной силой, за что и получил такое прозвище. Считают, что его отравили соседи, которые боялись огромного подростка и считали его не то колдуном, не то дьяволом во плоти... Надгробие «гиганта», умершего в 1853 году, действительно выделяется среди всех остальных длиной.

Мне показалось, что и сегодня к этой могиле многие сейшельцы относятся с трепетом.

Другая история еще более загадочна и привлекла к себе внимание многих людей, в том числе и серьезных исследователей. Кстати, человек, с которым эта история связана, тоже покоится на «Бель-Эр», но его могилы мне найти не удалось — она затерялась...

...Проезжая как-то по горной дороге Ля-Мизер, пересекающей Маэ, недалеко от Виктории, в нескольких километрах от берега, я обратил внимание на здание с вывеской «Auberge Louis XVII» — «Гостиница “Людовик XVII”».

Любой человек, знакомый с историей Франции, знает, что такого короля не было: Людовик XVI был казнен якобинцами, а его брат был коронован в 1814 году после разгрома Наполеона под именем Людовика XVIII. Людовиком XVII должен был стать дофин, сын казненного короля, который, как известно, умер в парижской тюрьме «Тампль». Что заставило владельца сейшельской гостиницы дать ей такое название и какое вообще отношение умерший и так и не ставший королем наследник французского престола имеет к далеким островам в Индийском океане?

Оказывается, самое непосредственное. И название гостиницы вовсе не дань роялистским настроениям или чудачеству ее владельца, а следствие таинственной истории, которую на Сейшелах знает едва ли не каждый и в правдивости которой мало кто сомневается. Услышав ее, я, например, решил, что и название популярного в Виктории ресторана «Мария-Антуанетта» появилось не случайно...

Различных версий легенды о спасении дофина и избавлении его из «Тампля» существует немало. Немало было и людей, выдававших себя за наследника французского престола, чудом вырвавшегося из рук якобинцев. Версия, которая существует на Сейшелах, наиболее интересна и правдоподобна, хотя и достаточно фантастична. Потомки человека, объявившего себя дофином, до сих пор живут на архипелаге...

В первые годы английского владычества на Сейшелах на островах появился ничем не выдающийся и тихий фермер-переселенец по имени Пьер-Луи Пуаре. Правда, что любопытно, в материалах, которые мне показали в историческом музее Виктории, он фигурирует как Шарль Пуаре. Ошибка?

Как бы то ни было, он получил землю и занимался сельским хозяйством, ничем не выделяясь среди прочих колонистов. И лишь перед самой смертью, в середине XIX века, он заявил, что является сыном Людовика XVI и Марии-Ан-

туанетты и, соответственно, законным наследником французского престола, и поведал свою историю.

Само собой, в этом нет ничего необычного. Пуаре лишь один из четырех десятков претендентов на этот титул, среди которых, как мы помним, был и персонаж из «Приключений Гекльберри Финна» Марка Твена. И ученые рассматривают увлекательные документы, «подтверждающие» их притязания, лишь как исторические курьезы. Но в истории Пьера-Луи Пуаре есть несколько весьма любопытных интригующих страниц. И не случайно она послужила материалом для целой книги «Людовик XVII из колонии», написанной доктором Г. Баше еще в 1907 году. По крайней мере сами сейшельцы верят, что тихий фермер из Кап-Терне был настоящим принцем...

Австралийский журналист Агол Томас, побывавший на Сейшелах в конце 1960-х годов, встречался с прямым потомком Пуаре — Анри-Шарлем Гонтье, плантатором из местечка Анс-Руаяль. Тот рассказал Томасу историю, которая передается в семье из поколения в поколение и уже давно известна многим островитянам. Гонтье тогда было уже за шестьдесят, он был уважаемым в колонии человеком, выборным членом Законодательного Совета — прообраза будущего парламента страны. В беседе он часто ссылался на рукописные документы, которые содержали описание ранних годов Пуаре и давали подробный отчет о последних годах его жизни, составленный кем-то из членов семейства по рассказам его детей.

Итак, Пьер-Луи был якобы тайно вызволен из «Тампля» в Париже после того, как его мать Марию-Антуанетту казнили в 1793 году. Его место в тюрьме занял какой-то больной мальчик, который и умер там 1 июня 1795 года и был похоронен на кладбище «Сент-Маргерит». У этого подставного ребенка было взято сердце и прядь волос, которую Людовик XVIII отказался признать за кудри своего племянника. Госпожа Симон, жена тюремщика, сторожившего «Тампль»,

до последнего дня своей жизни настаивала на том, что совсем незадолго до того, как они с мужем оставили тюрьму, дофин был заменен незнакомым мальчиком. Эти факты и дали рождение не одной легенде.

Согласно записям, хранившимся у господина Гонтье, личность дофина успешно удалось скрыть, пристроив его подмастерьем к сапожнику по имени Симон Пуаре, у которого мальчик и взял свое будущее имя. Любопытно, что у сейшельского колониста Пуаре на руках и ногах были шрамы от ожогов, происхождение которых он объяснял грубым обращением в сапожной мастерской. После нескольких лет, проведенных в доме сапожника в Париже, дофина тайно перевезли в Дюнкерк в повозке с сеном.

В 1804 году Пуаре, к тому времени уже девятнадцатилетний юноша, опять же в глубокой тайне отплыл из Дюнкерка на фрегате «Маренго» под присмотром некоего господина Эме, который обращался с ним с величайшей вежливостью и уважением. Но он направился не прямо на Сейшелы, а первоначально высадился на островке Пуавр, одном из группы Амирантских островов, что лежат между Мавриkiem и Сейшелами, и там находился под самой тщательной опекой администратора острова. В одной из работ мне даже удалось найти дату, когда Пуаре ступил на землю островов, — 22 мая 1805 года. Значит, он добирался туда из Франции не менее полугода — в принципе правдоподобный срок для той эпохи... Заметим, правда, что в материалах музея указывается почему-то совсем другая дата прибытия Пуаре на Амиранты — 1808 год.

Тем временем Эме отправился на Маэ и доставил какие-то письма Кэо де Кэнси, коменданту Сейшельских островов.

Пуаре пробыл на Пуавре несколько лет, работая на хлопкоочистительной фабрике. Он познакомился и стал жить с некоей Мари Дофин, которая родила ему двух дочерей. В 1822 году Пуаре перебрался с Пуавра на Маэ, где полу-

чил две концессии (два участка земли, выдаваемые колони-стам) — одну в Кап-Терне, другую — в Гранд-Анс, от кото-рой он впоследствии отказался. Ему выделили рабов, и он начал выращивать хлопок.

Судя по всему, его связь с Мари Дофин прервалась, и он привел в свой дом Мари Эдесс из Порт-Гло, которая роди-ла ему еще семерых детей.

Стоит обратить внимание на то, что в состав имен всех его четверых сыновей входило имя Луи, а всех пятерых до-черей — Мари. Почти все их имена соответствовали име-нам видных представителей французской королевской фа-милии.

Пуаре жил тихо и держался в стороне от остальных по-селенцев, которые, однако, весьма уважали его. Он умер в 1856 году в возрасте семидесяти лет от гангрены.

Документы господина Гонтье содержат яркое описание последних часов жизни старика Пуаре.

Он лежал в комнате деревянного дома. Ему прислужи-вал старый негр — повар и камердинер. Пуаре до последне-го момента пребывал в ясном уме, но незадолго до смерти он заговорил о французской королевской фамилии, о тро-не, который он мог занять, и о смерти в изгнании. В пол-убреду он описал все жестокости, которым подвергался в «Тампле». Было такое впечатление, что его мозг букваль-но пропитан воспоминаниями об ужасах. Несколько раз он начинал кричать, будто его окружала разъяренная толпа. Ни у одного из тех, кто стоял тогда у смертного одра, не было сомнений, что Пуаре как-то связан с ужасными революци-онными событиями.

Присутствовавший священник, отец Игнатий, спросил: «Почему ты все говоришь, что ты сын Людовика XVI, когда всем известно, что он умер в тюрьме “Тампль”?»

Огонь блеснул в глазах Пуаре. Собирая оставшиеся силы, он приподнялся на подушке и, тяжело дыша, сказал: «Бо-же мой, боже мой, как я унижен! В момент смерти какой-то

незнакомец бросает оскорбления мне прямо в лицо. Мне осталось жить еще всего несколько минут, и скоро я предстану перед Богом, которому и судить меня. Я повторяю — я сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты, убитых во время революции».

Глаза Пуаре закрылись, и отец Игнатий начал отпущение грехов. На следующий день Пуаре умер. Родственникам Пуаре осталось несколько серебряных предметов с гербами дома Бурбонов и четыре миниатюры, изображающие Марию-Антуанетту, Людовика XVI, дофина и мать-королеву.

У Гонтье хранилась часть этого столового серебра, а также золотой кинжал. Среди оставшихся от Пуаре бумаг была и копия письма, отправленного им в ноябре 1838 года эрцгерцогу Австрийскому Карлу в Вену. Тонким, но очень аккуратным почерком, на хорошем французском языке Пьер-Луи Пуаре писал: «Я сын Людовика XVI и Марии-Антуанетты, который уже более сорока лет считается покоящимся в земле и который хотел бы уведомить... (далее в копии следует пропуск) после того, как меня разлучили с отцом и матерью в «Тампле» в 1792 году и отец оказался в руках палачей. Затем меня доставили в Дюнкерк (...). Я занимаюсь физической работой на одном из Сейшельских островов. Я надеюсь вернуться. Когда я увижу Вас, я все расскажу...»

Легенда о том, что Пуаре был дофином, основывалась в основном на его собственных заявлениях, которые он сделал в кругу своей семьи накануне смерти. В некоторой степени ее подтверждают и семейные реликвии, в меньшей — его письма, которые он писал европейским монархам, особенно французскому Карлу X, называя того своим дядей. Они были отправлены через британского чиновника на Сейшелах.

Гонтье утверждал, что у Пуаре было поразительное внешнее сходство с членами французской королевской семьи. Более того, после смерти Пуаре оказалось, что у него на

плече была красная родинка, по форме похожая на индюка. Говорят, что у дофина была такая же. Дата рождения Пуаре также соответствовала дате рождения дофина.

В любом случае Пьер-Луи Пуаре был по меньшей мере весьма знатной персоной. Его переезд из Франции на остров Пуавр, а затем на Маэ был окружен тайной. В архивах до сих пор хранятся официальные документы, фиксирующие прибытие всех поселенцев на Сейшелы, но там нигде не упоминается имя Пуаре — ни в связи с его приездом, ни в связи с выделением ему земель. Неизвестно также, где он получил средства на приобретение земельных концессий. Еще одним доводом в пользу притязаний Пуаре является тот факт, что более безопасное прибежище, чем Сейшелы, вряд ли можно было найти в то время для наследника дома Бурбонов, чья жизнь находилась в постоянной опасности. Маэ был отдаленным и изолированным островом, и там уже поселилось немалое число французских семей с роялистскими симпатиями, а комендантом Сейшел был Кэо де Кэнси, служивший одно время постельничим у дяди дофина и сам убежденный роялист.

Тем не менее трудно поверить, что роялисты, позаботившиеся о спасении и безопасности дофина, позволили бы ему томиться всю оставшуюся жизнь на отдаленном острове среди Индийского океана.

Какие абсолютно достоверные факты существуют о Пуаре? К сожалению, их очень мало. То, что он прибыл на Сейшелы на неизвестном корабле и неизвестно когда. То, что у него было две жены, и то, что все девять его детей носили королевские имена. То, что он писал письма Карлу X и эрцгерцогу Карлу Австрийскому, в которых называл их дядьями. То, что на смертном одре он торжественно объявил себя дофином. И, наконец, то, что он умер в своем доме на улице Ангар в Виктории на Сейшелах в 1856 году в возрасте семидесяти лет, то есть в возрасте, в котором мог бы быть дофин.

Немногочисленные ученые, изучавшие историю «сейшельского Людовика XVII», относились к ней достаточно скептически, но при этом, однако, пытались найти ее корни. Скорее всего Пуаре действительно был эмигрантом-беженцем, как, например, роялист де Лабаттис, который скрывался на Сейшелах под другим именем. Некоторые возникновение легенды о дофине связывают с событием, произошедшим на Сейшелах несколько ранее появления там Пуаре.

В канун Рождества 1800 года на Наполеона и Жозефину — они в это время направлялись в парижскую оперу — было совершено покушение, уже пятое и, как все предыдущие, неудачное. Заговор был делом рук роялистов, однако шеф тайной полиции Фуше по подозрению в причастности к «делу об адской машине» задержал 140 якобинцев. Наполеон был только рад поводу избавиться от этих террористов. Семьдесят человек из арестованных в 1801 году выслали на Сейшелы.

История ссыльных якобинцев сама по себе крайне любопытна и заслуживает отдельного рассказа. Здесь же отметим то, что лишь немногие из них остались на Сейшелах. Местные власти пожелали поскорее избавиться от наиболее «опасных», и вскоре половину якобинцев выслали на Коморские острова, где большинство почти сразу умерло от какой-то загадочной болезни: лишь трое из них после множества приключений и лишений смогли вновь увидеть Францию. Из тридцати четырех человек, оставшихся на Маэ, четырнадцати разрешили переселиться на Маврикий, один перебрался на Реюньон, несколько бежали на кораблях, зашедших на архипелаг. Остальные обосновались на Сейшелах и стали обычными колонистами.

Во всяком случае, ссыльные якобинцы составляли в начале XIX века заметную часть белого населения Сейшел, которое до этого исчислялось десятками. Французский историк Жорж Ленотр считает, что именно от этих ссыльных

и пошла на островах легенда о дофине. Дело в том, что среди них находился Антуан Бонифас, бывший жандарм и тюремный сторож «Тампля».

Кстати, само по себе бегство из этой парижской тюрьмы не было столь уж невозможным. В 1798 году оттуда по фальшивым документам бежал сэр Сидней Смит, будущий английский адмирал, прославившийся своими сражениями с Наполеоном. И если это удалось англичанину, то почему то же самое не могло выйти у дофина? Любопытно и другое: спасение Смита одна из легенд приписывает Бонифасу, а удачное бегство сына Бонифаса из Франции в Южную Африку объясняет помощью благодарного английского морского офицера. Но как бы то ни было, сосланный на Сейшелы Антуан Бонифас был посвящен в тайны главной парижской тюрьмы и вполне мог поведать их другим колонистам и ссыльным.

Бонифас умер в 1805 году. Когда загадочный Пуаре — у него, как мы помним, был «бурбонский профиль» — появился на архипелаге, оставшиеся там якобинцы прозвали его Капетом — как основателя династии Капетингов. Пуаре, считает Ленотр, из тщеславия мог поддержать эту игру, а со временем действительно вообразить, что он дофин. «Он мог просто подыгрывать окружающим ради шутки, что потом превратилось в самовнушение», — заключает французский историк.

В стопке других книг, лежащих на столе Кантилала Дживана Шаха, который тоже пробовал разобраться в истории «дофина» — Пуаре, оказалась и работа Жака Ривьера «Тайна Людовика XVII», изданная в Париже уже в двухтысячные годы.

— Да, я занимался этой историей, но не очень верю в нее... Эту роль Пуаре могли навязать якобинцы... По крайней мере они могли принести на Сейшелы эту легенду... — сказал он мне.

Я пытался найти на островах еще какие-то свидетельства, подтверждающие или опровергающие притязания та-

инственного колониста на французский престол, и узнал, что ныне на Маэ живут некие Бернар и Мишлин Жорж, которые являются потомками Пуаре.

Глинн Берридж поведал мне, что на острове был ресторан, принадлежавший потомкам «дофина», и в нем на стенах были развешаны документы, якобы подтверждавшие родство Пуаре с королем.

И еще Глинн сказал, что вроде слышал, будто у сейшельских «наследников престола» брали кровь на тест ДНК, но он, кажется, родства не показал...

Действительно, оказалось, что такой тест проводили — в Сен-Дени на Реюньоне, — и он никаких положительных результатов не дал...

Канти тоже слышал об анализе крови на ДНК. Но при всем своем скептическом отношении к истории «сейшельского дофина» заметил, что стоило бы найти могилу Пуаре на «Бель-Эр» и взять пробу с его останков, а не исследовать кровь его дальних потомков — да и потомков ли?

А потом добавил: «А вообще-то анализ на ДНК ни о чем не говорит... Мария-Антуанетта была известной шлюхой и спала со всеми подряд, так что все возможно...»

На мой взгляд, из всех вопросов, которые вызывает фигура фермера из Кап-Терне, самым загадочным остается: если Пьер-Луи Пуаре не был дофином, кем же он был на самом деле?

Люди гри-гри

... В жаркой ночи пламя костра совсем не казалось горячим, он только светил и плескался столбами искр, когда в него подбрасывали сухие ветки, делая небо и вообще все окружающее еще более черным, а воздух — сухим. Старый креол вертел над костром большой барабан, чтобы тот избавился от влаги и заговорил более внятно, — вре-

мя от времени креол ударял по натянутой коже и слушал звук, который мне казался голосом этого костра, этого берега, этой ночи, а вовсе не принадлежал только и именно барабану.

Стали подходить и другие мужчины и женщины. Подшли и еще два барабана, окрепли их голоса. Начались танцы. «Мутия», как называются эти пляски, устраиваются только по ночам, при свете костра и на берегу. Когда-то это были танцы рабов, которым те отдавались после трудового дня на плантациях и которыми порой сопровождалась обряды колдовства, принесенные сюда с забытой родины.

Белые эти танцы считали слишком экзальтированными и даже грубо сексуальными и запрещали.

Под бой барабанов и в свете костра тела извивались, лица девушек и женщин казались счастливыми, мужчин — надменными и ироничными. Если бы я уже не видел уличную толпу в Виктории, костюмы, особенно креолов-мужчин, могли бы показаться театрализованными, будто взятыми из реквизита «Хижина дяди Тома» или «Рабыни Изауры», — слишком яркие и пестрые рубашки, слишком короткие брюки, да еще соломенные шляпы.

Немного позже, когда пришло время ужина, танцы переместились в зал ресторана — для гостей отеля. При электрическом свете, в окружении накрытых столов, отрешенные и самозабвенные лица превратились в физиономии массовиков-затейников. И все ощущение таинства пропало бы совсем, если бы некий дух колдовства и магии не висел над Сейшелами, сгущаясь в ночи...

По официальной статистике, 97 процентов населения Сейшельских островов — христиане, в основном католики. И трудно усомниться в приверженности сейшельцев христианству, когда видишь толпы празднично одетых островитян, идущих на воскресную мессу. Поэтому любого наверняка удивит, что на поверку многие сейшельцы больше верят в магическую силу колдуна, чем в волю Всевышнего,

к которому обращают свои молитвы, а при неладах в личной жизни, на работе или при болезни предпочитают обращаться к знахарским чарам, а не идти в храм Господень.

«Гри-гри» — так собирательно называют здесь и колдовство, и веру в духов, и суеверия, а шире — все иррациональное и необъяснимое. Гри-гри — это, наверное, самая любопытная, самая непонятная для приезжего, может, даже самая таинственная, но при этом самая яркая сторона местного образа жизни и менталитета. Ее не увидишь, ее лишь можно почувствовать, причем если достаточно долго прожить на островах.

Мало кто из непосвященных знает, что Сейшелы — вотчина тайных культов и магии, которые сродни вуду.

Но не стоит удивляться. Достаточно вспомнить, кто такие сейшельцы.

В жилах девяти из десяти островитян течет африканская кровь. Начиная с 1830-х годов английские военные корабли, патрулировавшие восточноафриканское побережье с целью положить конец нелегальной работорговле, которую вели в основном арабы, освобождали невольников с задержанных шхун-доу. Но их не отправляли обратно в Африку, а везли либо в Аден (тех, кого освободили к северу от экватора), либо на Сейшелы (тех, кого освободили южнее экватора). Так, только за период с 1861 по 1872 год на архипелаг прибыли две с половиной тысячи африканцев.

Освобожденные таким образом рабы и составили большинство населения архипелага, состоящее до этого из нескольких десятков французских семейств с их чернокожими рабами, которые переселились сюда с Маврикия в конце XVIII века.

Последние выходцы из Африки попали на острова лишь 130 лет назад, и нет ничего удивительного в том, что традиции своих предков многие сейшельцы сохранили и по сей день. Ведь еще в пятидесятые годы прошлого века на островах жили люди, родившиеся на африканском континенте!

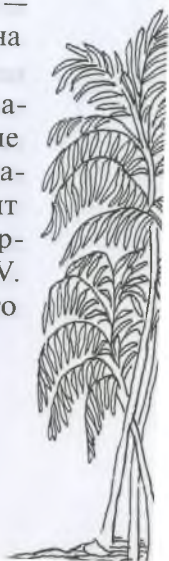
В историческом музее в Виктории я узнал, что последняя из невольниц, освобожденная и высаженная на Сейшелах в самом конце 1860-х годов, умерла лишь в 1956 году. Имя Алис Жафе (или Элис Джэфет) ей дали англичане, а до этого она звалась Атикулой. О себе Алис, она же Атикула, знала лишь то, что она родилась на «Большой Земле», где члены враждебного племени похитили ее у родителей и продали арабским работоторговцам.

Освобожденные африканцы были родом из разных районов Восточной Африки, они довольно быстро утратили свои собственные языки — их заменил креольский, сложившийся в среде бывших рабов на базе французского. Африканское смешалось с французским, и эта помесь создала не только удивительную культуру островов, но и особую систему верований. Африканское происхождение большинства сейшельцев сказывается и поныне, и вера многих из них в сверхъестественное является тому подтверждением.

Среди рабов могло и не быть профессиональных колдунов, однако в новой обстановке африканцы попытались воссоздать тот институт знахарей, который существовал на их далекой родине.

«То, что здешние знахари заимствовали из католического ритуала, смешалось с языческими обычаями и культурами, которые передавались из поколения в поколение, дав в результате такую гремучую смесь колдовства и вудуизма, что с научной точки зрения она едва ли поддается анализу», — написал миссионер, живший в тридцатых годах XX века на Сейшелах.

Происхождение слова «гри-гри», которым, кстати, называют собирательно все, относящееся к черной магии, не только на Сейшелах, но и во многих франкоязычных странах, точно не известно. Есть мнение, что оно происходит от «Grimoire» — названия книги о заклинании духов, авторство которой приписывают Папе Римскому Гонорию IV. Однако не так-то просто найти связь между книгой такого

рода и обычаями, которые уходят корнями в Черную Африку.

Но каково бы ни было происхождение этого слова, к действию гри-гри на Сейшелах прибегают в случае тяжелой болезни, обращаются как к средству ворожбы и даже тогда, когда нужно выиграть дело в суде или пройти конкурс при устройстве на работу.

По мнению американского социолога Бертона Бенедикта, занимавшегося изучением сейшельского общества в 1960-е годы, черная магия практикуется в тех сферах жизни, где сейшельцы испытывают наибольшую неуверенность. В условиях рабства, принудительного труда и бесправия заклинитель на протяжении многих лет был единственной фигурой, к которой мог обратиться простой сейшелец и доверить свои личные дела. Церковь же, в которой большинство высших постов на протяжении многих десятилетий занимали белые, сейшельцы и поныне воспринимают как нечто инородное.

Дело в том, что, хотя формально все рабы на Сейшелах (так же, как и на соседних Маврикии и Реюньоне) считались католиками (еще с 1685 года во французских колониях действовал введенный министром Кольбером так называемый «черный кодекс», согласно которому каждый раб должен был быть приобщен к христианству), до 1832 года на архипелаге не было ни одного священника, и острова оставались вне сферы влияния церкви.

С середины же XIX века на Сейшелах появились миссионеры, и началось активное соперничество между католической и англиканской церквями. Несмотря на поддержку, которую британские колониальные власти оказывали англиканской церкви, католицизм имел преобладающее влияние: в 1901 году англикане среди верующих на Сейшелах составляли 14 процентов, сегодня их доля сократилась почти вдвое...

Гри-гри на Сейшелах представляет некий субстрат традиционных африканских верований, которые в отрыве от ес-

тественной среды, в инородном окружении и под сильным воздействием господствующей французской культуры подверглись значительным изменениям.

Для европейцев гри-гри — это всего лишь разновидность черной магии; система же связанных с гри-гри верований, имеющих весьма широкое распространение, обычно упускается из виду.

В целом то, что называется на Сейшелах колдовством, схоже с черной магией, практикуемой в Африке. Известный английский африканист Бэзил Дэвидсон так описывает африканских чародеев: «Как правило, магией занимаются почтенные и опытные “врачи”, прошедшие длительную подготовку в качестве подмастерьев и зарабатывающие средства к существованию своим ремеслом, включающим гадание и врачевание лечебными травами. Европейцы обычно называют их “докторами-колдунами”. Иногда в качестве побочного занятия они могут практиковать и магию. В этих случаях они, естественно, хранят свое ремесло в тайне, так же как современный врач скрывает незаконно прописанное лекарство или произведенную операцию».

При возникновении каких-то сложностей и неприятностей в повседневной жизни сейшельцы сначала идут в церковь и обращаются к «христианскому Богу», а в случае болезни — к врачу. Если же это не помогает, то они почти всегда «передают дело» знахарю-чародею.

Чародеев на Сейшелах называют «боном де буа» (если это женщина — «бон фам де буа»), что означает «лесной добряк» или просто «лесной человек», а иногда — «сорсье» («колдун»). Несмотря на то что в 1958 году на Сейшелах был введен специальный закон, запрещающий любые действия, связанные с черной магией, а вместе с тем делающий нелегальными все сопряженные с ней обряды, вера в гри-гри весьма широко распространена среди сейшельцев. Тем не менее говорить вслух о гри-гри, особенно с незнакомыми людьми, сейшельцы не любят.

Поэтому достоверную информацию на эту тему найти весьма нелегко. В архивах Сейшельских островов нет специального досье, посвященного гри-гри. Этой проблемой в свое время — когда Сейшелы еще были английской колонией — пытался заниматься главный сейшельский архивист Арчи Уэбб. Но он привык иметь дело с фактами, а не с досу-жими разговорами. А протоколов, конкретных фактов набралось у него немного. Если вообще что-то нашлось. На вопрос о сверхъестественном лишь единицы готовы были дать письменный ответ. Но у Уэбба появилось такое ощущение, что опрашиваемые просто чего-то боятся, хотя большинство из них были образованными и явно неглупыми людьми.

С этой же проблемой столкнулся и я.

Характерно, что сегодня в официальных изданиях и на официальных сайтах Сейшельских островов информация о гри-гри практически отсутствует или представлена самыми общими фразами.

Самые последние развернутые сведения о гри-гри, которые удалось собрать по публикациям в журналах и книгах, относятся к 1960–1970-м годам.

Мне хотелось понять: неужели гри-гри ушло из жизни сейшельского общества навсегда? Что-то мне подсказывало, что нет — ведь и тридцать, и сорок лет назад о гри-гри не говорили вслух, не обсуждали с посторонними и даже официальные органы затруднялись сказать на этот счет что-то определенное и дать конкретную информацию.

Правда, гри-гри посвящена витрина в Историческом музее в Виктории. Там в качестве предметов, используемых в магических ритуалах, представлены челюсть какого-то животного, рог, колода карт, миниатюрный гробик, набор домино, истрепанная копия «Путешествия пилигрима» Джона Беньяна, католические четки, ножницы, нож, пузырек одеколона...

А подпись гласит: «Многие сейшельцы до сих пор любят обращаться за советом к “боном де буа” и колдуну, продают и используют амулеты, произносят заклинания и глубоко верят в эти заклинания и снадобья...»

Любопытные соображения на этот счет я нашел у известного английского автора многих научно-популярных телефильмов Майкла Берда, который в середине 1980-х писал: «На Сейшелах к гри-гри, местной разновидности вуду, относятся очень серьезно. Официально над этой практикой иронизируют и пытаются ее искоренить, но безуспешно. И это неудивительно, так как большинство полицейских сами глубоко верят в нее». Берд назвал гри-гри «удивительной чертой жизни островов».

Говорят, что, если войти в доверие к таксисту или бармену, они обязательно назовут вам адреса нескольких «лесных добряков».

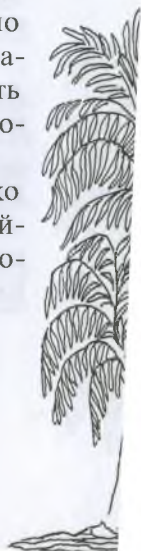
Я пытался расспрашивать о гри-гри многих сейшельцев-креолов. В ответ они, как правило, улыбались, некоторые с удивлением — «неужели вы слышали про это?» — и говорили что-то неопределенное. И было невозможно понять: то ли они не понимают — что это вы, мол, про разные мумба-юмба? — то ли просто хотят уйти от разговора...

Я чувствовал — что-то есть, но что-то почти неосязаемое...

И только один раз у меня вышел разговор о гри-гри — с молодой креолкой Мари-Сесиль.

Разбитная — представляющаяся всем исключительно инициалами Эм-Си, улыбающаяся, кокетливая, полноватая, но удивительно обаятельная, старающаяся выглядеть взрослее, чем есть, и всё знающей, она располагала к разговору на любые темы.

Мы ужинали с ней в ресторане и за вечер о чем только не поговорили: и о ее бой-френде, а теперь муже, и о сейшельской кухне, и о том, как местная молодежь прово-

дит досуг, и о ее увлечениях... она даже пустилась в рассуждения о здешней политике. Причем обо всем говорила откровенно, о своих увлечениях — восторженно, а на мои вопросы отвечала, стараясь быть рассудительной и серьезной, не отказываясь при этом от кокетства, врожденно-го, по моим наблюдениям, качества большинства молодых сейшелок...

Мари-Сесиль, когда мы с ней заговорили о гри-гри, сказала, что сегодня это — скорее часть традиции и культуры, но не практика. Кто-то верит, но сама она — нет.

Но тут же она вспомнила, как еще мать рассказывала ей про старух, которые сидели вдоль дорог и могли наслать порчу на детей, если те огрызались на их замечания.

— И через три дня те умирали, — на полном серьезе сказала Эм-Си. А после паузы добавила: — Все это осталось, висит в воздухе...

Чуть позже эта современная сейшелка, несколько лет проучившаяся в Австралии, активно ведущая страничку на Facebook, обожающая лазанью и Дэна Брауна, поведала, что даже сам бывший президент страны Франс-Альбер Рене был колдуном:

— Как-то, когда он ехал через лес, на него было совершено покушение — машину буквально изрешетили из автоматов, а когда подбежали к ней, оказалось, что в ней пусто...

Это, вероятно, местная легенда — про человека, который правил страной более четверти века и пережил несколько попыток переворота...

Причем, заметьте, президент, о котором ходит эта легенда, — белый! Но я же говорил, что цвет кожи на Сейшелах не имеет никакого значения.

— Здесь достаточно загадочного и необъяснимого, — заключила Эм-Си.

Если католичество — официальная религия большинства сейшельцев, то вера в гри-гри — нечто глубинное, признак их самоидентификации... «Люди гри-гри» — называется од-

на из работ Майкла Адамса. И это не портрет конкретных людей, а собирательный образ сейшельцев. Гри-гри — некая аура, которая окружает и объединяет, невидимо для окружающих, местных жителей, как навсегда соединяет людей общая тайна, которую они никому не могут поведать... Некий знак...

Приезжие едва ли способны почувствовать ее, да и даже знать о ее существовании.

Расскажу о том, что мне удалось узнать и найти — в реальной жизни и в книгах.

«Боном де буа», имеющие хорошую репутацию, обладают довольно широкой клиентурой и принимают в день по несколько человек — за визит берется небольшая сумма в качестве вознаграждения. «Кабинет» знахаря — это отдельная комната в доме либо специальное строение: там он принимает посетителей, там же готовит необходимые гри-гри, там же хранятся зелья и приспособления для гадания.

Обращаясь к «лесному добряку», клиент рассказывает ему суть дела, чтобы тот мог правильно определить средство, которое надо применить в конкретном случае. Он может приготовить специальные снадобья для приворота, для защиты от дурного глаза, от колдовства, для осуществления мести. Все средства, находящиеся на вооружении «боном де буа», можно условно разделить на две группы: «наступательные» и «защитные». Но всегда, прежде чем выбрать необходимое средство или определить причину беды клиента, «лесной добряк» обращается к гаданию.

Сейшельские чародеи обычно гадают на картах, на кофейной или чайной гуще, используют для этого зеркальце или обращаются за советом к гадательным костям, в роли которых выступают кусочки дерева, камешки или семена — совсем как у африканских знахарей.

«Боном де буа» никогда точно не назовет виновника бед своего клиента, а лишь наведет его на размышления, указав

только общие приметы виновника, якобы подсказанные гаданием. Клиент уже сам может заподозрить кого-то из своих соседей или знакомых, кто подходит под приметы, описанные «лесным добряком», и начать ему мстить, прибегая опять-таки к помощи чародея. Правда, если «боном де буа» имеет постоянную клиентуру, которую хорошо знает, то он уже работает как настоящий психолог, иногда довольно верно определяя причину беды клиента.

При повторном визите или сразу после гадания — если случай кажется «лесному добряку» простым — он сразу же приготавливает гри-гри.

Гри-гри — это обычно небольшой пакетик, содержащий снадобье, или реже — пузырек с зельем. В состав снадобья чаще всего входят небольшие камешки, кусочки металла, ракушки, натертая на терке кокосовая скорлупа. А если готовится «наступательное» гри-гри для ворожбы или мести, то оно обязательно будет включать что-то имеющее непосредственное отношение к будущей «жертве» — волосы, кровь, моча, сперма этого человека или земля, по которой он ходит. Чтобы придать гри-гри благородный вид и запах, в него могут добавить обычную пудру или сок диких растений и мед. Несколько ингредиентов «боном де буа» смешивает и растирает в мелкий порошок, а если это жидкость, то сливает в пузырек.

Особенно сильное средство ворожбы имеет следующий «рецепт». Колдун идет ночью на кладбище и берет с собой черного петуха. Он полностью раздевается и ложится на могилу девушки. Лежа, он приносит петуха в жертву, перережая ему горло, выпивает часть крови, а оставшуюся смешивает со спермой. Эту смесь он берет домой, на следующий день высушивает на солнце, а затем размельчает до состояния пудры. Если эта пудра коснется девушки, а лучше будет подмешана в ее пищу, она не сможет устоять перед мужчиной, который «заказал» снадобье.

Готовое гри-гри обязательно должно прийти в соприкосновение с «жертвой», и поэтому по совету чародея порошок

ком тайно посыпается постельное белье либо умывальные принадлежности «жертвы» или хотя бы место, по которому она обычно ходит.

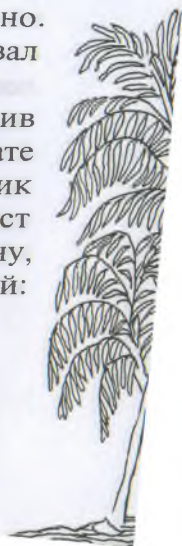
В случае если гри-гри не помогло, «лесной добряк» обещает повторный «прием», уже бесплатно. Его фраза «Успех гарантирован!» прозвучит совсем в духе нашего времени!

Сильнодействующим средством для ворожбы считается кость цыпленка. Ее незаметно кладут под подушку возлюбленной. Поэтому наиболее привлекательные сейшелки чайстенько находят их в своем постельном белье.

Иногда «жертвами» гри-гри становятся судьи и адвокаты, ведущие в столичном суде дела, которые касаются клиентов «лесных добряков». Гри-гри размазывают по ступенькам лестницы, где должен пройти адвокат, либо прячут в зале неподалеку от его места, чтобы повлиять на ход дела и повернуть его в нужную сторону. Иногда в зале суда находят бутылки с клочками бумаги, на которых написано имя судьи. Бутылки заткнуты пробкой, что означает: «судья под контролем».

Однажды юриста, пришедшего в здание суда в сейшельской столице Виктории, у лестницы остановил привратник, который стал просить его не приближаться к месту, где была размазана какая-то кашеобразная субстанция. «Это гри-гри, господин, — сказал привратник. — Если вы наступите на нее, вы не выиграете свое дело». Будучи уверенным, что он поступает правильно, адвокат специально наступил на эту кашу как можно более твердо и уверенно. Слава Богу, он был в полном здравии, когда рассказывал эту историю.

Другой юрист, едва встав с постели, понял, что против него действуют какие-то странные силы. В ванной комнате он обнаружил влагу на кисточке для бритья и то, что тюбик с кремом заметно «похудел». Лишь войдя в зал суда, юрист понял, в чем дело. У колонны он увидел старую женщину, черное лицо которой было обильно покрыто белой пеной:

его крем для бритья использовали, чтобы «поддержать» противную сторону...

На Сейшелах рассказывают, что бывали случаи, когда гри-гри применялись для одурманивания. Служанка или повар подмешивали в пищу своему хозяину специальные снадобья (видимо, из растений, чей сок обладает наркотическими свойствами), которые вызывали у него слабость или ввергали его в невменяемое состояние, дабы легче было подворовывать.

Для защиты от некоторых заболеваний или как профилактическое средство сейшельцы используют специальные амулеты. Так, матери на шею своим детям вешают клык собаки, что, по их мнению, должно ускорить появление зубов. Пожилые сейшельцы носят в мочке уха маленькие золотые кольца, которые будто бы препятствуют ухудшению зрения — вера в такие кольца на архипелаге весьма сильна.

Сейшельцы вообще суеверны и очень опасаются дурных примет. Множество примет у них связано с беременными женщинами. Поэтому местные жители всегда стараются исполнить любое их желание, лишь бы не навести на себя дурной глаз. Читал я про одного европейца, обосновавшегося на архипелаге в 1960-х годах, который никак не мог приучить молодую служанку открывать по ночам окна: та ужасно боялась, что в дом попадут «нехорошие» гри-гри.

У Глинна Берриджа в его книге «Голоса» описано, как обнаруженные на полу ресторана какие-то странные шерстяные комочки буквально парализовали работу креолок — служительниц современного отеля. Рассказ так и называется — «Гри-гри». Для кого-то, не знакомого с нравами Сейшел, этот небольшой рассказ с яркими характерами, живыми диалогами и отличным сюжетом может показаться всего лишь комической пьеской, но никак не зарисовкой с натуры, однако это не так — Берридж, похоже, описал вполне жизненную ситуацию.

Курьезный случай описан в книге англичанина Ф. Д. Омманни «Отмели Козерога». Согласно местным сейшельским поверьям, бутылки, содержащие голубую жидкость или мертвого паука и подброшенные кому-то в дом или в сад, представляют собой грозное «наступательное» гри-гри. И вот рабочие, ремонтировавшие один дом, нашли такие бутылки, спрятанные в одной из комнат. Они прекратили работу и ушли со стройки. Ремонт пришлось приостановить...

Все вышеописанные виды колдовства и знахарства, а также верования, связанные с ними, имеют в целом африканское происхождение и базируются на тех же приемах, что и у народов Тропической Африки, за исключением лишь некоторых элементов, привнесенных белыми колонистами (таких как гадания на картах, кофейной гуще или зеркале). Но по крайней мере один вид черной магии, практикуемой на Сейшелах, был занесен на острова из Европы. Этот вид колдовства называется «Пти Альбер» (или, по-креольски, «Ти Альбер») — «Альберт малый».

Он ведет свое происхождение от «универсального доктора» Альберта Магнуса (1193—1280), который имел репутацию великого волшебника в средневековой Европе. В начале XIX века во Франции издали две книги по черной магии, называвшиеся «Тайны Альберта Великого» и «Тайны Альберта Малого», которые были очень популярны как в метрополии, так и во французских колониях. Написаны они были не самим Альбертом Магнусом, а, скорее, унаследовали его имя.

Ранние французские колонисты завезли на Сейшелы «Тайны Альберта Малого», и в условиях, благоприятных для восприятия черной магии, средневековое колдовство расцвело и дожило до наших дней. У некоторых «боном де буа» эти книги сохранились до сих пор — зачитанные, полуистлевшие. Так, даже в области знахарства проявляются аф-французские корни сейшельской культуры.

Кстати сказать, большинство сейшельских терминов, связанных с этой системой верований, заимствовано из французского языка. Так, наибольшее распространение на Сейшелах имеет вера в «мальфезанс» — зло, злодеяние, силу, воплощенную в абстрактную магическую фигуру «мальфетёра» — злоумышленника, злодея, который часто выступает в различных видах и с действиями которого сейшельцы связывают свои беды, скоропостижную смерть до отпущения грехов и тому подобное. Когда сейшелец считает, что имеет дело с «мальфезансом», он непременно обращается к «боном де буа».

Если болезнь затягивается и носит необычный характер, если человек страдает дизентерией, головными болями, в случае если у него открываются кровотечения или он болен раком — все это знак того, что он подвергся действию «мальфезанса». Смерть, в которой повинны гри-гри, также, по мнению островитян, является делом рук «мальфетёра».

Считается, что людей, умерших подобным образом, в ночь после похорон забирают из могилы четыре «мальфетёра» и превращают в привидения-зомби, которые на Сейшелах называют «додотия» или «дондосия».

«Додотия», не видимая ни для кого, кроме «мальфетёров», уводится в лес, где ему дают мотыгу и заставляют работать. Вера в привидения — одно из самых распространенных верований сейшельцев. Многие рассказывают истории про привидения-додотии, которые закованы в цепи в горных пещерах. Эти истории, вероятно, являются отголосками прошлого, когда во времена рабства хозяева заковывали своих чернокожих рабов в цепи...

Чтобы умерший не был обращен в привидение, его надо «застраховать» от козней «мальфетёров». Согласно преданиям, человек, в смерти которого повинны гри-гри, умирает для Бога только на восьмой день. Поэтому, чтобы «застраховать» умершего, его родственники по совету «сорсье» вы-

кают в тело усопшего семь групп по семь булавок в форме крестов. Еще более надежное средство против «мальфезанса» представляет собой специальная смесь, в состав которой входят семь черных бананов, семь капель воды из цветочной вазы с могилы, кладбищенская земля и... немного мозгов уже похороненного человека, но умершего «чистой» смертью, то есть без гри-гри. Всю эту адскую смесь нужно вылить на могилу перед похоронами, и когда за телом явятся «мальфетёры», они уйдут ни с чем.

«Мальфетёров» можно держать в страхе и при жизни человека. Так, столбы из «мальгашского дерева», вкопанные вокруг дома, — надежная защита от них. «Мальфетёра» можно и хорошенько «наказать» — но только с помощью палки из особого дерева, которое растет высоко в горах: причем «мальфетёра» его лупить нужно снизу, так как он стоит вверх ногами, когда его не видно.

Многие островитяне, особенно рыбаки, верят также в духов моря и другие потусторонние силы...

Исполнение мутии лунными ночами тоже иногда связывают с магическими ритуалами. И, наверное, поэтому, а не только из-за того, что поведение танцующих казалось слишком распушенным и экзальтированным, белые колонисты к мутии относились весьма негативно...

Любопытно, что служащие для аккомпанеента пляскам три барабана: два больших — «пэр» («отец») и «мэр» («мать»), а третий маленький — «баба» («дитя»), полностью соответствуют «оркестру» из трех барабанов, используемых в обрядах вуду на Гаити.

Церковь на Сейшельских островах резко выступает против деятельности чародеев и гри-гри. Но в сознании большинства сейшельцев обе эти системы верований, похоже, прекрасно уживаются между собой. Да и сами «боном де буа» вполне совмещают веру в Христа со своей практикой. Более того, иногда бывали случаи, когда из церквей пропадали различные предметы, используемые при обрядах, а по-

том их находили в арсенале магических средств кого-то из чародеев-«сорсье». А часть ритуалов, связанных с гри-гри, совершается на Сейшелах на христианских кладбищах. Островитяне даже иногда взывают к христианским святым как ангелам возмездия.

Рассказывают о таком случае: однажды воскресным утром, после причастия, к англиканскому архидьякону подошла расстроенная женщина и попросила его помолиться о том, чтобы к ней вернулся муж. Она сказала, что другая женщина подмешала зелье мужу в чашку с кофе и увела его. Таким образом, священник был вовлечен в прямой конфликт с дьяволом, и удача, оказалась не на его стороне. Женщине удалось вернуть мужа лишь тем же самым способом, который был применен против нее самой.

«Возможно, — заметил австралийский журналист Атол Томас, — сейшельцы даже рассматривают священников как белых колдунов».

Белые сейшельцы, как английского, так и французского происхождения, с иронией относятся к практике чародеев. Однако некоторые из них все же немножко верят в воздействие определенных гри-гри. Один англичанин, проработавший на Сейшелах несколько лет, уезжая, заметил: «Я люблю Сейшелы, но, честно говоря, не очень жалею, что уезжаю. Тут всюду полно этих гри-гри...» Еще одна женщина объясняла помешательство своего знакомого действием «одурманивающих» гри-гри. А уже упоминавшемуся Омманни местные старожилы рассказывали, что некоторые белые сейшелки навещают к «лесным людям» за средствами для ворожбы...

Действительно, трудно поверить, но даже образованные дамы на Сейшелах в сравнительно недавние времена клали куриные кости под подушку своих мужей, чтобы те были им верны. Особенно это практиковали уже стареющие дамы. Бывали случаи, когда хозяйка дома нанимала слугу,

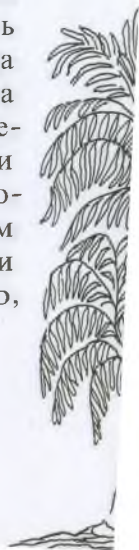
не особенно усердного, но имевшего репутацию хорошего колдуна. Он становился ее доверенным лицом, и она полностью полагалась на его колдовскую силу. Колдун же, со своей стороны, обещал ей, что муж или любовник всегда будут «под контролем». Они-то и советовали класть кости под подушку или матрас и подмешивали привораживающее зелье в кофе или суп мужа.

Сегодня все виды черной магии, практикуемой на Сейшелах, довольно безобидны. Сами «лесные люди» говорят: «Мы делаем людям только добро, зла не приносим», а их деятельность имеет преимущественно психологическое воздействие. Однако в прошлом чародеи частенько использовали «сильнодействующие» средства, и сейшельская черная магия представляла собой более устрашающую силу.

Среди «боном де буа» были и свои знаменитости. Одним из них, вне сомнения, был Шарль Дьялор, известный как Великий Дьялор. Он умер в 1962 году в возрасте девяноста лет. У него была такая репутация, что на Сейшелах до сих пор рассказывают, будто даже врачи, которые не могли точно поставить диагноз, советовали своим пациентам обратиться к нему — «попробовать Дьялора»...

Одна молодая сейшелка рассказывала Томасу о некоторых «рецептах» своего деда, знаменитого «лесного добряка». Она помнила, например, как готовятся гри-гри, с помощью которых можно потопить в море человека.

Для этого нужно взять воду из семи ваз с кладбища, семь стаканов морской воды, семь листьев ладанового дерева (число семь, как видите, имеет магическое значение и на Сейшелах), вылить все это в новую кастрюлю, которую необходимо поставить на огонь из трех палок — причем палки эти можно только сдвигать, но не поворачивать. Когда вода начнет закипать, море станет бурным, а когда она совсем вскипит, то кастрюлю надо вылить на огонь и произнести имя жертвы и название лодки, на которой она плывет. То,

что произошло с кастрюлей, произойдет и с лодкой — она перевернется, и человек утонет.

Помнила они и «рецепт» зловещего гри-гри, с помощью которого, считалось, можно убить человека. Для этого брался кусочек дерева от креста, который используется во время богослужения, другой крест вырезался из жасминового дерева в лесу, собиралось немного песка, по которому ходила «жертва», и все это помещалось в такое место, где жертва обязательно должна была коснуться этой смеси. После этого человек мог заболеть и умереть.

Другой «рецепт» деда этой сейшелки предназначался для того, чтобы стать невидимым. Человеку, пожелавшему превратиться в невидимку, он прописывал поймать черного котенка и держать его у себя семь дней. На восьмой день его нужно было положить в воду и варить до сих пор, пока мясо не отстанет от костей. Затем вымыть кости в ручье и сосать кончик каждой кости, глядя при этом в зеркало. Когда наступит черед определенной кости, человек станет невидимым. Эту кость нужно носить с собой и сосать — никто тебя больше не увидит, кроме «девинёра». «Девинёр» — это доктор, судья, колдун в одном лице. Когда-то он был просто «мальфетёром», но, приобретя много новых навыков, он стал «девинёром», то есть почти волшебником...

Женщина также рассказывала, что ее дед знал, как приготовить гри-гри, с помощью которого можно выманить из моря в любое время сотни черепашек. Но для приготовления такого гри-гри, как и прочих «сильнодействующих» средств, которые, например, могли избавить клиента «лесного добряка» от смерти, не обойтись без частей человеческого тела.

Все обряды, связанные с гри-гри, всегда совершались в большой тайне, если судить по воспоминаниям англиканского священника Дж. Озанна, проведшего несколько лет на Сейшелах в тридцатые годы прошлого века. В то время ритуальная сторона гри-гри была заметна больше и, ви-

димо, практиковалась активнее. Да и сами обряды носили более зловещий, чем ныне, характер.

К рассказам Эм-Си про проклятия старух-колдуний и умирающих через три дня детей я бы отнесся, конечно, только с иронией. Но считается — хотя точного подтверждения этому тоже нет, — что раньше на островах случались ритуальные убийства людей. Слушая ее, я вспомнил, что в анналах Сейшельских островов можно найти свидетельства того, что еще в пятидесятые годы прошлого века в отдаленных деревушках исчезали дети, а потом находили их распотрошенные тела — об этом сообщает Озанн.

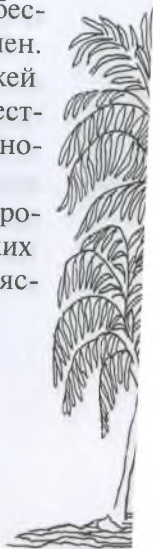
На небольших изолированных от окружающего мира островах, где нет ни хищных животных, ни преступности, это действительно очень странно и трудно объяснить.

А пропавшие, было, собаки возвращались с выколотыми глазами. Свидетельства о происшествиях с несчастными собаками оставила некая мисс Халкетт, которая несколько лет содержала приют для бездомных собак в Сан-Суси на острове Маэ.

В архивах нет прямых указаний на то, что все это имеет отношение к гри-гри, но местная молва подобные случаи связывала с тайными ритуалами и обрядами, которые проводили знахари. Впрочем, хотя за сведения об убийцах предлагалось крупное вознаграждение, поймать никого не удалось.

Так, например, в 1933 году на Маэ семнадцатилетняя девушка пошла из района Экзиль в Викторину и исчезла бесследно. В том же году пропала девушка на острове Прален. Через полгода ее расчлененное тело нашли на дне отхожей ямы. Единственное объяснение, которое этим происшествиям нашли сейшельцы, — девушки стали жертвами тайного культа.

Однажды произошла и такая страшная история. Скоропостижно умерла женщина-креолка. Расследования в таких случаях на Сейшелах редки, и ее так и похоронили без выяс-

нения точной причины смерти. В ночь после похорон гроб кто-то откопал, тело несчастной разрезали, а сердце вынули. Что это было — колдовской ритуал или месть, — так и не выяснили. Причем, как считает Озанн, никакой стражник или полицейский не стал бы мешать колдунам — столь велик был страх перед чародеями.

В 1954 году на севере Маэ похитили трехлетнего мальчика, а затем на холмах около Анс-Этуаль на утро после полнолуния нашли его голову. Часть мозга отсутствовала, а трава вокруг места ужасной находки была примята, как если бы люди там принимали участие в какой-то церемонии. Была объявлена награда в 500 рупий — по тем временам для сейшельцев немалая сумма — в качестве награды за любую информацию об убийцах. Но следствие зашло в тупик.

В 1959 году, менее через год после выхода закона, запрещающего гри-гри, на том же самом месте были найдены останки пожилой женщины, пропавшей за несколько дней до этого. У нее вырезали несколько костей, а голова была размозжена... Как и в предыдущем случае, виновников не нашли.

«От местных жителей в этом смысле не стоит ждать помощи. Все они в ужасе от гри-гри, — писал Озанн. — Причем этот страх распространяется и на весьма современную и образованную прослойку здешнего общества. Люди, которые называют себя “европейцами”, столь же опасаются гри-гри, как и их слуги...»

Самую широкую известность получила в 1925 году смерть швейцарского миссионера отца Теофила, который был непримиримым противником знахарей.

Однажды утром его с проломленным черепом обнаружили в ущелье в восточной части острова Маэ. Полиция провела расследование, и экспертиза пришла к выводу, что тридцатилетний священник просто оступился, когда шел в темноте по горной тропе. Но жители островов думали

иначе: они были уверены, что дело не обошлось без колдовства.

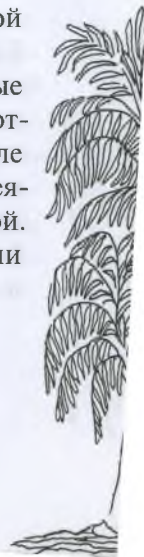
В Виктории несколько дней было беспокойно. Жители города и окрестностей требовали ареста нескольких наиболее известных «боном де буа» и прямо указывали на «лесного добряка» Большого Луи, который жил неподалеку от места, где погиб отец Теофил. В Виктории распространили петицию, подписанную многими знатными горожанами (среди них был епископ католической церкви), в которой требовалось арестовать трех чародеев, включая Большого Луи, а также нескольких полицейских, проводивших расследование — те, будучи протестантами, якобы сочувствовали «лесным добрякам»! Чтобы успокоить народ, пришлось Большого Луи без каких бы то ни было оснований посадить в тюрьму.

Несмотря на то что с момента гибели отца Теофила прошло более восьмидесяти лет, сейшельцы помнят эту историю, и большинство уверено, что несчастный случай был ни при чем...

В любом случае эта история наглядно демонстрирует, насколько глубоко укоренилась у сейшельцев вера во всемогущество «лесных добряков» и оккультные силы. Поэтому официальный запрет на колдовство в 1958 году никак нельзя отнести к разряду курьезов.

По мнению все того же Канти, это было сделано для того, чтобы отобрать у «лесных людей» хотя бы часть влияния. Особенно тут постаралась церковь, которая имела большой вес в колонии и всегда негативно относилась к гри-гри.

Запрет поставил колдовство и все действия, связанные с черной магией, вне закона. И хотя колдуны подвергаются уголовному преследованию (в первое десятилетие после введения закона в 1958 году было заведено шесть дел), деятельность «боном де буа» в целом не стала менее активной. Просто, оказавшись под запретом, местные чародеи ушли в глубокое подполье.

Но ничто человеческое им не чуждо, и из-за этого они порой попадают под карающую руку закона. Один человек, скопивший крупную сумму денег, решил ее увеличить, не прилагая со своей стороны никаких усилий. Он обратился к колдуну, который посоветовал ему пойти после наступления темноты в определенное место в лесу, захватив с собой все накопленные наличные. Придя на нужное место, следовало произнести заклинание, которому научил колдун. Вслед за этим должен был появиться большой зверь («гросс бибет») и поспособствовать удвоению принесенных денег.

Доверчивый сейшелец выполнил все инструкции: пошел в темноте в лес с холщовой сумкой, набитой деньгами, и на указанном месте дрожащим голосом произнес заклинание. В этот момент жуткое существо с пылающими глазами появилось из-за деревьев и с воем бросилось к нему. От страха он бросил свою сумку и кинулся наутек.

Оправившись от испуга, бедняга поспешил в полицию, которая произвела обыск в доме колдуна и нашла у него деньги. В итоге «лесной добряк» был арестован за обычный разбой и получил два года исправительных работ.

В последнее время наметилась интересная тенденция: многие чародеи перебираются с Сейшел в Африку и на Мадагаскар. Там нет законов против колдовства, да и народ по-доверчивее, чем жители архипелага, быстро приобщающиеся к благам цивилизации.

Есть и такая сторона деятельности «боном де буа», которая вполне законна, и познакомиться с ней при желании может всякий.

Очень часто к «лесному человеку» обращаются как к обычному доктору. Если сейшелец заболевает, то в первую очередь идет к профессиональному медику. Но если болезнь долго не проходит или случай особенно тяжелый и необычный, то он отправляется за советом к «боном де

буа», который среди прочего выступает в роли знатока трав и растений.

— Среди «боном де буа» есть лекари, и порой они лучше, чем профессиональные врачи, — говорила мне Мари-Сесиль...

В арсенале сейшельских чародеев — листья деревьев и кустарников, корни, побеги, которыми, приготовив их в различных видах, они лечат корь, грижу, болезни печени, диабет, паралич, астму, помогают избавиться от прыщей и глистов.

Листья так называемого «мальгашского дерева» используются в качестве сильного противоядия, катарантус, или барвинок, считается средством от диабета и глистов, а отвар его в роме применяется при лечении астмы. Припарками из корней папайи лечат паралич, а против абсцесса используется отвар корней растения, именуемого на Сейшелах «ночная красавица». Лимонное сорго считается популярным средством от лихорадки.

«Лесные люди», знакомые с целебными свойствами дико-растущих трав и деревьев, располагают своими средствами также от дифтерита, сыпи и многих других болезней и недугов. Случаи, когда рецепты, прописанные «боном де буа», оказываются весьма действенными, не так уж нередки — целебные свойства многих растений, применяемых ими, были подтверждены современной медициной.

Кстати, в Виктории уже не раз проводилась ярмарка «продукции» местных лекарей, где были широко представлены целебные растения и лечебные средства на основе природных ингредиентов, которые могут заменять обычные лекарства.

Причем цель ярмарок не скрывалась: с одной стороны, познакомить людей с широким выбором положительно зарекомендовавших себя лекарств и способов лечения, а с другой — противопоставить имеющих лицензию лекарей колдунам, практикующим гри-гри.

На Сейшелах даже есть Ассоциация по пропаганде комплиментарной медицины, то есть медицины, сочетающей в себе традиционные и альтернативные методы. И ее глава Барри Лейн считает, что необходимо, чтобы люди видели различия между легальными способами лечения с использованием природных средств и опасными ритуалами: «У нас на Сейшелах есть множество природных лечебных средств и талантливых лекарей, и надо, чтобы они работали на пользу людям. Например, сейшельцы использовали барвинок мадагаскарский для лечения лейкемии задолго до современной западной медицины. Время работает против нас, если мы хотим спасти и сохранить это наследие. Наша задача разделить гри-гри и лечебную медицину».

В общем, врачевание с использованием местных трав и растений на Сейшелах процветает, и лекари-травники работают вполне легально.

Я был у одного из них. Его адрес и телефон, кстати, можно найти в местных «Желтых страницах». Он живет в горах на юго-западе Маэ, среди плантаций бананов и сахарного тростника. А на дороге перед поворотом к его дому стоит табличка — «Фердинан Видо, лекарь-травник».

Видо 1933 года рождения, но выглядит моложе. Он креол, причем, возможно, в его жилах течет и китайская кровь. Он не знает английского — редкий случай на Сейшелах — и говорит только по-креольски и по-французски. Во французской ботанической и медицинской лексике я не очень силен — и разговоривать нам помогал водитель Жан-Марк.

Дом у Видо небольшой и небогатый. Но вполне аккуратный, и в нем есть несколько отдельных комнат, где он высушивает травы, готовит лечебные средства и принимает посетителей.

Своих пациентов Видо лечит, используя целебные свойства различных растений, усиливая эффект внушением. Например, отвар из листьев корицы он рекомендует как жаропонижающее средство, а отваром коры коричневого дерева лечит

от диабета. Причем он говорит, что очень большое значение имеет доза — нарушать ее нельзя. У него немалая клиентура — в день бывает до двадцати человек, и есть даже часы приема.

К нему обращаются женщины, переживающие менопаузу, молодые люди советуются по поводу стрессов, часто приходят те, кто страдает каменной болезнью.

Многие его рецепты прошли научное тестирование, и их лечебные свойства получили подтверждение. Жаль, что большинство трав, корешков и плодов он знает лишь под местными креольскими названиями, и дать их научное наименование нет возможности.

Видо утверждает, что свои познания почерпнул не из книг или опыта, они явились ему как видение, вещий сон, когда он как-то давно серьезно и долго — почти семь лет! — болел. Травами он тогда самостоятельно и вылечился. Потом ему были видения и о других растениях, которые он применяет для лечения. Он знает, где они растут.

Фердинан Видо делит все недуги на два вида: на болезни, возникшие естественным путем, и те, которые нам навязаны.

Он не скрывает, что ему ведомы не только внушение, но и более сильнодействующие магические приемы, но в своей практике он их не использует. Потому что и сам не хочет. И запрещено...

Похоже, говорить на эту тему с журналистом ему не очень хотелось. Да и стоит ли признаваться в том, что уже полвека занимаешься практикой, которая уже как полвека находится вне закона?..

— А магии где научились? — спросил я.

— По книгам, — ответил Видо.

Правда, вместо книг он показал ящички с мелко нарезанными сухими листьями, а также китайского божка, которого ему подарил старый лекарь на Маврикии.

Ведь он общается со своими коллегами не только на Сейшелах, но и на Маврикии и Реюньоне.

— На Мадагаскаре тоже есть лекари, но я с ними не очень дружу — они могут принести вред, — добавил он.

А я вспомнил слова Мари-Сесиль, которая сказала мне, что из-за запрета многие колдуны разъехались с Сейшел на соседние острова, где практикуют и поныне...

Многое из того, что говорил лекарь, не стыковалось одно с другим.

И что за внушение он практикует?

Впрочем, я несколько не сомневаюсь в том, что он действительно хороший лекарь и его лечение приносит пользу.

Уходя от Видо, Жан-Марк купил у него гроздь бананов. Бананы на Сейшелах — повсюду. И на мой, не тропический взгляд — они все примерно одинаковые. Видимо, эти были особенно хороши или — очень дешевы. Я подумал, что примерно так мы картошку в деревне покупаем, возвращаясь в Москву... А может быть, бананы от знатного лекаря обладают какими-то особыми свойствами?

Я подарил Видо на прощание хохломскую расписную ложку.

А тут, недавно вспомнив про это, подумал: может, она заняла свое место в арсенале Видо рядом с китайским божком? На Сейшелах хохлома — более чем экзотика и может выглядеть не менее таинственно и магически, чем какой-нибудь вудуистский амулет в руках московской ясновидицы или гадалки...

В поисках нового Бергена и «Кенигсберга»

Самая отдаленная часть Сейшел как государства — остров Альдабра. Он лежит в тысяче километров к юго-западу от Маэ.

Но одновременно это и довольно известная часть мира: Альдабра — второй по величине атолл на планете.

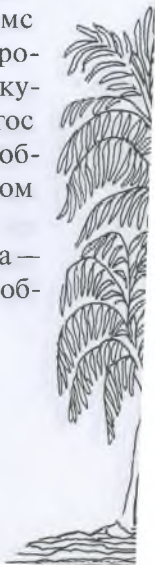
Водное пространство огромной мелководной лагуны атолла площадью около двухсот квадратных километров (самой большой в мире!) — ярко-зеленого цвета. Вода имеет столь интенсивный цвет, что отражается даже... в облаках, подкрашивая их снизу зеленым...

Древние арабские мореходы, вероятно, первыми открыли этот коралловый остров, «подкрашивающий» снизу висящие над ним тучи, и назвали его, естественно, «зеленым», что, собственно, и означает Альдабра.

Как арабское имя попало в португальские, а затем и другие европейские лоции, точно неизвестно. Но долгие годы атолл с огромной лагуной посередине, с обилием плавающей и летающей живности, но с полным отсутствием пресной воды и плодородной почвы мало интересовал французских, а затем и английских колонистов. Вместе с другими островами западной части Индийского океана (кроме Реюньона) он от французов перешел Англии и управлялся, как и Сейшелы, с Маврикия, а с начала XX века, когда Сейшельские острова были выделены в самостоятельную колонию, вошел вместе с островами Фаркуар и Амиранты в ее состав. Это почти никак не сказывалось на судьбе атолла на протяжении нескольких десятилетий.

Но уже в 1960-е годы, когда вовсю шел процесс деколонизации и по всему миру нарастало противостояние двух систем, а в Индийском океане возникла угроза появления коммунистов, за продвижением которых должен был проследить, как мы помним, направленный сюда Джеймс Бонд, англичане озаботились судьбой небольших островов. И в 1965 году выделили из состава Сейшел Фаркуар, Дерош и Альдабру, а из Маврикия — архипелаг Чагос с главным островом Диего-Гарсия, организовав новое образование ВЮТ — Британские Территории в Индийском Океане.

В принципе цель этого политического хода была ясна — создать на одном из этих островов посреди океана, приоб-

ретшего вдруг немалое военно-стратегическое значение, военную базу, которая контролировала бы коммуникации на огромном водном пространстве.

Но тут у сейшельских политиков, требовавших в преддверии независимости вернуть суверенитет над отторгнутой территорией, нашлись сторонники из числа «зеленых». Тогда, в те годы, в политическом лексиконе такого понятия еще не было, но в контексте «зеленой» Альдабры оно очень уместно.

Дело в том, что атолл — помимо того, что он один из крупнейших в мире, — имеет еще и потрясающую экосистему: это и уникальные гнездовья морских птиц, и, конечно же, естественная среда обитания гигантских черепах. Конечно, и тех, и других человек тревожил уже не раз, но природная среда здесь все-таки сохранилась в виде, близком к первозданному, и взлетно-посадочная полоса для тяжелых бомбардировщиков или причалы для крейсеров-ракетоносцев могли разрушить ее раз и навсегда...

Трудно сказать, чьи аргументы повлияли на решение вопроса: экологов, политиков, требующих деколонизации и уважения прав коренных народов, или натовских экспертов, которые изучали дело с практической точки зрения, как за несколько десятилетий до них генерал Гордон на острове Прален, — но военную базу решили создать на острове Диего-Гарсия, а Альдабру с островами Фаркуар и Дерош вернуть Сейшелам, что и произошло в момент провозглашения их независимости в 1976 году.

С тех пор Альдабра и является особой охранной природной зоной, заповедником, а с некоторых пор и объектом особого внимания ЮНЕСКО.

Четыре труднопроходимых канала связывают лагуну с океаном. В часы приливов и отливов по ним устремляются мощные потоки, грозя большими неприятностями зазевавшимся пирогам и шхунам. По наблюдениям экспедиции Жака-Ива Кусто на «Калипсо», скорость течения в одном из

проливов достигала пятнадцати узлов — более двадцати пяти километров в час.

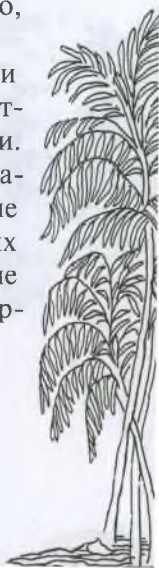
В отлив осушается до двух третей лагуны, и на обнажившихся отмелях бродят тысячи птиц, выискивая добычу. Высота прилива здесь достигает 2,7 метра!

Проливы-каналы делят Альдабру на четыре сегмента. Самый большой из них — серповидный Южный остров — протянулся с запада на восток более чем на тридцать километров. Здесь, на этом главном массиве суши атолла, и пасутся в основном десятки тысяч гигантских слоновых черепах. Северную часть кольца образуют остров Западный (размером четыре на три километра), Полимни — самый малый из всех — и узкий, длинный, почти двадцатикилометровый Малабар (Средний) — пристанище огромных птичьих колоний.

Лишь в немногих местах есть пляжи и удобные для высадки бухты. Большая часть берега — источенный волнами и ветрами известковый уступ из отмерших кораллов, иногда даже нависающий над водой. Средняя высота атолла над уровнем моря — восемь метров.

Приметой Альдабры служат грибовидные образования, возникшие из приподнятых глыб кораллового известняка. Их основания изрядно размыты волнами, а нетронутая верхняя часть сохранилась в виде гигантских, иногда в несколько десятков метров, плоских «шляпок», покрытых порой густым кустарником. Забраться на такой «гриб» очень трудно, и чаще всего они служат для птичьих гнездовий.

Ровную поверхность имеет меньшая часть атолла. Эти равнины, высланные гулко звучащим при ходьбе известняком, усеяны, как большими булыжниками, черепахами. Почти все жаркое время дня огромные рептилии пребывают в тени деревьев и кустарников. По утрам и в вечерние часы животные пасутся. Стараясь дотянуться до зеленых веток, они взбираются иной раз друг на друга, некоторые заходят в лагуну и кормятся водорослями... По пример-

ным подсчетам, на атолле живет более 100 тысяч гигантских черепах!

Гигантских черепах на Альдабре научились использовать в своих целях бронзовые гекконы, известные на Сейшелах как «лезар вер» — «зеленые ящерицы» в переводе с креольского. Гекконы, сидя на панцире, охотятся на мух, привлекаемых запахом черепахи...

Помимо черепах и гекконов на Альдабре огромное количество птиц.

Вот, например, местный пастушок, известный под креольским названием «тьёмитьё». Оно, как считают, пошло из языка суахили и означает «воришка»: пастушок имеет привычку красть мелкие предметы. Из кустов, где он обычно прячется, его выманывают, постукивая двумя костями.

Или вот еще мадагаскарская цапля, которая гнездится только на Мадагаскаре и Альдабре, где промышляет крабов в лагуне, египетская цапля — тот самый священный ибис, который очень любопытен и смело подходит к людям, розовый фламинго — наоборот, очень робкий и держущийся от человека на почтительном расстоянии...

На Сейшелах нет колибри, но нектар из цветущих кустов собирают похожие на них нектарницы, которых креолы как раз и называют «колибри», хотя на самом деле они родственницы синиц. Нектарницы широко распространены почти на всех островах, и их можно видеть даже в Виктории.

На Альдабре имеется крупная колония красноногих олушей. Эти птицы служили, да и сейчас служат, главным «поставщиком» гуано. Некоторые мелкие острова одно время жили практически одним сбором гуано. За пять лет тысяча олушей производит пять тонн гуано. Но, слава Богу, этот промысел, по крайней мере в широких масштабах, не затронул Альдабру.

Удивительная особенность Альдабры — это одно из редких мест на земле, где вместе обитают и гнездятся как морские, так и местные тропические птицы...

Лагуна атолла — одно из природных чудес света, ее пернатые, рептилии и вообще вся экосистема считаются достоянием не только Сейшел, но и всего человечества и, естественно, строго охраняются...

Но должен признаться: никакие природные диковинки, самые ценные для биологов, орнитологов и прочих ученых, изучающих живой и неживой мир нашей планеты, не интересуют и не волнуют меня так, как исторические перипетии, хитросплетения и судьбы людей.

И поэтому, отдавая должное ценности Альдабры как природного феномена, мне гораздо ближе два исторических эпизода, связанных с атоллом. Причем оба кажутся невероятными, а один так даже курьезен...

И не удивляйтесь: стараясь найти правду и реальные факты, мне пришлось забраться в такое далекое от Сейшел место, как город Берген в Норвегии...

Впрочем, именно там все и началось.

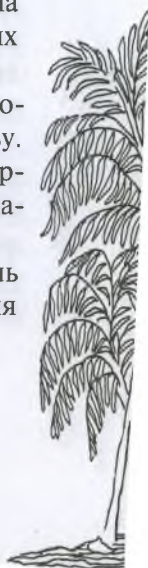
По размаху миссионерской деятельности Норвегия в XIX веке едва ли знала себе равных среди стран с таким же небольшим населением. Норвежские миссионеры работали даже в Южной Африке и на Мадагаскаре.

В 1870-е годы с норвежскими миссионерами на Мадагаскаре тесно сотрудничал капитан Людвиг Ларсен, который вначале перевозил на своем судне их грузы, а затем, занявшись коммерцией, совместно с ними исследовал остров на предмет возможности создания там норвежских торговых факторий.

Тем самым он надеялся не только получить хорошие доходы, но и помочь Норвежскому миссионерскому обществу.

Ларсен приобрел шхуну «Агнес», нанял на западе Норвегии 24 человека и в 1872 году направился с ними на Мадагаскар.

Вскоре норвежцами на Мадагаскаре было создано восемь факторий. Однако условия труда и жизни оказались для

норвежцев слишком тяжелыми. Они были плохо подготовлены к жизни в тропиках, а английская фирма, участвовавшая, как сейчас принято говорить, в «финансировании проекта», через пару лет прекратила свое существование.

Часть колонистов осталась на Мадагаскаре, но большинство их возвратилось в Норвегию.

Но неудачи не остужали энтузиазма норвежцев, стремившихся к освоению новых земель.

Участники экспедиции на «Агнес» во время пребывания на Мадагаскаре слышали от моряков английского военного корабля о лежащих где-то к северо-западу от Мадагаскара необитаемых островах с благоприятным климатом. Можно предположить, что речь шла об атоллах Альдабра, так как других сколько-нибудь крупных необитаемых островов в этой части Индийского океана тогда уже не было. Главное, что заинтересовало норвежцев на Альдабре, — прекрасные, по рассказам, условия для колонизации. Поэтому члены команды Ларсена решили, что, вернувшись в Норвегию, займутся подготовкой новой экспедиции — на Альдабру. Те же, кто остался на Мадагаскаре, обещали, со своей стороны, собрать всю необходимую дополнительную информацию и сделать все приготовления на месте.

Так сведения об Альдабре достигли Норвегии, и вскоре в Бергене началась подготовка к экспедиции на эти, по всей видимости, богатые, но еще никем не используемые острова с целью заселения их и создания у берегов Африки в Индийском океане небольшой колонии под флагом единого в то время Королевства Швеции и Норвегии.

Чтобы понять, как удалось привлечь людей к этому довольно фантастическому и рискованному предприятию, необходимо представить себе обстановку в Норвегии тех лет.

Норвегия тогда испытывала затяжной экономический кризис. Находившиеся в наиболее бедственном положе-

нии норвежцы покидали родину в поисках лучшей доли на чужбине.

Начавшаяся еще в тридцатые годы XIX века эмиграция в шестидесятых годах стала наиболее активной. В последние десятилетия XIX века — в начале XX века страну ежегодно покидало 14—19 тысяч человек. А в одном только 1882 году эмигрировали свыше 30 тысяч норвежцев. Лишь Ирландия среди европейских стран могла сравниться с Норвегией по уровню эмиграции.

По примерным подсчетам, с 1836 (начало эмиграции) по 1915 год из Норвегии выехали около 750 тысяч человек. Основной поток норвежцев направлялся в США. В 1910 году только в США насчитывалось 400 тысяч урожденных норвежцев и 900 тысяч граждан США норвежского происхождения, чьи родители были норвежцами. В Миннесоте я бывал в сельских районах, где до сих пор выходцы из Норвегии составляют большинство населения.

Но ехали норвежцы и в Австралию, привлеченные «золотой лихорадкой», и в Новую Зеландию, и на острова Тихого океана, и в Латинскую Америку. Ехали повсюду, где можно было пахать землю, валить лес и заниматься морским промыслом...

Неудивительно поэтому, что к предприятию, ставившему целью колонизацию Альдабры, совсем нетрудно было привлечь значительное количество людей, хотя не только будущие эмигранты из западной Норвегии, поддержавшие эту идею, но и сами организаторы экспедиции не совсем еще точно представляли, куда они направляются.

Кто только не откликнулся на призыв принять участие в этом предприятии! Тем более что в качестве единственного условия ставилась принадлежность к христианской вере и готовность распространять ее на колонизируемой территории: колонизация задумывалась во взаимодействии с Норвежским миссионерским обществом. Колонисты также должны были быть хорошими тружениками и опытными

лесорубами, поскольку наряду с развитием земледелия на островах предполагалось начать заготовку леса с целью продажи лесоматериалов в британскую колонию Наталь в Южной Африке, где за них хорошо платили.

Для покупки судов, необходимых для транспортировки колонистов на Альдабру, а затем и для последующих торговых перевозок в Южную Африку и на Мадагаскар, требовалась крупная сумма. А вряд ли стоит говорить, что большинство будущих колонистов были бедны. Однако им все же удалось сколотить небольшой капитал, и в 1879 году за 11 600 норвежских крон они купили почти новое судно «Дебора».

19 июля того же года, имея на борту 27 пассажиров в возрасте старше четырнадцати лет, 13 детей и 16 человек команды, «Дебора» вышла из бергенской гавани и отправилась в долгое путешествие к берегам Юго-Восточной Африки. Среди взрослых участников путешествия пятеро были «ветеранами» экспедиции на «Агнес».

17 октября, после трех месяцев пути, «Дебора» бросила наконец якорь в Тулеаре (нынешнее название — Тулиара) на юго-западном побережье Мадагаскара. Там колонисты собирались передохнуть, получить необходимую помощь и более подробные сведения об Альдабре.

В Тулеаре колонистов встретили норвежские миссионеры. Они отслужили молебен по поводу их прибытия, крестили двоих детей, родившихся во время морского перехода, и провели обряд конфирмации двенадцати подростков. А потом колонистов ждало разочарование.

Необходимые для продолжения экспедиции приготовления сделаны не были. Но главное, оказалось, что остров Альдабра, а точнее, группа атоллов, совсем не годился для колонизации. Атоллы, как мы уже знаем, представляли собой поросшие редкими зарослями пустынные известковые скалы, на которых почти полностью отсутствовала пресная вода. К тому же совершенно неожиданно для себя норвеж-

цы с «Деборы» узнали, что еще с 1810 года острова находят-ся во владении британской короны и входят в состав ко-ролевской колонии Маврикий. Так что, кроме природных препятствий, имелись и препятствия политические — бы-ло просто невозможно объявить Альдабру норвежской ко-лонией.

Потратив две недели на обсуждение ситуации, норвежцы отказались от идеи плыть на Альдабру, и экспедицию реши-ли распустить.

Большая часть колонистов вновь погрузилась на «Дебо-ру» и отправилась в Дурбан — искать счастья в Южной Аф-рике.

На Мадагаскаре остались шестнадцать человек, которые нанялись на службу к Ларсену и норвежским миссионерам. Лишь единицы из несостоявшихся колонистов в конечном итоге вернулись на родину и закончили жизнь в Бергене.

На этом рассказ об экспедиции на Альдабру, казалось бы, заканчивается, и здесь можно было бы поставить точку, ес-ли бы эта история не оказалась связана с нашими днями — откликами на нее в литературе.

Дело в том, что экспедиция на «Деборе» привлекла к се-бе в свое время значительный интерес, причем не только в Норвегии.

Например, гамбургская газета «Бёрсенхалле» в двух круп-ных статьях подробно описала подготовку и ход экспеди-ции. И вышло так, что в Германии с легкой руки этой газеты колонизация норвежцами Альдабры стала рассматривать-ся как свершившийся факт. И уже в 1886 году в вышедшей в Лейпциге книге Р. Хартманна «Мадагаскар и Сейшель-ские острова, Альдабра, Коморы и Маскарены» упомина-ется о «норвежской колонии на Альдабре».

Со временем же эта история, впрочем, как и многие дру-гие, окруженные ореолом романтики, еще больше оброс-ла легендами. Так, американский автор Джеймс Парсонс, опираясь на публикацию в солидном немецком географи-

ческом журнале «Петерманнс миттайлунген», рассказывает не только о плавании «Деборы», но и... о высадке норвежцев на атолле.

Изложение книги Парсонса в 1967 году появилось в сейшельской прессе, и это способствовало укоренению легенды на местной почве. В 1970 году английский журналист Тони Бимиш, побывавший на Альдабре, даже пытался найти там следы «исчезнувшей» колонии норвежских рыбаков и лесорубов, почему-то называя их еще вдобавок ко всему «коммунистами». «Кажется, они исчезли без следа. Чем окончился их замысел — неизвестно...» — написал он в своей книге.

Да и сейчас еще время от времени можно встретить информацию о «не оставившей следа норвежской колонии» на знаменитом атолле.

Другая необычная история, связанная с Альдаброй, тоже смахивает на легенду, но сказать, что в ней правда, что вымысел, я не берусь.

В годы Первой мировой войны у берегов Восточной Африки пиратствовал немецкий легкий крейсер «Кёнигсберг». Британцы организовали за ним настоящую охоту. Но он рейдерствовал в открытом океане и редко заходил в порты. Он даже углем загружался в море. Однажды, как можно прочесть в некоторых изданиях, он ожидал вспомогательное судно-снабженец «Сомали» в районе Альдабры, но ненастная погода не позволила перегрузить уголь на открытом рейде.

Тогда они дождались высокой воды и зашли в лагуну. «Кёнигсберг» взял более двухсот тонн угля и продолжил свои рейды против судов Антанты.

Согласно другим источникам, «Кёнигсберг» как-то раз вообще, уходя от преследования английских военных кораблей, спрятался в лагуне Альдабры и находился там целых два месяца!

Ныне более или менее крупные суда не заходят в лагуну — это считается слишком опасным, хотя главный проход — Мэйн-Чэннел — судоходен; его ширина с полкилометра, а средняя глубина около десяти метров и в некоторых местах доходит до двадцати. Но мощное и очень быстрое течение во время приливов и отливов делает заход в лагуну весьма рискованным, и лишь редкие смельчаки отваживаются на это. Пролив нужно проскочить по спокойной воде: если зазеваешься — гибель судна почти неминуема. Ну а как же «Кёнигсберг»? «Тогда была война», — отвечают сейшельские моряки... Кстати, многие из них верят в историю с немецким крейсером, прятавшимся в лагуне атолла.

История красивая. Но если проследить документально зафиксированные походы «Кёнигсберга» в Индийском океане, рискованный заход в середину атолла нигде не упоминается. Да, он встречался с «Сомали» у его берегов и не смог загрузиться углем; тогда оба судна двинулись к восточноафриканскому побережью, где тоже прошли узким и опасным проходом, но... в дельте реки Руфиджи на территории нынешней Танзании.

За крейсером действительно была объявлена охота, особенно после того, как он потопил в занзибарском порту английскую канонерку «Пегас». Но опять-таки от погони он скрывался в дельте Руфиджи, где и был в конце концов, после ряда морских и сухопутных операций, потоплен англичанами летом 1915 года... Утверждается, что еще совсем недавно заросшие лианами останки крейсера можно было видеть среди болот и джунглей дельты...

Тем не менее в книге американского писателя, специалиста по военной истории Эдвина Хойта «Немцы, которые никогда не проигрывали», посвященной истории «Кёнигсберга» и вышедшей в 1968 году, повторяется история о том, как крейсер скрывался в лагуне Альдабры.

Может, было еще одно немецкое военное судно, которое и заходило в опасную лагуну, но подвиги его капита-

на и команды перенесли на более знаменитый «Кёнигсберг»?

Стоит также добавить, что история немецкого крейсера легла в основу художественных произведений и даже кинофильма и после этого уже совсем мифологизировалась. И историческую правду от вымысла отделить уже практически невозможно...

Что касается меня, то на Сейшелах я многому перестал удивляться...

Вот что пришло мне в голову: если бы норвежцы действительно смогли обосноваться на Альдабре, свое поселение они, возможно, окрестили бы Новым Бергеном, а опасные проходы в лагуну — фьордами. И неизвестно, как бы тогда сложилась судьба «Кёнигсберга»: не предвосхитил бы он участь другого знаменитого немецкого корабля «Тирпица», затопленного союзниками в 1944 году в настоящих фьордах настоящей Норвегии?

Но если уйти от неприемлемого историками сослагательного наклонения и фантазий на темы прошлого, вполне очевидным остается одно: истории с норвежской экспедицией и с «Кёнигсбергом» связаны между собой. В конце XIX — начале XX века Германия явно проявляла повышенный интерес к этому району Индийского океана. Именно этим объясняются и столь пристальное внимание немецкой прессы к плаванию «Деборы», повлекшее рождение легенды о норвежской колонии, и приключения «Кёнигсберга» в водах атолла.

Мечта Тома Бауэrsa

Том Бауэрс оказался одним из тех счастливых людей, с которыми меня свели Сейшелы.

Я знал совсем мало о нем и его творчестве, когда отправлялся к нему на встречу. Несколько строчек в местном гайд-

буке, о том, что это крупнейший сейшельский скульптор, что-то в интернете...

Вопросы были подготовлены накануне — конечно, немного общие... Такие я обычно стесняюсь задавать. Но стоило войти во двор, как все изменилось.

После двух-трех фраз скульптора, после того, как я огляделся, я уже знал, о чем мы будем говорить.

От мастерской Тома Бауэрса в отдалении видно гостиницу, которой владеют потомки корсара Одуля. Дом скульптора спрятался среди тропических зарослей в южной части Маэ...

Наверное, кто-то уже представил себе роскошное бунгало? Но нет, у Бауэрса все очень просто, даже немного запущено. Но уютно. Похоже на подмосковную дачу — если бы не тропическое окружение. Все под открытым небом или под легким навесом, который должен спасать лишь от дождя и уж слишком теплого солнца...

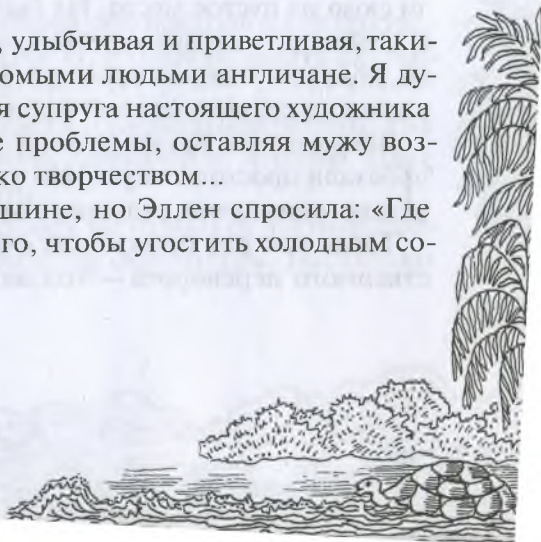
Работа скульптора — как никого из художников — связана с физическим трудом и напоминает пусть маленькое, но производство. Поэтому и мастерская скульптора оправдывает свое название — тот, первый, изначальный смысл этого слова.

По участку расставлены — без особого порядка — скульптуры. Особенно их много под навесом — в мастерской.

Сам Том Бауэрс — пожилой, немного уставший от жизни и, видимо, не очень здоровый человек. Наверное, замкнутый и погруженный в себя. «Интеллигент» — назвали бы его у нас...

Его жена — хлопотливая, улыбчивая и приветливая, такими умеют быть с едва знакомыми людьми англичане. Я думаю, что она как настоящая супруга настоящего художника берет на себя все мирские проблемы, оставляя мужу возможность заниматься только творчеством...

Жан-Марк остался в машине, но Эллиен спросила: «Где ваш водитель?» и позвала его, чтобы угостить холодным соком...

Бауэрс — коренной лондонец. Заниматься скульптурой он начал в семь лет — это было во время войны, в Саффолке, куда Тома вывезли из Лондона от бомбежки. А в Саффолке очень хорошая глина — набирая ее в канаве, он и начал лепить.

Затем было увлечение фотографией, знаменитая художественная школа в Лондоне, где он обучался фотографии и рекламе.

— Гилфорд... Это была лучшая фотошкола в Англии... — говорит Том.

Так он стал фотографом, обзавелся собственной фотостудией и много лет работал в рекламе...

— В моих скульптурных работах виден взгляд фотографа — композиция построена как бы на отражении! — продолжает Том, подводя меня к одной из скульптур: вроде бы пара, но на самом деле это один человек. — Я и сейчас, когда думаю о каком-то образе, перед собой вижу фотоснимок.

Он рассказывает, что ему часто заказывали фото чего-то такого, чего еще не было в работах других мастеров. Приходилось постоянно включать воображение, искать... У него была большая клиентура, множество заказов...

— Проработав двадцать пять лет фотографом в рекламе, очень трудно было это все бросить. Даже сюда первое время сыпались звонки с заказами на съемку.

В разговор вступает Эллен:

— Все говорили, что мы сумасшедшие. Ведь мы переезжали сюда на пустое место. Не было ни друзей, ни знакомых. И Сейшелы — страна «третьего мира». Мы четыре года ждали, пока нам телефон проведут. Но как все меняется! Теперь у каждого сейшельца свой мобильник!

Впервые чета Бауэрсов попала на Сейшелы в 1981 году — приехали просто в отпуск. Но что их тогда больше всего поразило — симпатия, радушие и открытость местных жителей.

Тогда как раз произошла очередная попытка государственного переворота — под видом регбистов и туристов

на острова прибыли южноафриканские наемники под руководством знаменитого Майкла Хора. На Сейшелах действовал комендантский час, после шести вечера нельзя было выходить из гостиницы, были проблемы с продуктами... И гостиничная обслуга — совершенно посторонние вроде люди — приглашала Тома и Эллен к себе домой, хотели накормить, развеселить, помочь...

— Знаете, у нас давно была идея уехать из Лондона, — продолжает Эллен. — Думали перебраться в Северную Англию. Но там мы чувствовали бы себя иностранцами. А здесь мы — как дома! Мы сразу влюбились в Сейшелы!

Том с Эллен приезжали сюда еще не раз, а потом решили начать новую жизнь и обосновались на Сейшелах насовсем...

Здесь Тому и Эллен больше всего нравятся люди — «редкое место на земле, где нет дискриминации, ни расовой, ни социальной, а если нужна помощь, здесь всегда найдутся те, кто поможет».

— Это прекрасное место для жизни и работы, вокруг — бесконечное вдохновение! — говорит Том.

Сюжеты его удивительно изящных работ из бронзы — чисто сейшельские: черепахи, «морские кокосы», фигуры людей — рыбаков, креолок, влюбленных пар. Причем все люди у Бауэрса обнажены.

— Я специально снимаю одежду, — говорит Том. — Так люди становятся «безвременными». Остаются только чувства, эмоции — все то вечное, что не связано с конкретным временем и эпохой.

Том работает только с бронзой: это предпочтение покупателей, так, поясняет он, легче коллекционировать скульптуры.

Оригиналы он изготавливает из специальной резины, а на отливку отправляет в Южную Африку или Англию. Цвет скульптур выбирают клиенты.

Но заказы поступают Бауэрсу не только от частных коллекционеров и просто ценителей скульптуры. Несколько

лет назад его скульптуру — барабан для мутии — установили в саду Национальной библиотеки в Виктории.

— Так неудачно поставили, — качает головой Том. — Взяли и посадили в цемент...

Но я подумал о другом. Ведь гораздо важнее надпись, которая сопровождает его скульптуру: «Искусство нации — живая память ее сознания и души».

Так что с Сейшелами у Тома Бауэрса — взаимность...

Они с Эллен еще много говорят мне о стране, которую выбрали в качестве дома. Об открытости людей, о том, что правительство каждому дает шанс, о том, что у Сейшел чистая репутация для инвестиций... Они даже приняли сейшельское подданство.

Тома Бауэрса, похоже, с современной жизнью — той, которая протекает в объятиях городской европейской цивилизации, — мало что связывает. По крайней мере с 1986 года, когда они с женой окончательно перебрались сюда, они лишь дважды уезжали с Сейшел. Один раз на родину, другой — по делам, в ЮАР.

У них все хорошо. Любимый дом, любимая работа, семья — у Тома с Эллен две дочери.

Так получилось, что тот день у меня был наполнен делами и переездами. На Сейшелах мой «Билайн» не работал, звонки сыпались на телефон Жан-Марка. И он то и дело передавал мне трубку.

Меня ждали на следующей встрече, уточняли время. Торопили и с курорта, где я должен был провести ночь: «Мы бы хотели, чтобы вы приехали пораньше, мы приготовили для вас спа-процедуры...»

Я говорил, что задерживаюсь, какие спа-процедуры? — и так уже не успеваю.

— Какой вы занятый человек! — качала головой Эллен.

Но уезжать очень не хотелось... Было как-то уютно, спокойно, будто оказался у старых друзей или, наоборот, вдруг случайно нашел единомышленников.

Прощаясь с Томом, я спросил, есть ли у него мечта. Он обвел руками вокруг себя и сказал:

— Вот это она и есть.

...Мир гри-гри и самые лучшие в мире пляжи, роскошная природа и пиратские клады — все это сошлось на крошечных клочках суши среди Индийского океана. И сосуществует в гармонии и вполне счастливо, рождая вдохновение у творческих натур...

Ночь совпадений

Много лет тому назад в Бостоне я познакомился с одним американцем — он уверял меня, что в 1976 году летел одним самолетом с Джорджем Харрисоном с Сейшельских островов в Индию. Я не очень поверил ему: в Индию, которая так увлекала битла, ведут и более короткие пути. И, наоборот, никогда бы не вспоминал об этом знакомстве, если бы не оказался на Сейшелах.

...Когда мы ехали с гор после визита к врачевателю-колдуну, водитель Жан-Марк, несмотря на табличку в машине, запрещающую курить, предложил открыть окна и подышать. Мы петляли среди плантаций и густого леса, в окна врывался сырой после только что прошедшего дождя и довольно прохладный — благодаря ветру — воздух, и я курил «Winston», привезенный еще из Москвы, а он — местный «Silhouette».

Даже в сравнении с тихой и провинциальной Викторией юго-западная часть Маэ выглядит патриархальной. Где-то совсем рядом с домиком врачевателя-травника Фердинана Видо, мастерскими Майкла Адамса и Тома Бауэрсера, у бело-снежного пляжа, среди джунглей и скал расположился один из самых роскошных отелей Сейшел «Banyan Tree» («Баньян

три»), где мне предстояло провести свою последнюю ночь на островах.

Точнее, правда, будет сказать, не отель — а виллы, каждая с собственным бассейном и двориком, украшенные внутри экзотическими цветами и наполненные ароматом не менее экзотических благовоний.

Насладиться пребыванием в «Vanuap Ttee» времени не было, до самого вечера предстояли встречи и интервью. Приехали, когда уже стемнело — ночь на экваторе наступает сразу после шести часов. А утром у меня был самолет в Париж. Только успел принять душ и переодеться — надо было идти на ужин с менеджером отеля...

За пару минут до назначенного часа я стоял на ступеньках у входа в ресторан. Ко мне вышла, немного прихрамывая, молодая симпатичная женщина — по виду европейка. Черные брючки, темная кофточка, темные волосы, заправленные за уши. Милая улыбка и скромный, но очень хороший и аккуратный маникюр.

— Мне только недавно сняли гипс, травма, — пояснила она.

Я взял ее под локоток, помогая подняться по ступенькам.

Наверное, со стороны это выглядело забавно: хромали мы оба.

За несколько дней до этого, на Пралене, в «Лемурии» я здорово обжег себе ногу.

Вернувшись тогда после позднего ужина в номер, я обнаружил, что в нем не только уже расстелена постель — это привычная деталь сервиса в хороших отелях, — но и вместо ночника спальню освещают расставленные на полу свечи. Это было очень романтично, и я представил, как должна была бы ощущать себя в такой атмосфере влюбленная пара, прилетевшая на Сейшелы в свадебное путешествие. Но я был один и, отдав должное умению здешнего персонала создать настроение отходящим ко сну, отправился к письменному столу и сел записывать впечатления, накопившиеся за день...

Работу я закончил уже глубоко за полночь и, захлопнув крышку ноутбука, решительно направился к постели.

Спешка, сонливость или неуклюжесть — не знаю уж, что тому виной, но я... наступил на одну из свечей, и жидкий раскаленный воск плеснулся на босую ногу. Короче, романтика кончилась острой болью. И все последующие дни на Сейшелах я сильно хромал. Особенно вечерами, когда «на выход» надевал дорогие туфли...

И вот сейчас я словно глянул на нас со стороны: парочка хромых. Я улыбнулся. Но моя спутница либо не заметила этого, либо, как и положено людям ее профессии, вежливо не обратила внимания...

Натали — я прочел ее имя, прежде чем спрятать ее карточку в визитницу, — совсем не казалась самоуверенной, какими часто бывают менеджеры дорогих гостиниц.

Останавливаясь в таких отелях, не грех спросить у персонала, кто из какой страны приехал — люди, бывает, собираются со всего мира. На Сейшелах, где у местных жителей цвет кожи имеет все цвета и оттенки, а имена могут быть французскими, английскими, индийскими и китайскими, это особенно актуально. Натали оказалась сейшелкой.

Она сказала, что у нее есть примесь индийской и бельгийской крови, тем не менее она — коренная сейшелка.

Я, незаметно для Натали, заглянул в визитницу.

Бог мой — Натали Сави! Сави — это же одна из самых известных и старейших местных фамилий. Один из старейших родов на Сейшелах, ведущий свою родословную от одних из первых французских поселенцев-плантаторов.

Представляете — и тот самый загадочный «гигант», что похоронен на кладбище «Бель-Эр», и мадам Сави, что поведала Крузу-Уилкинсу о кладе Ля-Бюза, — все члены этого рода. Как тесно в этом мире!

Как оказалось, и дед Натали — Харри Сави, тоже был фигурой весьма приметной. Местный магнат, он как-то вы-

играл в покер целый остров — Фрегат, а потом так же легко проиграл его...

Знаменит Харри был еще и тем, что хвастался, будто у него восемьдесят детей по всему архипелагу.

И в это легко можно поверить, так как нравы на Сейшелах достаточно простые, несмотря на то, что столица страны носит имя королевы Виктории, время правления которой считается образцом пуританской морали...

Конечно, не значит, что все Сави — одна семья.

Незаконнорожденные дети — их тут и сейчас немало, а во времена рабства, когда белых женщин на Сейшелах был дефицит, они составляли едва ли не большинство, — брали фамилии своих белых отцов.

Похоже, в семье Натали свою родословную весьма берегут, как и память о своих французских корнях.

Когда я спросил ее, на каком языке она говорит повседневно — мы-то общались с ней по-английски, она ответила, что на креольском, но тут же добавила:

— Но мама дома разрешает говорить только по-французски...

Мы ужинали в ресторане отеля, и после некоторых дежурных фраз разговор становился все более непринужденным.

Я узнал, что Натали до «Vanuap Tree» одно время работала в туризме в Австралии. Там живет, работает и учится довольно много сейшельцев... Это я уже знал, так что не удивился.

Не удивился я и тому, что по работе она регулярно ездит в командировки в Европу.

А вот отдыхать она ездит в Африку — на сафари в Кению, ЮАР, Намибию и Ботсвану; как она призналась, «любит экзотику и экстрим».

Хотя какая уж там экзотика по сравнению с Сейшелами?!

Вспомнив недавнее общение с молодой креолкой Мари-Сесиль, рьяной поклонницей Дэна Брауна, я заговорил о литературных пристрастиях. Я стал нахваливать недавно открытого мной нобелевского лауреата Джона Кутзее и осо-

бенно его роман «Осень в Петербурге» о Достоевском. Натали внимательно слушала и изредка брала в руки мою карточку и делала на ней пометки.

Эта милая молодая женщина казалась мне все более обаятельной, и вскоре у меня было такое ощущение, что у нас не официальная, протокольная встреча, а ужин просто недавних знакомых — мужчины и женщины...

— А вы женаты? — спросила она.

И мне показалось, что она как-то расстроилась, нет, немного разочаровалась, услышав положительный ответ. Нет, конечно, мне только показалось...

Я просто вспомнил в тот момент совершенно незначительный эпизод из «Пригоршни праха» Ивлина Во. Главный герой романа, отправляясь из Англии в свое дурацкое и безысходно-трагическое путешествие в Южную Америку, на борту парохода знакомится с молодой женщиной — тоже французских кровей, тоже из старой плантаторской знати, только одного из карибских островов, тоже перешедших под власть Англии. Между ними возникают симпатия и взаимный интерес, но все тут же сходит на нет по инициативе девушки, когда та узнает, что мужчина женат... Старое строгое католическое воспитание...

Меня почему-то поразил в свое время этот эпизод и остался в памяти... И вот сейчас — к месту или не к месту — все всплыло.

И еще я подумал — не в первый раз, — что почему-то всегда этот вопрос мне задавали именно тогда, когда я был не свободен...

Нет, поймите правильно: ни тогда, с Натали, ни в 90 процентах других случаев от моего ответа ничего не зависело, ничего бы не изменилось, да и не могло бы измениться, так как ничего не было...

Но от самой этой мысли у меня легким недомоганием проскочило чувство разочарования, показалось, что это как-то не честно...

Может, если бы я смог сказать «нет», у меня было бы право на большую, чем официальная, вежливость, на более явное проявление моей приязни — пусть всего на эти оставшиеся час или два, что нам было суждено провести вместе за столиком в ресторане?

А у нее — право позволить себе принять это?

Мы сидели у большого окна, за которым была черная ночь и где-то тут же, совсем рядом, океан — невидимый, но почти осязаемый из-за совершенно явственных раскатов прибоя...

Натали рассказывала про историю отеля и упомянула, что «Vanuap Tree» стоит на земле, которой когда-то, в 1970-е годы, владел — кто бы вы думали? — Джордж Харрисон! Этот уголок на юго-западе Маэ привлек его своей красотой и первозданностью.

Вместе с ним землю в Анс-Энтанданс приобрел и Питер Селлерс.

Для тех, кто не знает, Селлерс — весьма известный английский актер. Но для меня, как и для многих представителей моего поколения, это имя вызывало только одну ассоциацию: он снялся в фильме «Кудесник», где вторую главную роль сыграл Ринго Старр и где звучала музыка, написанная Полом Маккартни, в исполнении ансамбля «Айвиз» (позже «Бэдфингер») — продолжателя «дела» «Битлз»...

Помню, на кинофестивале 1973 года в Москве «Кудесник» каким-то образом попал во внеконкурсный показ, и достать билет на просмотр было вожаделенной мечтой тысяч битломанов. И имя Селлерса, оказавшегося в такой компании, тоже стало почти культовым...

А затем Натали перешла к именитым постояльцам своего отеля и сказала, что одним из первых его гостей был сэр Пол Маккартни, приехавший именно сюда в свадебное путешествие со своей второй, теперь уже бывшей женой. Было это просто совпадением, или один «битл» нарасказывал о Сейшелах другому... Кто знает?

Но, конечно же, тогда за ужином с Натали я вспомнил встречу в Бостоне и понял, что тот американец не фантазировал...

Сколько совпадений и любопытных открытий за один вечер!

Мы разговаривали с Натали до поздней ночи. В ресторане никого уже, кажется, не осталось... Я и не предполагал, что формальное мероприятие может превратиться в беседу, которую не захочется прерывать.

Было только неловко перед официантами, которые уже давно могли бы закончить свою работу.

И я вспомнил, как однажды сидел со своей нью-йоркской знакомой в небольшом афганском ресторанчике на Лексингтон-авеню — мы не виделись много лет, у нас была масса общих друзей... В какой-то момент мы с ней заметили, что в зале из посетителей мы остались с ней одни, а вся немногочисленная обслуга собралась за одним столиком и иногда поглядывает на нас. Мы поняли, что они не закрываются только из-за нас...

Я вернулся в свой номер-виллу. То ощущение, что я где-то на берегу холодного океана, бурлящего от пронзительно-го ледяного ветра, которое создавалось из-за работающего кондиционера и шума сильного прибоя за окном, здесь только усилилось. В номере было 19 градусов. Казалось, что на улице — холодное ненастье...

Надо было идти спать — подъем предстоял в пять утра.

Но прошедший день был такой долгий — интересные и волнующие встречи, потрясающий вид на океан с гор в Миссии, обед в Королевском саду — самой первой плантации пряностей, заложенной еще Пьером Пуавром, с не менее потрясающим видом на океан, новые знакомства — и вот сейчас открывшаяся цепочка совпадений...

Я не мог отказать себе в удовольствии поплавать в ночи под тропическими звездами в своем — пусть и всего на одну ночь — индивидуальном бассейне. А вернувшись в но-

мер, стал листать подаренный мне Майклом Адамсом альбом с репродукциями его шелкографий...

И ночь совпадений продолжилась.

В конце альбома был список галерей, собраний и частных лиц, у которых хранятся его работы.

Кроме имен членов королевской семьи Великобритании, чему я не удивился, я увидел такие хорошо знакомые мне имена, как Бертон Бенедикт и Пол Теру.

Бертон Бенедикт, американский социолог, — автор первых научных работ о любимых мною Маврикии и Сейшелах, которые я читал и изучал, еще будучи студентом. С Адамсом он наверняка познакомился на Сейшелах, где проводил свои социологические исследования в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века.

А вот Пол Теру — живой классик трэвелога, автор «Большого железнодорожного базара» и массы других книг, в том числе и моей любимой «вымышленной автобиографии» «Моя другая жизнь», человек, которого я не раз перечитывал, цитировал, который подсказал мне не один сюжет, в том числе и о музее ГУЛАГа под Пермью... Скорее всего у них с Адамсом знакомство состоялось еще в Уганде, где Теру тоже преподавал... Кстати, если не ошибаюсь, Теру свою жену-англичанку тоже нашел в Восточной Африке...

Когда-то мне кто-то, не помню уж кто, говорил о так называемой теории «рукопожатий» — два любых человека на нашей планете знакомы между собой максимум через трех людей.

Звучит фантастично, но я сам не раз убеждался в ее справедливости. По крайней мере мог выстраивать такие цепочки со многими знаменитыми людьми. И тут вдруг снова. Да, тесен мир!

И главное, где я обнаруживаю это всего «одно рукопожатие», которое отделяет меня от моих если не кумиров, то лю-

дей, которым я отдаю и отдавал должное, чьи имена у меня были в уме и на языке... На Сейшелах!

...Когда я на следующий день летел с Маэ в Париж, среди музыкальных программ на борту самолета «Air Seychelles» я нашел и редкую версию «While My Guitar Gently Weeps» Джорджа Харрисона.

Под нами был Индийский океан, а потом показался совершенно прямой, словно прочерченный по линейке, берег Африки. После последней моей ночи на Сейшелах песня в наушниках звучала более чем уместно...

«Мон контан у, Сесель»

Теперь я знаю те слова, которые мне так хотелось сказать в первый момент, когда я оказался на Сейшелах. Но тогда я этих, правильных слов не знал... Были только ощущения. Их, наверное, можно было выразить по-разному. Многими словами, долгими фразами...

Но теперь я знаю самые короткие и емкие слова...

Где я их узнал, где услышал? Или подслушал? Точно не помню...

Помните концовку «Yellow Submarine»? Кончается анимация, появляются живые Джон, Пол, Ринго и Джордж... И говорят, что произошедшее в мультфильме — это правда. И привезли они с собой из страны Пепперлэнд кто что. Ринго — дырку в кармане, Джон — сияющее слово «любовь»...

Я с Сейшел тоже привез любовь.

«Мон контан у». Где я услышал эту фразу? Подслушал? Или — составил сам... по аналогии с «Мон фатиге», «Мон коннен»...

Теперь мне кажется, что я знал эту фразу с самого начала, с первого момента, как оказался на сейшельской земле.

По крайней мере созвучное ей чувство сопутствовало мне там повсюду.

Удивительно, но ни разу я не вздрогнул, не отвернулся, не попятился...

Про все, везде и всегда я был готов говорить или просто думать — «мон контан у»!

Во многих книгах и первых туристических гайдбуках Сейшелы называют «Островами любви».

Что имеется в виду? Конечно, свободные нравы, любвеобильность местных красоток. А часто — ничего, просто нужно было создать романтический образ атмосферы тропических экзотических островов.

Хотя никто не грешил против истины. Даже тот, кто не ищет любви, находит дружелюбие... А любовь и дружелюбие — это ведь где-то совсем рядом...

А для меня это точно «Острова любви». Потому что, узнав и запомнив «Мон контан у», я был готов эти слова раздавать направо и налево. И брать их от всех. Брать не по звучанию, а по смыслу.

Любовь зла... Но если она настоящая, а не роковая и не бессмысленная, все начинается с ощущения приязни, обаяния, очарования.

И — о да! Очарования у Сейшел не отнять.

Сколько счастливых людей я там встретил! В маленьком месте и совсем за малое время. Скольким из них я смог позавидовать белой — абсолютно белой — завистью. Под обаяние скольких людей я успел попасть.

Это — песнь сирены. И для меня в отличие от Глинна она продолжает петь. Потому что он там, а я — здесь...

«Another World» — «Иной мир» — это туристический бренд Сейшельских островов.

Действительно, совсем иной мир. Причем для всех. Даже те, кому в принципе наплевать, что суть Сейшелы, там оказываются в совершенно иной среде, в ином ритме жизни, в ином отношении со временем...

Но это по-любому «иной мир». Потому что это не Африка. Это не Азия. Это не Европа.

Это иной мир. Это Сейшелы. Крошечный осколок этих трех, потусторонних здесь миров, но — каким-то невероятным провидением — соединившихся здесь.

Мир иной, но не чужой. Не чуждый.

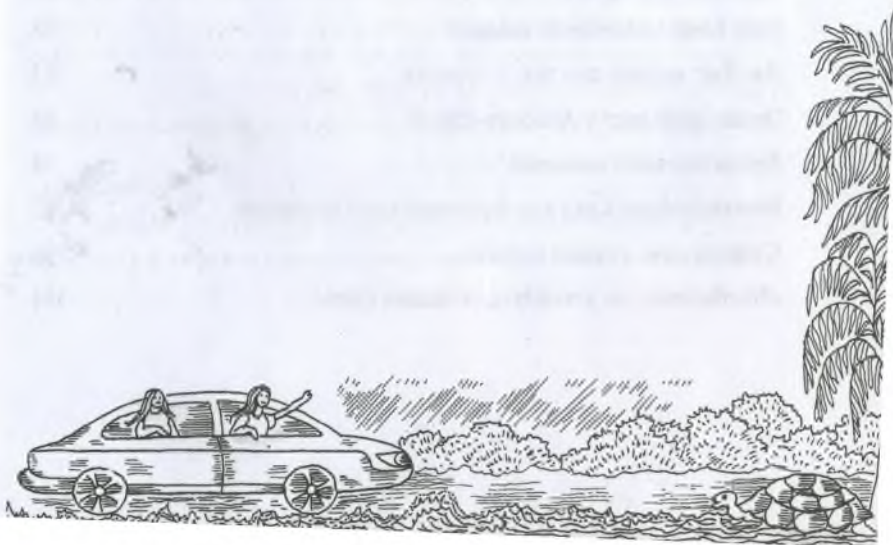
Мне он показался своим — теплым, близким, притягивающим.

И мне жаль было с ним расставаться.

В аэропорту, перед самым вылетом, я заказал в баре местного темного рома «Такамака» со льдом, и так как я был уже один, поднял стакан и мысленно чокнулся с ярким солнечным миром за оконным стеклом.

«Мон контан у, Сесель». «Я люблю вас, Сейшелы».

Это было мое спасибо островам... А как я еще мог их благодарить?!

Оглавление

Низкие облака	5
Осколок трех континентов.	16
«Сеселуа» звучит гордо	22
Высокие острова министра финансов	28
Господин Перец и отец сейшельской дипломатии.	35
Самая маленькая Виктория	41
В тысячи миль отовсюду	47
Глинн и песни сирены	51
Пальма и генерал	55
Еще один уцелевший символ...	58
Ля-Диг: остров для тех, кто устал.	62
Энциклопедист с Альберт-стрит	68
Герои местной истории.	74
Ненайденный клад как национальное наследие	82
Старый дом, старые загадки.	96
«Northolme»: не «только для ваших глаз»	101

В СЕРИИ также ВЫШЛИ:

Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо

Виталий Бабенко. Земля — вид сверху

Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана»

Владислав Петров. Три карты усатой княгини

Свен Хедин. В сердце Азии

Геннадий Коваленко. Русские и шведы от Рюрика до Ленина

Лев Минц. Придуманные люди с острова Минданао

Бенгт Янгфельдт. От варягов до Нобеля

Олег Ивик. История человеческих жертвоприношений

Анна Мурадова. Кельты анфас и в профиль

Даниэль Клугер. Тайна капитана Немо

Валерий Гуляев. Доколумбовы плавания в Америку

Светлана Плетнева. Половцы

Ким Малаховский. Пираты британской короны
Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир

Алексис Трубецкой. Крымская война

Валерий Гуляев. Загадки индейских цивилизаций

Олег Ивик. Женщины-воины: от амазонок до куноити

Виолет Вануайек. Великие загадки Древнего Египта

Яков Свет. За кормой сто тысяч ли

Лев Минц. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок

Аксель Одельберг. Невыдуманные приключения
Свена Хедина

Гомбожаб Цыбикив. Буддист-паломник у вершин Тибета

Кривцов Н.

К82 Сейшелы — осколки трех континентов / Никита Кривцов. — М. : Ломоносовъ, — 2011. — 200 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-081-9

Сейшельские острова открыты португальцами в начале XVI столетия. Первую колонию здесь основали французы, затем им на смену пришли англичане. Долгое время Сейшелы были пиратским раем, и до сих пор кладоискатели ищут несметные сокровища знаменитого пирата Ля-Бюза, будто бы зарытые на одном из островов. Затем европейцы сталисылать сюда непокорных вассалов — жили здесь и вождь африканского племени со штатом колдунов, которые заложили традиции местной черной магии, и малайский султан с четырьмя женами, который вывез с Сейшел французскую мелодию, ставшую гимном Малайзии. А кое-кому острова служили убежищем — сюда, по легенде, сбежал сын казненного якобинцами короля Людовика XVI. Постепенно на Сейшелах образовался единый народ, в который сплелись европейцы, африканцы, выходцы из Индии, Аравии и Китая, а рай из пиратского сделался туристическим. И ныне острова знамениты пляжами и самым крупным на земле орехом — 20-килограммовым «морским кокосом», чьи плоды имеют весьма пикантную форму...

Никита Кривцов — кандидат исторических наук, автор нескольких книг, опубликованных в России и в Великобритании.

УДК 914/919

ББК 26.89

История. География. Этнография

Никита Кривцов

Сейшелы — осколки
трех континентов

Редактор И. Дзюба
Художественный редактор Е. Трушина
Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 22.02.2011.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 12,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 4919

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Мансуровский пер., д. 13

Тел. (495) 637-45-49

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf

тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Никита Кривцов
Сейшелы —
осколки трех
континентов

Открытые португальцами в начале XVI столетия Сейшельские острова, общим числом более сотни, имеют насыщенную историю. Сначала они были настоящим пиратским раем, затем европейские колонизаторы превратили их в место ссылки для непокорных вассалов — жили здесь и вождь африканского племени со штатом колдунов, и малайский султан с гаремом. А кое-кому острова служили убежищем — сюда, по легенде, сбежал сын казненного якобинцами короля Людовика XVI. Постепенно на Сейшелах образовался единый народ, в который сплелись европейцы, африканцы, выходцы из Индии, Аравии и Китая, а рай из пиратского сделался туристическим. И ныне острова знамениты пляжами, над которыми нависают пальмы с самым крупным орехом на земле — 20-килограммовым «морским кокосом», чьи плоды имеют весьма пикантную форму...

Никита Кривцов — кандидат исторических наук, автор нескольких книг, опубликованных в России и в Великобритании.

ISBN 978-5-91678-081-9

9 785916 780819